

АХТО ЛЕВИ

ТАКОЎ СМЕШНОЎ КОРОЛЬ!

Повесть первая

PG
3483
E82
K67
1989

=====

АХТО ЛЕВИ

**ТАКОУ
СМЕШНОУ
КОРОЛЬ!**

Повесть первая

КОРОЛЬ

Московский рабочий

1989

ББК 84Р7—4

Л36

Л $\frac{4702010201-107}{M172(03)-89}$ Без объявл.

ISBN 5-239-00614-8

© Издательство «Московский рабочий», 1989

Перед вами книга о времени, которое оставило в памяти, душах людей неизгладимые, трагические следы. Это время правления Сталина и его окружения, когда идеалы социализма, представления о Советской власти и ее изначальные замыслы были искажены до неузнаваемости. Многие в ту пору по вполне понятным причинам были не в силах разобраться в происходящем, кое-кто затаился, выжидая, какой еще «сюрприз» преподнесет непростая действительность...

Для трудящихся Эстонии (а именно об Эстонии идет речь в книге Ахто Леви), ставшей советской республикой в 1940 году, новая власть была во многом овеяна мифами и легендами, а представления о ней лишь в малой степени основаны на личном опыте.

Для них (да разве для них одних?) это были тревожные годы. Тень фашистской свастикой нависла над Европой. И в Эстонии, где не был забыт семисотлетний гнет немецких баронов, активизировались силы, видевшие единственный выход для своей маленькой страны в добровольном вхождении в состав большого государства, выбравшего социалистический путь развития. Они боролись под руководством возрожденной после разгрома в 1924 году коммунистической партии. Кстати сказать, именно эти силы в начале Великой Отечественной войны участвовали в организованной Красной Армией героической обороне Моонзундского архипелага, во многом определившей защиту Ленинграда...

Первая повесть, озаглавленная «Король», написана как бы от лица мальчика. Он живет в мире детских иллюзий, в который не всегда логично вкрапливаются впечатления «взрослой жизни». Они трансформируются в его сознании весьма причудливо, и, учитывая, что и сами взрослые пользуются сведениями, полученными по приемнику «Филипс» от буржуазных и фашистских служб информации, можно легко объяснить, отчего многие факты в книге приобретают фантастическое звучание.

Ничего не смыслившие в большой политике простые эстонцы оказались жертвами сталинских репрессий и необоснованных высылков, что повлекло за собой далеко идущие негативные последствия. Где было разобраться обывателю в том, что происходящее было направлено не против эстонцев как народа. Мог ли он знать, что и в самой России происходили весьма схожие процессы: так же уничтожались земледельцы, рабочие и интеллигенты — в их числе и настоящие коммунисты. Не понимая этого, иной растерявшийся потомок древних эстов свое неприятие новой власти вольно или

невольно перенес на русских собратьев, забыв о многовековых связях между ними. А ведь славяне издавна селились на берегах Балтийского моря, но никогда не посягали на интересы коренных обитателей. И в старинном названии прекрасной эстонской столицы звучит напевность славянской речи — Кольвань, а прежнее имя университетского городка Тарту — Юрьев.

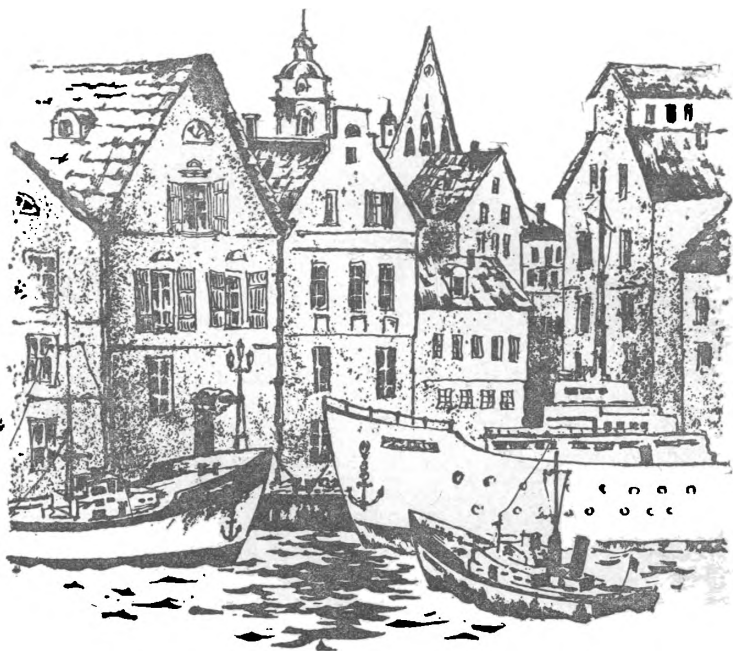
Сейчас же настало время разобраться в нашем общем прошлом. Ведь тираны уходили и приходили, но всегда оставались народы, которым, в сущности, нужно одно и то же: мирное небо над головой и свободный труд на земле, завещанной предками. Все мы братья на нашей многострадальной планете, и писатель Ахто Леви ненавязчиво напоминает нам об этом. Его маленький герой связан трогательной дружбой с русским солдатом Поликарпом, пришедшим на эстонскую землю отнюдь не как завоеватель. Дружба эта назидательна: мир человеческих отношений так прекрасен, но порой столь беззащитен и хрупок, что слишком большая роскошь разрушать его. Дружба — это непреходящая ценность нашего бытия, и она прозрачным ручейком журчит через всю книгу, пока война не врывается на ее страницы суровым и безжалостным диссонансом.

Ныне, когда стало ясно, что не все благополучно в вопросах, связанных с межнациональными отношениями в нашем обществе, повесть подводит еще к одному поразительно ясному выводу. Ахто Леви давно живет в Москве, пишет на русском языке, тем не менее он остается эстонским, истинно национальным писателем, отражающим в своем творчестве мысли и чаяния своего народа. Удивляться тут нечему: самоизоляция культуры любого народа нашей страны попросту невозможна. Истинная культура не может существовать и развиваться в замкнутом пространстве, в противном случае... мы уже хорошо знаем, что от этого происходит...

Не исключена возможность, что кому-то не все понравится в повести Ахто Леви, кто-то согласится не со всем тем, что предлагает автор. Кстати сказать, он и не стремится угодить всем, но честно и непредвзято стоит на своих четких и выстраданных гуманистических позициях. Художественные же достоинства его нового произведения очевидны.

Может статься, что читатель, прочитав первую часть трилогии «Такой смешной король!», с нетерпением будет дожидаться ее продолжения. Вторая книга выйдет в конце 1989 года, она расскажет о фашистской оккупации Эстонии. Третья — в следующем, 1990-м, в ней исследуется насыщенный драматизмом послевоенный период в республике на берегу Янтарного моря.

Владимир ПЕСТЕРЕВ

КОРОЛЬ

ГЛАВА I

Было лето одна тысяча девятьсот тридцать девятого года, когда Короля Люксембургского привезли в порт Навозный. Здесь он должен был сесть на пароход, чтобы совершить морское путешествие до Сухого Места — основного порта Островной земли. Немногочисленная свита Его Величества состояла из двух персон — мужчины и женщины. Это были Хелли Мар-

тенс тридцати двух лет, скромно одетая темноволосая женщина с очень правдивыми серыми глазами, и Алфред Рихард, который был мужем Хелли Мартенс и старше ее на три года; это был хорошо сложенный зеленоглазый шатен с внимательным взглядом.

В чем заключались их обязанности? Задачей их жизни было кормить и воспитывать королевскую особу, отвечать за его удобства, следить за тем, чтобы он был здоров и рос поскорее. Они надеялись, что станет он красивым и умным. А пока был конец июня, и Его Величество Король Люксембургский уже отпраздновал свой седьмой день рождения. Этим фактом был он весьма доволен, потому что в честь такого знаменательного события ему преподнесли новый костюм из синей ткани в клетку, новенькие сандалии, которые при ходьбе кокетливо скрипели, фуражку тоже синего цвета, каковая и украшала теперь высочайшую голову, потому что — это всем известно — в такую жаркую погоду короли короны не носят и вообще уважающие себя Величества в нормальной жизни зря голову всякой всячиной не утруждают.

Собственно, в приобретении вышеперечисленных обновок участвовал и сам Его Величество. О том, что все эти вещи должны были приобрести, он узнал задолго до этого, подслушав разговор Хелли Мартенс с Алфредом Рихардом. Так что, когда он, Король, соизволил отправиться в магазин, его сопровождал Алфред...

Происходило это еще в Главном городе страны.

В магазине Люксембургскому Королю понравилось. Тем более что он нечасто посещал магазины, главным образом по причине сложных отношений со своим казначеем, кем являлся все тот же Алфред. И теперь Король с удовольствием пялил глаза на все, что лежало на прилавках и висело над ними. Он присматривался и принюхивался к людям, от них так

странно и особенно пахло. От женщин исходил разнотравный сладостный запах, так одна старенькая дама в широкополой шляпе пахла жимолостью. Его Величество вместе с Королем Нидерландов дарили ей цветы. Они рвали их в своем дворе у забора недалеко от помойки, обыкновенные ромашки, но даме это нравилось, и она за это всегда угощала леденцами.

Алфред Рихард долго ходил с ним из одного отдела в другой. Его Величество измеряли деревянной линейкой, на него одевали пиджаки в клетку и полоску, и под конец откуда-то из-под потолка достали несколько фуражек. Король все их примерил, и Алфред Рихард заплатил за выбранную.

Хелли Мартенс покупки рассмотрела, в целом одобрила, но сказала, что все ужасно дорого, что если дальше так пойдет, то неизвестно, как жить. Алфред Рихард держался более оптимистично. Он отметил, что «пока, слава богу, заказы есть, так что нет основания переживать». Но вообще-то, по его мнению, тот вариант все же более перспективен, потому что жизнь в Главном городе становится изо дня в день дороже, тем более что уже подскочили цены на политурные лаки и заячьи лапы, а без заячьих лапок невозможно полировать изготавливаемую им мебель.

Его Величество ко дню приобретения им нового костюма уже с полгода как был признан Люксембургским Королем. Коронация происходила на улице Сиде, которая была расположена неподалеку от Маленького вокзала. Здесь в деревянном четырехэтажном доме на первом этаже находилась резиденция юного Короля и столярная мастерская Алфреда Рихарда. Госпожа же Хелли Мартенс целиком и полностью служила Его Величеству. Что же касается его королевства, оно находилось за двором, на пустыре, где ребята обычно играли в «государства»: они разделили пустырь на участки, начертив на земле грани-

цы своих владений. Здесь кто-то был Королем Испании, и какой-то участок пустыря, следовательно, представлял Испанское Королевство. Были здесь и «Англия», и «Германия», и «Индия», и «Сербия», и «Турция», и, естественно, целая орава королей и министров. Министры, как настоящие, вели дипломатические споры, которые, как и полагается, то и дело заканчивались объявлением войны каким-нибудь «государством», скажем «Китаем», другому, скажем «Нидерландам», после чего следовало самое интересное — война как таковая. В результате по вечерам немало министров и королей отправлялись с поля боя по резиденциям с разбитыми носами, разодранными штанами и подбитыми глазами.

Его Величество, на том основании, что жил на свете еще очень мало и ростом обладал небольшим, после раздела «мирового пространства» (то есть двора и пустыря за ним) был вынужден мириться с небольшим пространством рядом с мусорным ящиком. Он было объявил свой угол Бразилией, но «китайскому» и «турецкому» министрам, которые тиранили подданных в своих свитах, по меньшей мере, уже с десяток лет, такое нахальство не понравилось; была созвана «всемирная» конференция, на которой вынесли вердикт: быть ему, правителю угла у мусорного ящика, — Королем Люксембурга, ввиду того что сам он мал и Люксембургия, как стало известно от одного из участников конференции, тоже само по себе очень маленькое государство, так что на карте его, говорят, совсем и не видно, пятнышко какое-то. Его Величество не имело возможности возражать против вердикта, не говоря о том, чтобы объявить войну. Он был доволен и тем, что был признан де-факто как Его Величество Король Люксембургский, которого, по его распоряжению, позже стали сокращенно называть Король Люкс.

После коронации других важных событий в его жизни не было. Как-то быстро минули лето и осень, наступила зима. В рождественскую субботу Алфред Рихард сводил Короля вечером в долину Кадри — место прогулок жителей Главного города. Здесь лес, пруды, лужайки и Дворец президента. Тот вечер, когда они с Алфредом сюда пришли вдвоем, навсегда ему запомнился.

Вечер был сказочно красив. Снежно бело, воздух тих и чист. Лучи предзакатного солнца играли в зеленых ветвях сосен и елей, прыгали белки и синички, особенно запомнилась Его Величеству черная вода маленькой речушки, обнимавшая ласково отражение деревьев на своем берегу, на который из мягкой предвечерней синевы леса вдруг медленно вышла лань, подошла к воде, потрогала копытцем кромку льда — крепка ли и стала пить... Король и Алфред Рихард стояли неподвижно и смотрели на лань — светло-бурая шерсть, тоненькие рога, темные глаза... Она их совсем не боялась.

— Сегодня никто не делает зла другому, — сказал Алфред. — Сегодня даже враги не враждуют и звери доверяют людям, видишь, и лань нас совсем не боится, потому что сегодня — Ночь Рождения Христа.

Королю не хотелось возвращаться домой. Его Величество и Алфред Рихард были в зимней сказке. Ели при наступающих сумерках выглядели синими. «Пора уходить, — сказал Алфред, — иначе можно заблудиться в темноте».

Они вышли из леса и направились в город, где в такой вечер тоже, конечно, интересно. Особенно привлекали витрины магазинов — чего только в них не было! Так и хочется стать богатым! Но Король понимал, что он не богат. Не то чтобы беден совсем, но и не богат. Тем более что политурные лаки и заячьи

лапки подорожали — жить непросто. Они шли по улицам, останавливаясь у витрин, ахали.

— А мы сейчас пойдем к одной даме... в гости,— предложил Алфред Рихард,— у нее нас угостят чем-нибудь вкусным.

Король сразу повеселел...

Они продолжили любоваться сияющими витринами, освещающими их путь, белобородыми Дедами Морозами, разукрашенными елками. Наконец, вошли в подъезд дома, в темноте трудно и разобрать — какого, поднялись на лестничный пролет и... В душу Короля закралось горькое подозрение. Алфред позвонил в дверь и... открыла Хелли Мартенс.

Алфред Рихард впервые обманул своего повелителя. От разочарования слезы навернулись на глаза, но раздалась веселая команда Хелли Мартенс:

— Сеньоры, рыцари! Будьте так великодушны, занесите елку!

Своя елка, которая сейчас оденется во что-то красивое, серебристое, сладкое, вкусное... Ради этого можно простить небольшой обман Алфреда Рихарда, тем более что в рождественский вечер даже враги забывают вражду и никто ни на кого не должен сердиться: сегодня — Ночь Рождения Христа. Он сегодня незримо всех навещает, и везде на земле в этот час должны царить мир, радость и всепрощение.

Потом был Новый год. После этого елку выкинули, а ночью загорелась старая фабрика где-то поблизости; было интересно — светло как днем, — треск был далеко слышен. Короля, конечно, не пустили смотреть. Алфред ходил, вернулся и сказал: «Наверное, подожгли». Король же решил, если подожгли, то потому, что Рождество прошло и люди опять могут враждовать, значит, Христос уже покинул землю, можно и поджигать, раз есть такая необходимость. Королю было очень интересно: где находился и чем был занят

Христос в то время, когда отсутствовал? Но интересы Короля лишь мешали его подчиненным в их ежедневных заботах и занятиях; они предпочитали считать деньги, прикидывая, сколько можно выручить, если «реализовать» мастерскую Алфреда. В воздухе ощущалось тревожное настроение. Король интуитивно определил: будут перемены.

Он продолжал выходить в народ и посещать свои любимые места развлечений — паровозное депо, железнодорожную товарную станцию, забирался в старые паровозы и вагоны, в которых пахло железом и смазочным маслом; он совершал прогулки на пролетках самым изысканным, истинно королевским манером: цепляясь за задки. И конечно же участвовал в любительских драках, когда появлялась охота.

Но в воздухе ощущалось что-то тревожное.

Алфред и Хелли обменивались непонятными Королю замечаниями, строили какие-то планы, понемногу упаковывали некоторые вещи. Алфред уже не принимал заказы на мебель. Ко всему прочему, он все чаще и чаще стал поговаривать о том, как хорошо на острове в деревне Звенинога в поместье Сааре, где Королю еще никогда в его жизни не доводилось бывать.

Жизнь обыкновенных людей казалась Королю вполне заслуживающей внимания и даже его высочайшей зависти хотя бы потому, что они имели право разрешать или запрещать Его Величеству, в то время когда он им запрещать не мог, а разрешать приходилось многое. Из деликатности не станем на эту тему распространяться — кому приятно!

На его люксембургские владения между мусорным ящиком и грудой основательно прогнивших досок претендовали «короли» «Испании», «Англии», и конечно же «американский капитал» стремился наступить же-

лезной пяткой на крохотное государство, но до войны дело не дошло. Настал день, когда Король Люксембургский добровольно отказался от этих владений ввиду уже давно предвиденного странствия в неведомые края. Этому предшествовало немало событий: приходили чужие люди и упаковывали все домашние вещи в огромные ящики, которые куда-то увезли, а чемоданы, корзины и мешки — Король это знал — его придворным пришлось тащить на себе, как это бывало уже не однажды по не совсем понятным юному Королю причинам.

Насколько ему было известно из истории своей августейшей семьи, после того как Хелли Мартенс вышла замуж за армейского фельдфебеля, молодая семья была тут же вынуждена искать убежище. У фельдфебеля не было личного состояния, не оправдались надежды и на приданое Хелли Мартенс. Да и Король Люксембургский предъявил преждевременные претензии на жизнь. Посему Алфред Рихард, которому повезло стать отцом Его Величества, разъезжал по стране и занимался различной малодостойной, но свойственной низкороджденным подданным деятельностью: выращивал у богатых землевладельцев поросят, огурцы, возделывал землю, то есть пахал на пароконной тяге, бороновал. В общем и целом эта деятельность никого в семье не устраивала, потому что платили мало, а Король уже давно диктовал подданным своим ничем не оправданные прихоти весьма скандального характера: когда хозяин владения, где они вынуждены были временно жить, подрубил топором уши своей собаке — любимице Короля, последний в величайшем гневе укусил его за палец. После этого инцидента дальнейшее пребывание королевской семьи в данном местечке стало невозможным. Начались поиски другого... Итак, маленький Король-изгнанник повидел мир, наблюдая его главным образом

с высоты груженной повозки, запряженной не самыми ретивыми лошадьми.

На этот раз лошадь играла незначительную роль в переселении: она лишь притащила на вокзал чемоданы, Алфред Рихард сдал их в небольшое здание, на двери которого было крупно написано одно-единственное слово: «Багажное». Это слово Королю очень понравилось.

Если раньше он в общем-то всегда был осведомлен о причинах переселения, потому что это часто имело к нему прямое отношение — то он кого-нибудь укусил, то сломал или изрезал какую-нибудь вещь, чтобы установить принцип ее конструкции, или поджег курятник, — то в настоящее время решительно ничего нельзя было понять: он точно знал, что ни одной стекляшки в последнее время не разбивал. Значит, дело на этот раз не в нем, а в чем-то взрослом, и, видать, очень важном, раз они вынуждены отправиться в такую даль по суше и морю. Но, увы, ему никто не счел нужным что-либо объяснить. На все его попытки установить ясность в происходящем Хелли Мартенс лишь коротко отрезала: «Мал еще совать нос во взрослые дела...» Непочтительно, конечно. Спорить, однако, не имело смысла...

Чтобы понять что-то, он запасся терпением.

Если признаться откровенно, поездом путешествовать ему еще не приходилось, поэтому было интересно сидеть у окна и смотреть, с какой скоростью бегут в обратную сторону деревья, телеграфные столбы, дома, коровы. Алфред заметил Хелли Мартенс, что они едут с максимальной скоростью, что-то около тридцати километров в час. Ого! На лошади такую скорость можно развить на отрезке в какие-нибудь полкилометра, пока лошадь не выдохнется, а здесь несется безостановочно черт знает как... Остановки, правда, были небольшие. От такой непривычной скорости Ко-

роль даже не заметил, как заснул, но и во сне все время ехал в поезде; коровы во сне бежали не назад, а скакали рядом с вагоном да еще бодались рогами... Нет, путешествовать в таком сверхскоростном транспорте все-таки утомительно. Когда на телеге ты сидишь, загруженной вещами, наблюдаешь и думаешь. А надоест, можно спуститься на землю и пробежаться рядом с повозкой. Но рядом с поездом разве побежишь?..

Пока ехали до порта Навозный, Король основательно вымотался. Хорошо еще, что и по морю он, кажется, до этого не путешествовал, хотя здесь есть кое-какие неясности: дело в том, что Алфред Рихард как-то намекнул, будто именно на этом острове, в городе Журавлей, куда они теперь отплывали, родился Его Величество. Но если это правда, как же он с острова на материк попал? А ведь ему уже целых семь лет, но он не помнит, чтобы когда-нибудь ступал на палубу хотя бы самого ничтожного, мало-мальски плавающего предмета! Загадка! Что же это, птицы, что ли, его перенесли?

Алфред Рихард в этом вопросе ссылался на неважнецкую у королей память, но уж если Его Величество помнит все похождения Джузеппе Гарибальди наизусть, то как же можно сомневаться в его памяти? Здесь не иначе, решил он, от него что-то скрывают. Но не будь он Король, если все это не выяснит! Нашли простака!

Как он попал с острова на материк, пока было не ясно, зато плавание на остров он запомнил отлично, хотя ничего особого и достопримечательного в нем и не было. Сперва на довольно внушительного размера корабль, который почему-то назывался паромом, перетасили вещи, сами же пассажиры расположились по всему судну, где кому понравилось. Более слабые, опасаясь морской болезни, естественно, си-

дели в тесных и душных каютах, как, например, Хелли Мартенс. Что же касается Короля, он устроился на носу и наблюдал, как пароход рассекал морские волны, приближаясь к месту назначения.

Алфред Рихард... Его-то понять можно было: он бегал между корабельным носом, где сидел Его Величество, и какой-то, где сидела Хелли Мартенс, чтобы доложить ей, что «он» еще сидит на носу, а то Хелли боялась, как бы «он» с носа не свалился. Он же, то есть Король, никуда падать не собирался. Он просто смотрел в воду и гадал, сколько там может быть рыб, пытаюсь себе представить, что они думают о такой вот махине, как этот корабль, который, не спросив их рыбьего разрешения, так грубо и без спроса нарушает их покой.

Погода стояла жаркая, ритмично шумели двигатели, вокруг летали чайки и кричали на своем чайкином языке: кай-як! Кай-як! Что это означало, Королю было неизвестно. Алфред объяснил:

— Каякас на эстонском языке означает чайка.

Из этого можно сделать вывод, что чайки, приветствуя Короля, представлялись ему.

Кто-то из пассажиров заиграл на аккордеоне, и у Его Величества образовалось возвышенное настроение.

Морское путешествие оказалось менее утомительным еще и благодаря тому, что, в отличие от поезда, который тащился до Навозного порта со многими остановками почти полдня, корабль пересек морское пространство всего за тридцать минут.

Зато следующий этап переезда был кошмарным! Королю совершенно непонятно, как могут разумные люди рисковать до такой степени, чтобы доверить свои жизни так называемому омнибусу (само название этого транспортного средства дает представление о его некомфортности), который к тому же вынуж-

ден передвигаться по дороге, сплошь состоящей из ям и колдобин... Путешествие в омнибусе по такой дороге можно рекомендовать исключительно людям, страдающим плохим пищеварением.

Если бы не забавные, с точки зрения Короля, происшествия, ему было бы скучно. Сначала его занимал старик с большой черной трубкой, которую ее хозяин, хотя и потухшую, гордо сосал — ни у кого такой трубки не было. Поскольку он сидел рядом с Королем, то, естественно, завел с ним разговор.

— Ты кто же такой будешь? — вопрошал он, по-сасывая свою шикарную трубку. Только благодаря такой выдающейся трубке Король снизошел до ответа и сказал, что он...

— Король я.

Седой старик засмеялся: он оказался на удивление сведущим о жизни королей.

— Вот какой смешной король! — воскликнул он. — До сих пор в Европе знали как самого молодого короля Югославии Петера Второго, отца которого убили. Петер, он старше тебя немного, обожает играть в индейцев и ковбоев. И каков умница! «Почему у деревьев листья?» — спросил он как-то своего учителя. «Чтобы деревья дышали», — отвечал ему тот. «Да? — удивился Петер. — Как же они дышат зимою?» Ха-ха-ха!

Старик долго смеялся от души.

— А вот некоторым королям приходится скрываться, как, например, афганстанскому Амануллаху — в Риме. Правда, ему и в Риме неплохо живется, охотится с итальянским королем и вспоминает, как когда-то был королем Афганистана и в своих угодах стрелял по шестьсот уток в день. — Старик опять долго, душевно смеялся. — Королям везде хорошо. Но, — старик замахал назидательно трубкой, — диктаторы оказываются сильнее королей, это я вам говорю. Что

там итальянский король против Муссолини!.. Или немецкий кайзер против Гитлера...

Старик, воодушевленный собственным красноречием, запалил трубку и запыхтел, выпуская дым, словно паровоз. Тут водитель омнибуса крикнул ему, чтобы перестал курить. Старик рассердился, и тогда кондуктор потребовал его билет. Старик смущенно признался, что забыл его купить, потому что... нет денег. Кондуктор сказал, что ему надо выйти, а старик воспротивился. Они все спорили и спорили, а кругом смеялись, и Королю было весело. Тут вдруг кондуктор схватил трубку старика и выкинул в окно. Старик даже задохнулся. Как?! А так! Плати за билет. Не заплачу, ты плати за трубку! Пока кричали да спорили, старик далеко проехал, наконец, заплатил за билет, оставшись без трубки, а Королю было весело и другим пассажирам тоже.

Когда наконец их вместе с чемоданами высадили из этого жуткого технического чудовища, они очутились в густой туче пыли, образовавшейся от торможения омнибуса на грунтовой дороге. Когда же пыль рассеялась, они обнаружили, что никто их не встречает, как было обещано то ли Юханом, то ли Ангелой — супругой Юхана. Они долго глазели по сторонам и на шнырявших в безоблачном небе стрижей. Хелли сидела на чемодане, Алфред нервно делал круги вокруг нее, пытаясь как-то объяснить создавшуюся ситуацию. В частности, он высказал мысль, что омнибус приехал раньше назначенного часа (лично Королю это показалось абсурдным). Наконец, послышался скрип и грохот со стороны проселочной дороги. К ним приближалась серая лошадь, запряженная в длинную телегу на деревянных колесах с железными ободьями: они то и издавали такой невыносимый визг и грохот. На колымаге сидел худощавый старик со злобным лицом. (Это был — дед Юхан.)

Омнибус действительно приехал... с большим опозданием, к тому же на совершенно ровном месте у телеги отвалилось колесо, так что пришлось с ним повозиться. Это колесо теперь больше других и верещало, жалуясь на какую-то свою колесную обиду.

Поздоровавшись с Хелли и Алфредом как-то небрежно, дед Юхан стал основательно изучать Его Величество, который тогда еще не знал, что в этом отношении все деды на свете совершенно похожи. Юхан не сказал о феодале ничего определенного, лишь произнес: «Гм, кхе, хе-хее...» — и начал нагружать на колымагу поклажу, усадил на нее Короля, сам же вместе с Хелли и Алфредом зашагал рядом с подводой, время от времени причмокивая и покрикивая на серую: «Но-о!»

О чем они там болтали, Король не слушал, ему это было неинтересно. Он любовался дорогой и хлебами, росшими по обеим сторонам. Тут и там виднелись рощи, порхали птицы и пахло новыми запахами — травой, полевыми цветами. В целом картина располагала. Вдали, за полями, за хлебами, показались деревенские усадьбы. Поместье...

Хутор Сааре стоял чуть поодаль от других и располагался в центре довольно приличного сада, окружавшего дом и двор со всех сторон. Здесь росли липы, клены и ясени. Еще издали был виден флагшток и на нем сине-черно-белый национальный флаг. Навстречу выбежала пестрая остромордая собака. Это пришла поклониться хуторская Вилка. Она обнюхала всех и затрусилась сзади, не проявляя при этом особого интереса к личности Короля.

Алфред как-то объяснил, что флаги поднимают по большим государственным праздникам или при встречах высокопоставленных важных персон. Стало приятно, что и в честь Короля на хуторе Сааре был поднят национальный флаг. Ворота открыла бабушка,

Ангела. Издали она показалась большим муравьем, с огромными глазами из-за очков, вся тоненькая, с тонюсенькими ножками. Она поцеловала Алфреда и Хелли, затем стащила Короля с повозки, и не успел тот толком осмотреться, как очутились они с Ангелочком — так все ее шутя называли — в чулане. Она сунула ему огромный кусок хлеба, густо намазанный медом. Нет, ничего!.. С такими подданными жить можно, решил Король Люксембургский.

ГЛАВА II

Королевская семья разместилась в самой большой комнате хуторского дома. Королю в этой стране — на Островной земле — очень нравилось. В деревне Звениного тоже. Для него это было больше, чем оказаться на новом месте, — он словно очутился на другой планете, где все не так, как на той звезде, с которой он прилетел. Причем так оно в действительности и было: здесь, на Островной земле, все совсем другое: и небо, и земля, и воздух. Здесь деревья не такие, здесь люди отличаются от материковых. Конечно же и птицы и собаки... Да, все здесь не так, как в Главном городе — намного лучше.

Начать с собаки. Как известно, ее звали Вилка, а какого она была рода, мужского или женского, сказать трудно. Эта небольшая пестрая лохматая собачка с острой мордочкой, небольшими нервными ушами и умными внимательными глазами стала преданным другом Его Величества в тот же день, когда он на громяхющей телеге въехал во двор хутора. Отличалась ли Вилка от собак Главного города, Король определить не старался, ведь у него там не было собственной собаки.

Но что деревья здесь были красивее — в этом не было сомнения. Он никогда не видел столь черных, с

блестящими перьями ворон, как та, которая облюбовала себе постоянную ветку на большой ракете у бани, откуда о чем-то ежедневно с раннего утра оповещала свой вороний народ. Но чтобы чайки, эти белые морские жители, садились на поля в поисках червей... Такого на Большой земле Его Величеству видеть не доводилось.

А можжевельник? Король довольно быстро сообразил, что это и есть самое главное дерево на свете, так что и не удивился, когда бабушка Ангела ему рассказывала про черно-синие горькие плоды можжевельника, как про чудо-лекарство, помогающее против девяноста девяти болезней. Но ему было непонятно, почему не против ста, а только девяноста девяти? Значит, подумал Король, всего на одну-единственную болезнь не дотянул можжевельник, а то как здорово: от ста болезней спаситель! Круглый счет. Король любил именно круглый счет. Он более понятен.

Итак, королевская семья поселилась в самой большой комнате дома. А сколько всего было комнат, Королю сразу трудно было запомнить, их расположение не позволяло ему сориентироваться. Но он знал, что рядом с огромной кухней находится спальня Ангелочка и Юхана, в небольшой комнатке с другой стороны кухни проживал Манчи, то есть Иммануэль, которого ему представили как младшего дядю. Иммануэлю — сокращенно Манчи — было шестнадцать лет. Он, как и Алфред, зеленоглазый, русоволосый, стройный и веселый.

О да, Его Величеству было очень интересно знакомиться с новыми людьми, которые почему-то считались его родственниками, дядями и тетями. Из последних присутствовала единственно самая младшая — Сесси, еще ее звали Зузи. Король нашел ее очень милой, ей было уже пятнадцать, но, несмотря на это, Его Величество считал, что она превосходно

сохранилась. У нее было миловидное личико с такими же, как у всех в роду Алфреда, зелеными глазами, волосы коротко острижены, рот нежный, а над ним симпатичный нос.

На Сесси перечень теток здесь обрывался. Одна-ко Королю объяснили, что их у него много; остальные замужем и разъехались по всей стране. Из женщин в доме то ли проживала, то ли нет, во всяком случае, почти ежедневно уезжала куда-то и возвращалась Мелинда Хромоножка. Королю в качестве родственницы ее не представляли, она считалась невестой его дяди Хуго, тоже в данное время отсутствующего, он служил в армии. У Мелинды одна нога была короче и тоньше: в детстве она упала с качелей. Ангелочек назидательно предупредила Короля, чтобы он был осмотрительным, ибо во дворе хутора за картофелехранилищем тоже имелись качели.

Король долго не мог уяснить, как он относится к Мелинде. Несмотря на хромоту, она была очень мила. Во всяком случае, Эйнар с хутора Рибби (рибби означает ребро), будучи приятелем Манчи и старше на год, весьма удивительным манером подмаргивал Мелинде, когда появлялся на хуторе Сааре, а появлялся он часто. Причем Король заметил такую поразившую его особенность: входя в дом, Эйнар никогда не стучал в дверь, как, по мнению Его Величества, должны делать все воспитанные люди. Во всяком случае, Король не помнил, чтобы в Главном городе к ним кто-нибудь входил, не постучавшись. А вот в Звенинога...

Насчет дядей Королю также сказали, что кроме присутствующего здесь Манчи у него их еще достаточно по линии Алфреда. Это Хуго, который в армии, потом Эдгар — работает парикмахером в Главном городе. Король очень смутно вспоминал, что однажды все они — Хелли, Алфред и он — заходили к нему в

гости, а Эдгар и его жена, худая и нервная женщина, их ничем не угостили, к тому же у Эдгара из носа пошла кровь... Больше никого из дядей не называли. По правде говоря, Королю было достаточно и присутствующих тети Сесси и дяди Манчи. Они оба были веселые и относились к Королю уважительно.

Правда, Ангелочек как-то сказала в адрес Манчи, что он большой врун и бездельник. Однако Король пока ничего не имел против врунов, как и против бездельников. Он не смог бы объяснить, почему у него к ним такое либеральное отношение. Только из-за того, что Манчи врун, теперь никто не знал в точности, действительно ли Хуго однажды летом в деревне Праакли у моря подглядывал из-за кустов можжевельника, когда девять местных красоток купались... Случилось, что одна из них стала тонуть, Хуго и спас ее. Спасенная была Мелинда. Так рассказывал Манчи. Сам же Хуго, оказывается, о ней ничего не говорил. Он якобы молчун, не любитель болтать.

По второму варианту, рассказанному Манчи, Хуго с кем-то из ребят в деревне Праакли зимою натянул в каком-то коварном месте через скользкую дорожку веревку, когда прааклинские женщины шли из церкви, и будто бы Мелинда здесь упала и вывихнула ногу — так и познакомились. Но это уже вранье, потому что, во-первых, на такие штучки с веревками больше способны Манчи с Эйнар, а не Хуго, к тому же маловероятно, чтобы Мелинда хотя бы смутно представляла себе церковь изнутри — не таковского характера девица. Но что она родом из Праакли, деревни у моря, недалеко от города Журавлей,— это правда. В Праакли у нее, говорят, в маленьком домике живет мама, и больше о ней, кажется, и не было ничего известно.

Итого в доме хутора Сааре жили теперь вместе с семьей Короля семь человек. Короля поселили на чер-

даке, благо было лето, причем над коровником, в котором находили приют Серая лошадь, восемь овец, две свиньи и, наконец, две коровы.

Та половина чердака, которая стала опочивальней Его Величества, была обставлена старыми сундуками — в них хранились журналы с фотографиями русского царя, князей и принцесс, старой мебелью, поломанными стульями, комодами. Но кровати не было. Постель Его Величеству постелили в большом корыте, из которого когда-то кормили свиней. По другую сторону люка, до которого можно было подняться по шаткой приставной лестнице, находилось сено, которое через второй люк сбрасывали прямо скотине. Спустившись же по лестнице, можно было попасть на гумно, где хранились повозки, сани, конская и хозяйственная утварь — чересседельники, подпруги, дуга, вожжи, веревки, кнуты, косы, грабли и прочее. Королю здесь было интересно.

Когда было светло, он листал старые журналы. По ночам, если не спалось — такое бывало редко, он слушал, как лениво лаяли деревенские собаки, по утрам где-то вдали куковала кукушка. Доброе же утро Его Величеству первыми желали, разумеется, петухи. В Главном городе всего этого не было.

Хутор Сааре являл собой для Короля даже гораздо более интересное «государство», чем уголок двора на улице Сиде в Главном городе. Чердак был интересен, но и двор, и сад, и амбары — все здесь для него необычно. А баня! Еще сарайчик, где дед Юхан ремонтировал грабли и лопаты, колеса от телеги, точил косы, ножи.

По вечерам — это стало традицией — он самостоятельно уводил на пастбище лошадь, вернее, наоборот, лошадь увозила на себе Короля, который затем возвращался пешком на хутор. Следовательно, он ездил верхом, как положено королям. Вечером Серую — на

пастбище, утром — с пастбища. Главное, не проспать. Взобраться на «коня» было непросто, выручала сложенная из камней ограда.

Главной действующей фигурой на хуторе была конечно же Ангелочек — строгая и требовательная ко всем. Подвижное существо и очень богобоязненное. Ее настольной и единственной книгой была Библия. За всем Ангелочек следила, чтобы все делалось правильно. А как правильно, знала она одна. Она учила деда правильно поить кур, Манчи и Сесси делать ту или иную домашнюю работу, Хелли Мартенс готовить, стирать. Словом, во все она совала свой острый нос; все было не так, все неправильно. То ее голос слышится с огорода — учит Алфреда поливать огурцы; то вдруг спотыкается, старается не отстать от шустрого Иммануэля, когда тот пашет в поле за усадьбой на Серой, бежит и за что-то его поносит; затем ее очки блестят в бане, где предельно терпеливый дед Юхан растапливает печь. А вот от нее и собаке досталось, и бедная Вилка обиженно прячется в свою конуру. Доставалось от Ангелочка и Королю, который совершенно bestолково относился к дару божьему — меду с домашним ржаным хлебом. А ведь все мальчишки спят и видят, как бы вдоволь меду налопаться; а тут самый тощий, как вьюн, а от меда нос воротит...

Ангелочек была не права, Король мед любил, но, когда тебе его суют каждый час, куда все это может вместиться?

А вот Юхан — фигура солидная! Ни с кем не спорит, со всеми соглашается, но все делает по-своему, тихо и спокойно, как считает нужным. Кто бы ни учил, кто бы ни кричал. Неправильно? Дед посмотрит на «учителей» задумчиво и согласится: да, неправильно. Но... сделает именно так — неправильно.

Нравоучения по любому поводу, примеры из жиз-

ни святых, учение Христа — ими Ангелочек начинала свой день, ими и заканчивала. Дед же Юхан от всех суетных мирских дел отгородился песней, которую на-свистывал сквозь зубы. Король попробовал так сви-стеть, не сумел. Песня эта называлась «На земле Мул-ги — там жить хорошо».

Земля Мулги...

Есть, конечно, такая земля в центре республики, земля хлебородная, отсюда слова «там жить хорошо». На Острове земля намного хуже, что и говорить, но и про Остров песни поют, и тоже имеются слова при-мерно такого содержания: «Нигде на свете лучше нет, как летом на Островной земле...»

Когда Король вырос, он в этом убедился: летом и зимою, осенью и весной — на острове хорошо в лю-бое время года, хотя почва здесь каменистая, но раз-ве в этом дело? Здесь же растет такое удивительное растение — кадакас. Оно, как и островитяне, упорное, а еще целебное и красивое. Кадакас... Король узнал, один лишь гектар в состоянии оздоровить воздух целого города. А как пахнет он! Как крепка его дре-весина! И нигде нет его столько, сколько на Острів-ной земле.

Королю жилось привольно, его свободу не ограни-чивали, так что он действительно чувствовал себя здесь королем. Он и Вилка неразлучно носились по-всюду, вместе всему на свете удивлялись, вместе по-знавали жизнь: Король — задавая всем вопросы, Вил-ка — полагаясь на свой нос. Но, надо сказать, не лю-бил Король выпрашивать. Он предпочитал догады-ваться, одним словом, сам устанавливал, что есть что, и поступать чисто интуитивно; ежели все-таки что-то не поддавалось разумению, тогда лишь спросит: «по-чему», «что», «как»?

Мелинда, наоборот, во все совала нос, но не так, как Ангелочек, чтобы учить, как правильно, а чтобы

выспрашивать: кто, где, когда, почему, зачем, отчего — все Мелинда должна была знать. Разговаривала она веско и значительно, так что никто никогда не сомневался: она знает, и она права. Алфред говорил, что с такой женой, как Мелинда, Хуго обязательно наследует после смерти Юхана хутор Сааре, потому что Иммануэль легкомысленный, а какая у него будет жена... Да и будет ли вообще?

А Манчи действительно больше интересовался качелями. Они были поставлены молодежью Звениного посредине деревни неподалеку от пруда, рядом с хутором, который назывался Прудовым. Здесь Манчи и его друг Эйнар с хутора Ребра каждый вечер проводили на качелях. До полуночи слышались визги девушек и песни. Собственно, когда приходил Манчи домой — кто это видел или слышал?

С появлением же в Звениного Алфреда на хуторе Сааре стали по вечерам как бы случайно собираться мужчины. Приходили посудачить, о чем писали газеты, и подстригаться. Алфред умел стричь, Короля он всегда сам стриг. Его услугами пользовались дед Юхан и Эйнар с Ребра, Манчи и все, кто просил. А мужчинам в деревне это было удобно — не надо ездить в город Журавлей в парикмахерскую, не надо платить, Алфред подстригал за так, тем более что и поговорить о жизни можно.

О чем только не говорили...

Его Величеству нравились такие публичные стрижки во дворе хутора, где у бани Алфред ставил табуретку для клиентов, которые в ожидании своей очереди рассаживались кому как нравилось: кто на дровах, кто на скамейке, кто просто на траве. Его Величество тоже где-нибудь пристраивалось: слушать было интересно. Можно было идти на качели с Манчи, но там собирались главным образом взрослые девушки с парнями, которые то щипали девчат, то обнима-

ли, а те верещали да визжали, хотя страшно им явно не было. Королю такой шум был не по душе.

Другое дело здесь: говорили про короля ланьего народа, который жил на острове Абука и недавно зимою умер. Это, оказывается, была самая большая лань в стране, но она сломала ногу, и ее убили, а шкуру набили и выставили в музей; говорили про пожар в парке города Журавлей — столице Островной земли, кто-то знал, что у львов обоняние намного сильнее, чем у собак: там, где чует лев, собака еще даже не принюхивается. Но больше всего разговоров уделялось делам войны. Гадали, чего ради нужно Гитлеру звание почетного гражданина Данцига — свободного города, где немцы его приветствуют, а поляки-де не знают, как и быть... Говорили про совершенно непонятный Королю польский коридор, являющийся якобы яблоком раздора между немцами и поляками. Немцы хотят эту «прихожку» присоединить к Германии, а поляки опять же против. Но они-де предупредили: если немец сунется, встретится с польским штыком. А Берия, говорят, выгнал всех немцев из Москвы и России, потому что у них там убили авиаконструктора Яковского в его собственной квартире: ударили по голове, затем задушили. Потом восхищались перелетом англичанина Грововера из Англии в Россию, куда он прилетел, чтобы увезти свою жену из советского «ада»¹.

Эта история Королю нравилась, у него даже глаза повлажнели. История о том, как англичанин влюбился в русскую колхозницу и они обвенчались, но ему надо было вернуться в Англию, а ей нельзя было с ним. Он уехал домой, стал тосковать и тогда сел в маленький самолетик и полетел через моря и суши,

¹ Факты, приведенные здесь, даются в интерпретации героев повести, которые пользовались не всегда достоверной информацией буржуазной пропаганды.— *Авт.*

преодолевая бури. Прилетел в Москву, король и министры российские разрешили ему взять свою жену в Англию, раз уж ему так сильно надо. И они уехали счастливые.

Больше всех других разговоров на Короля произвели впечатлительные рассказы и суждения людей о девятиности девяти моряках, которые погибли в подводной лодке.

— Не могли проделать дыру через обивку, пока хвост лодки торчал из воды, а тут и корма ушла под воду...

— Дураки! Им надо было хвост подлодки тросами обмотать и между двух кораблей ее вытянуть...

— Так или иначе, дураки или нет, но спаслись только четверо, остальные девятиности девять задохнулись. Да и то они там чуть ли не целую неделю ждали, когда их спасут, пока корма не скрылась.

— А я знаю главную новость! — заорал Эйнар с хутора Ребро, появившись неожиданно. Эйнар в сравнении с Манчи был горой, Манчи — камешек. Или же — Эйнар был дубом, а Манчи камышинкой. Эйнар был высокий и плотный и очень сильный. У него было круглое красное лицо. Говорил же он так громко, что Вилка от его голоса начинала мелко дрожать. Все уставились на Эйнара: какую главную новость он знает?

— Мне только что рассказали...

Эйнар скорчил торжествующую мину.

— Германия войну, что ли, объявила Польше? — загалдели стригущиеся.

— Мне только что рассказали, — повторил Эйнар, — как две дамы с ридикюлями переругались в омнибусе из-за забытого кем-то пакета. А в нем оказаласьдохлая кошка. Хэ-хэ-хэ! — Эйнар заржал громко и весело, когда все кругом плевались. — Манчи где?

Но кто мог знать, где Манчи?

Алфред в это время работал. Щелкали ножницы, вокруг табуретки валялись волосы разных цветов, и только Ангелочек здесь не задерживалась, хотя не раз мимо пробежала, разве что приостанавливалась, чтобы предать анафеме бездельников и зубоскалов, треплющих попусту языком. «Тоже мне политики,— ворчала она,— да что вы понимаете? Как богу угодно, так все и будет, говори сколько хочешь и о чем хочешь».

Однажды Король проснулся очень рано, когда первые лучи солнца упали на большую паутину под верхней стропилой. Саареский петух проснулся и соболтал об этом всему миру; первой отреагировала на это черная ворона на раките, которая, в свою очередь, тут же эту новость передала своим, и пошло-поехало карканье-кукареканье кругом. Но в конуре Вилки было тихо, следовательно, встать Его Величеству было еще рано. Он лежал с открытыми глазами и думал. По его, королевскому, мнению, не было на свете ничего более замечательного, чем лежать в свином корыте на чердаке, глазеть на жирного паука, старающегося укрыться от солнечных лучей в паутине, и думать.

Короли, собственно, только тем и занимаются, что думают,— это их работа. Думают они по-разному, умно и не очень, но это уже детали.

Люксембургский Король думал о том, что жить летом на Островной земле превосходно, а на хуторе Сааре просто чудесно, а в таком случае жизнь вообще прекрасная вещь. Да, конечно, лето... Это лучше, чем зима. Правда, зимою бывает Рождество. Ночь Рождения Христа, когда никто ни с кем не враждует, но какой от этого толк, если после Рождества все опять принимаются за старое...

Здесь мысли Короля остановились на понятии «вражда». Откуда это на земле взялось? Зачем она

в мире вообще нужна, эта вражда? Лично ему, Королю, враждовать совсем не хотелось ни с кем, даже с Алфредом, который нередко побуждал его к этому одним воспитательным атрибутом, созданным единственно для того, чтобы брюки не падали...

Но он понимал, что со стороны Алфреда это была не вражда, а урок, так именно и объяснял сей воспитательный процесс Алфред, а вражда совсем другое; это тогда, когда в подводной лодке задыхаются девяносто девять моряков; когда авиаконструктора сначала бьют по голове, а потом душат; когда девятьсот беглецов-евреев из Германии скитаются на корабле по морям и просят пустить их хоть в какой-нибудь порт мира, а их никто не принимает; когда немцы бомбят английские города; когда балтийские страны должны подписать в Берлине договор, чтобы немцы на них не нападали; когда Англия и Америка пытаются договориться с Россией о неприкосновенности прибалтийских стран, но никто не добивается успеха; опять же балтийские страны заявляют, что им никакие гарантии не нужны; а русский посол Раскольников уезжает в Болгарию и не вернется, и его в России объявляют вне закона — это все и есть вражда, а вот почему? И что такое «вне закона»?

Еще мужики говорили, что французы уже готовы от страха перед немцами запродать им балтийские страны в надежде спасти этим свою шкуру, в то время когда англичане еще колеблются — продать немцам балтийские страны или нет? А как можно одним странам продавать другие, этого Король тоже понять не мог, у взрослых же спросить стеснялся.

В конуре Вилки слышались возня и повизгивание. Собака зевала и потягивалась, значит, уже проснулась, и Королю пора вылезать из свиного корыта. День начинался.

Из всех дней недели на Сааре Королю больше все-

го нравилась суббота. С утра весь дом начинал готовиться к вечерней радости — большому удовольствию. Большое удовольствие достигалось разными приготовлениями, которые и сами в отдельности очень нравились Его Величеству. Ему нравилось, как Юхан, насвистывая сквозь зубы, не спеша, как делал в общем-то все, начинал топить баню, как задумчиво, придирчиво разглядывая каждое полено, выбирал для бани дрова. Король с удовольствием помогал носить дрова в предбанник, помогал также прибирать баню, подметал, подбрасывал в печь полешки. Конечно, когда у него на это было время, когда его никуда не звала Вилка.

Но Вилка, видать, сама любила наблюдать эти приготовления. У раскрытой двери бани она следила за каждым движением повелителя, чтобы не проморгать момент, когда тому захочется ее погладить или почесать ее брюшко, а если такого намерения не предвиделось, она с достоинством занималась своим делом — ловила блох.

Потом Юхан вытаскивал из колодца воду, выливал в большие бочки, стоящие рядом. «Вытаскивал» здесь означает, что колодец был с «журавлем», а что это такое — каждый знает, но не каждый может знать, что такой вкусной воды, как в колодце хутора Сааре, больше нигде нет, потому что вода в этот колодец поступала из подземного ключа.

Потом Юхан, насвистывая песню про землю Мулги, таскал воду из бочек ведрами в баню — в огромный котел, встроенный в печь, в этом котле воду нагревали до кипения. Король с радостью помогал.

В доме велись другие, менее интересные Королю приготовления. Женщины топили печь, возились с тестом в большущем корыте (не намного меньше того, в котором спал Король), готовили еду, мыли, скребли, стелили постели, выгоняли мух, а Манчи еще не

возвратился из леса, куда отправился с Серой, впряженной в телегу.

Ближе к вечеру, когда из дома неслись соблазнительные запахи жареного-печеного, Иммануэль возвращался и привозил молодые березки, которые расставлялись во всех углах спален, у каждой кровати. Как они удивительно пахли, когда люди отдыхали после бани! Какая это была свежесть лесная, смешанная с чистыми запахами мыла, свежих простыней и горячего ржаного хлеба!

Ангелочек и... Король — об этом все знали — мылись и парились в бане первыми. Король на эту казнь поначалу шел не очень охотно, если учесть, что и взрослые мужики с Ангелочком не отважились бы париться.

— Ангел-то она, конечно, Ангел, но жарюща адская ей по душе,— посмеивался над ней Эймар с Ребра.

А жару «адскую» она нагоняла порядочную.

— Ты с этих дураков пример не бери! Пусть их грязные ходят,— поучала она Короля.— Им все равно чистилища не миновать. Ты учись, как надо закаляться. Вот что ты должен делать: сразу на полку-то не лезь, сначала маленько погрейся, затем, как только жарко стало, облейся прохладной водичкой, а тогда уже полезай в самую жару и лупцуй свою грешную шкуру. Потом в холодную воду, чтобы сердечко сбегать и кожу остудить. А после в еще более сильную жару и так до тех пор, пока под кожей муравьи не защекочат. Потом обливайся холодным, мойся и отдыхай, лежи, радуйся, а на еду не бросайся и питье сразу лучше не надо. Скоро, глядишь, крепче меня париться станешь.

Крепче Ангелочка Королю не удалось, привыкнуть же он привык и стал гордо с ней на пару хлестать себя веником. После бани и досталось большое удовольст-

вие, и Король с огромным наслаждением, лежа в сене на старых саях, слушал концерт самодеятельного оркестра хутора: Иммануэль играл на мандолине, Хелли Мартенс и Алфред на гитарах, а Эйнар с Ребра подпевал без слов. Звучали народные мелодии и европейские шлягеры.

Вечер в субботу заканчивался уже в первом часу, когда все расходились по комнатам, а чужие, то есть соседи или односельчане, отправлялись к пруду качаться на качелях, откуда иногда до первых петухов доносились песни и смех.

Король же забирался на свой чердак в корыто (в нем Ангелочек еще днем меняла простыни). У него здесь не было берез, но и без них столько запахов: сена, травы, хлева, древесины. Переполненный впечатлениями, он долго не мог уснуть. Ему хотелось думать о своей жизни. Он закрывал глаза и видел краски, свет и тени ушедшего дня. Пруд и желтоголовые купальницы. Он вспоминал примулы на лугу, как, надкусывая белесые стебельки, ощущал сладкий их вкус. Наконец он засыпал, но вскоре опять просыпался, чтобы послушать сверчка. Во дворе урчала Вилка; потом паук на лицо опустился, потом муравей по ноге ползал...

Король вертелся, чесался и было опять заснул, как вдруг услышал, что заскрипела лестница, кто-то осторожно поднимался на чердак.

Он похолодел от страха. Заорать, что ли? Лучше молчать: может, его здесь и нет вовсе, в том смысле, что, может, его не видно, даже лучше не дышать: если человек не дышит, значит, его нет, как будто он умер...

Лестница скрипела долго, кто-то что-то прошептал. Зашуршало сено по другую сторону люка. И началась какая-то возня в сене, кто-то барахтался, да еще как! Они так сильно сопели, как однажды Король, когда бежал за Серой, которая закапризничала

на пастбище и не давала надеть узду. Королю показалось, он узнал голос Иммануэля, который тихо неизвестно кому что-то сказал, в ответ тоненько засмеялись, а вот кто — Король не узнал. Потом на какое-то время стало тихо, но Король все равно уже не мог заснуть, к тому же тишина длилась недолго — опять зашуршало сено, опять началось барахтанье, и всего этого Король не сумел себе объяснить. Он никогда ничего похожего не слышал. Он, конечно, перестал быть покойником, даже попытался присмотреться к происходящему, но в чердачной темени увидеть что-либо не удалось.

Утром Король не мог решиться, сказать кому-нибудь о том, что кто-то ночью на чердаке боролся с Иммануэлем, или не сказать, но когда Иммануэль, хитро поглядывая на Короля, сам спросил: «Ты крепко спал ночью?» — он ответил не задумываясь, что да, он спал ужасно крепко. После этого уже не мог рассказать о том, что слышал. Ведь не бывает так, что спишь и видишь или спишь и слышишь. Когда спишь, то видишь только сны. Поэтому-то он и сказал за завтраком, что видел сон, будто Иммануэль на чердаке ночью с кем-то в сене боролся. На это никто не обратил внимания. Алфред только хмыкнул, обмолвившись:

— Чего только не приснится!..

На всякий случай все же спросил:

— С кем же Иммануэль там боролся?

Но этого-то Король не знал, потому что этого-то он как раз и не видел.

ГЛАВА III

Однажды к воротам усадьбы подошел мужчина невысокого роста, темноволосый, плотный, с добродушным скуластым лицом, которое украшали зеленые

глаза, и выяснилось, что это Хуго, тоже родственник Его Величества. Конечно, это они таковыми себя считали, потому что Ангелочек и Юхан утверждали, будто благодаря их стараниям у Его Величества имеется поровну теток и дядей, стало быть, пятеро одних и столько же других, хотя одного дяди уже нет — застрелился в Главном городе из-за загадочной истории, связанной с женщиной. Король слышал, как об этом говорили взрослые: «Вставил дуло себе в рот и большим пальцем ноги нажал на курок». Общеизвестно, что у королей нет родственников, кроме тех людей, которые им полезны. Во всяком случае, отношение королей к собственным родственникам весьма и весьма спорное. Можно сказать с уверенностью: оттого что эти мужчины и женщины, до этого ему неизвестные, оказались его родственниками, у него к ним чувств не прибавилось и не убавилось. Раньше он их не знал, следовательно, они были чужими для него. Теперь же он их знал, следовательно, они уже ему знакомы... И вообще он относился к людям с оценкой того, какими их находил, с точки собственного мировоззрения, а посему чисто по-королевски. Манчи был забавен, весел, дружелюбен — такой имеет право считать себя его родственником, также Сесси. Ну а Хелли и Алфред, которые о нем заботились, — о чем тут говорить! Тут и говорить нечего...

Появлению Хуго все, конечно, обрадовались, каждый по-своему. Сесси была в восторге от красивого мундира, относительно которого Юхан сказал с неопределенной интонацией в голосе: «Прямо генерал». Ангелочек с улыбкой смотрела на своего сына, и, кроме любопытства, ее глаза за очками в серебряной оправе ничего не выражали, хотя конечно же она была рада. Манчи откровенно высказал причину своей радости:

— А пахать-то сколько надо! Вовремя пришел.

Что и говорить, осень не за горами, приближалась пора осенней пахоты и сбора картофеля, а Манчи давно уже надоело, тяжело было и Юхану, нелегко ему стало держать ручки сохи. Юхан похлопал сына по плечу, словно тот лишь съездил на мельницу, и засвистел свою любимую песню. Однако он крикнул Манчи:

— Таскай воду. Мы с Хуго баню затопим.

Хуго показался Королю квадратным, медлительным, молчаливым. Высказывался с многозначительным видом. Можно было предположить, что относительно обсуждаемого вопроса у него имеется свое собственное, весьма продуманное мнение, но он на нем не настаивает... Что вы! Нет. Хотя он, конечно, человек сведущий, но ему все равно, можете думать по-другому, если хотите.

Разговаривая, он имел привычку подергивать себя то за одно, то за другое ухо. Королю не раз хотелось спросить, хочет ли он свои уши вытянуть и на сколько, но не спросил, решив, что со временем этот вопрос сам собой выяснится.

Теперь Мелинда Хромоножка поселилась в Звенинога, а к матери в Праакли перестала ездить. Они с Хуго зажили в одной из комнат Сааре, и на хуторе стало тесновато, несмотря на то, что Король по-прежнему довольствовался свиным корытом над коровником, а скажите, пожалуйста, много ли на свете сыщется монархов, согласных на такие скромные условия?

Настала пора сенокоса. Все до единого, включая Вилку, отправлялись ежедневно в Святой Лес, что рядом с кладбищем, где находились лесной участок и луг хутора Сааре. Лес здесь был великолепный. Высокие древние сосны шумели на ветру, звучала неповторимая мелодия вечности. В лесу обильно росли черника и голубика, охраняемые тоже весьма музыкаль-

ными комарами. Именно здесь, на кладбище, и хоронили всех из рода Рихарда, даже если кто-нибудь уже не носил фамилии семьи.

Однажды Ангелочек взяла с собой на кладбище Короля и долго водила его между могилами, читая вслух имена усопших, объясняя, кто они были в жизни и каким образом бог призвал их к себе. Короля все это не слишком интересовало, ему было скучно в мире покойников, но он заметил, что Ангела совсем не произносила слова «смерть», «умереть», а говорила «скончался» или же «бог призвал».

Слово «смерть» легко произносила Мелинда. Когда они были вдвоем с Хуго — Король не в счет, — она то и дело заводила разговор о том, что, когда старики помрут, некому быть на хуторе хозяином, кроме Хуго. Старики — Король понимал это — конечно же Ангелочек и Юхан. Хуго отмахивался, ему такие разговоры не нравились, но Мелинда настаивала, высказывая удивление:

— Все люди когда-нибудь помрут, что тут такого? Не вечно же им жить...

Король чувствовал, что Мелинде несколько не будет жаль, если Ангелочек с Юханом помрут, возможно, она даже не против, чтобы это случилось скорее — так показалось Королю. Смерть до сих пор представлялась ему лишь в образе дохлой кошки в канаве: наполовину разложившаяся падаль с облезлой шерстью, источавшая отвратительную вонь. Он никак не мог себе представить Ангелочка и Юхана покойниками — таких живых и добрых. Почему живая, веселая и добрая Мелинда хочет, чтобы Ангелочек и Юхан умерли?!

От этих мыслей становилось грустно.

Скорее всего, Королю только показалось, но, не смотря на восемнадцать гектаров земли, лес, сено-

косы и пастбища, на хуторе стало тесно, и это во всем незаметно ощущалось: в непонятной раздраженности, нервозности обитателей хутора. Единственно Юхан, как всегда, спокойно насвистывал сквозь зубы свою песню про землю Мулги, где жить хорошо. И Король с Вилкой продолжали радоваться жизни как таковой, возможно, потому, что корыто и конура — это все же изолированные жилища и в них тесноты, раздражавшей людей в доме, не ощущалось.

Однажды Алфред с утра уехал в город Журавлей. Он шел по тропинке через клеверное поле, которое начиналось сразу же за хутором Рямпли. Тропинка завела его в ельник, из которого он зашагал вдоль сложенной из валунов ограды до хутора Маза, который называли еще и «почтовым», поскольку сюда доставлялась почта,— здесь и была остановка омнибуса, курсирующего между городом Журавлей и портом Сухое Место. Король понял из подслушанного разговора: Алфред ехал в город, чтобы договориться с господином Тайдеманом насчет квартир, которые должны в следующем году кем-то освобождаться, а Алфреду они понадобились, чтобы открыть в городе Журавлей столярную мастерскую. В каком часу Алфред вернулся, Король не знал, но был уже полдень, а Его Величество стоял перед зеркалом и изучал свое лицо, оно ему показалось некрасивым: уши чрезмерно розовые и нос... какой-то не такой. Единственно разве глаза пришлось по вкусу — зелененькие, как листья черники. Чернику Король любил. В это время и слышался голос Алфреда:

— ...До тех пор, я договорился с Идой Убольшой-дороги, поживем там. У нее огромная рига... там поставлю верстак, и можно полегоньку работать... Комната большая, там и машинку поставить можно... буду хуторянам шкафы делать, а ты хозяйкам фартуки шить.

— А где я буду спать? — Прибежал Король уз-
нать. — Будет ли у меня чердак?

— Тебе осенью в школу, — ответил Алфред.

Вот как?! Королю осенью в школу! Это заставило Его Величество задуматься. Откровенно говоря, он не сказал бы, что такая перспектива пришлась ему по душе. Разговоры о школе возникали и раньше, но он на них не обращал внимания. Он давно перестал бояться темноты и привидений — пустое запугивание. Однако понятие «школа» показалось ему не очень привлекательным, поскольку звучало обычно в угрожающем духе: «Вот пойдешь в школу, там тебя научат уму-разуму...», или «Вот там тебе поблажки не будет...», или «Вот там тебе бездельничать не придется...», или «Вот в школе тебя, наконец, заставят уважать старших...». Поэтому перспектива пойти осенью в школу, — а ведь ждать осталось недолго — была им принята более чем настороженно, во всяком случае без бурного восторга.

— Хорошо, что это здесь же, в Звенинога, ребенку будет недалеко ходить, — обрадовалась Хелли Мартенс.

«Ага, теперь я «ребенок» и меня жалеют, — подумал про себя Король. — Хорошая какая! Нет чтобы сказать, что со школой успеется, пусть подрастет, как они, бывало, раньше говорили...» Но нет, как воды в рот набрали. Алфред даже с Хелли согласился:

— Да, конечно, пусть пойдет в брюквинскую школу, всего полтора километра...

Допустим, не полтора, а два с гаком. Король это потом точно установил, так что и здесь они схитрили, что называется, сами себя успокаивали, причем дорога-то шла деревней лишь наполовину, большая же ее часть проходила через страшнейшие дремучие леса, так что безопасность Его Величеству, если честно при-

знаться, никто гарантировать не мог, да и... не хотел.

Наступил день, когда пришлось расстаться с Серой, Вилкой, чердаком, садом, баней и Ангелочком. Все вещи опять погрузили на уже известную телегу, Короля опять закинули на самый верх, и под жуткий визг четырех несмазанных колес Серая вытащила Короля со двора хутора Сааре, повернула в сторону омнибусной дороги и примерно через полчаса, не дойдя до нее, свернула на затерявшуюся в траве колею, которая через негустой березняк привела к одинокому небольшому хутору.

Королю здесь не показалось интересным. Двор меньше, чем саареский, даже фруктового сада приличного не оказалось — две-три плохонькие яблони, одна едва живая вишня, дикорастущая малина, пара кустов смородины... Из пристроек лишь сарай да погреб. Скотины — одна корова, две овцы, кошка приبلудная, собаки нет... Четыре курицы неопределенного цвета выглядели грязными. Они даже собственного петуха не имели, а бегал к ним откуда-то черный красавец петух, и надо же — в такую даль к таким уродкам бегать! Непонятно, что он в этих дохлятинах нашел? Король как-то слышал, как Мелинда на Сааре сказала: «Любовь слепа — полюбишь и козла». Видать, с черным петухом именно так дело и обстояло. Здесь-то отныне и пришлось Королю влачить жалкое существование.

Владелицей здешней отсталости оказалась костлявая старуха, одетая столь же бесцветно, как ее куры. Алфред сказал Хелли:

— Вот и наша хозяйка. Ее зовут Ида.

Позже Алфред, как бы между прочим, высказал соображение, что к Иде за всю ее жизнь ни один «петух» не бегал, хотя она сама пыталась доказать обратное, рассказывая всем одну и ту же историю, как однажды у нее был постоялец-красавец и как он хо-

тел Иду в кухне прижать, но она забралась в угол у горячей плиты и оборонялась кочергой...

В сущности, она была доброй, но Короля медом не кормила, потому что не было меда, она была бедная. Даже лошадь для вспашки небольшого куска поля и для других хозяйственных нужд ей приходилось одалживать на хуторе Нуки, стоявшем на перекрестке дорог в полкилометре от хутора Убольшойдороги.

Кроме кухни в доме были еще две комнаты, из них меньшую занимала она сама, другую же отдала королевской семье. Здесь спальней господина Короля стала железная кроватка в углу, в другом углу поселились Алфред и Хелли.

Хутор Убольшойдороги назывался так потому, что находился в пятидесяти метрах от той дрянной омнибусной дороги, которая обеспечивала сообщение между портом Сухое Место и городом Журавлей. От этой дороги здешнюю усадьбу отделял ряд берез, посаженных вокруг дома. Весною они поили Его Величество своим соком. Кусты можжевельника росли, как и положено, везде. Когда же по омнибусной дороге проезжал автомобиль — такое случалось нечасто, — то в течение двадцати минут, в зависимости от направления ветра, во дворе Убольшойдороги ничего нельзя было рассмотреть. В остальное время климат никаких претензий Короля не вызывал.

В первое время Король грустно бродил вокруг в полном одиночестве, поскольку неизвестного цвета кот не отзывался ни на кис-кис, ни на киску, ни на кота, а имени он не имел. Короля кот совершенно не замечал. И Король, впрочем, мало считался с ним. Куры Короля интересовали лишь постольку поскольку. Правда, от их производительности зависело, подадут ли ему в этом доме гоголь-моголь.

Как же он обрадовался появлению здесь Вилки.

Как ни в чем не бывало она выбежала из-за ограды, словно ей здесь знаком каждый суслик. Но не ради них она приплелась сюда в такой жаркий день — не меньше тридцати пяти градусов в тени, а прибежала она повидать друга. Ведь она благородного нрава, к тому же ей хорошо известно, каково живется, когда оказываешься на новом месте без друзей: и ее в свое время сунули в мешок и притащили на хутор Сааре, не спросив на это согласия даже ее мамы, добропорядочной дворняжки Кики.

Первую ночь в своей новой кровати в темном углу Король провел отвратительно. Он себя чувствовал так скверно, словно и его засунули в мешок. Снился ему странный сон (в корыте он снов почти не видел, а тут...) — странные дома, высокие, как на картинках в старых журналах про Америку, которые он листал на чердаке саареского коровника. Король блуждал по каменным лабиринтам незнакомого странного города, и откуда-то вдруг взялся железный электрический человечек, навязчивый болтун, пристал к Его Величеству, и Король наконец рассердился; тогда электрический человечек его оставил, но, уходя, бросил ему холщовый мешочек со словами: «Мне поговорить было охота, но раз ты такой нелюдимый, то оставляю тебе подарочек». Король открыл мешочек: в нем оказались маленькие мохнатенькие существа с носами, как у Микки-Мауса, и Король откуда-то знал, что зовут их Ник, Нак и Нарр. Сколько он ни старался от них спрятаться, куда ни забирался, они его находили повсюду. Он совсем было отчаялся, и тогда они сказали ему все вместе: «Мы не можем тебя оставить, мы олицетворяем понятие «хорошо», поэтому куда ты — туда и мы, и от нас тебе не отделаться!..»

Бывают же такие сны, о которых не знаешь даже, как рассказать. Хорошо еще, что он наконец проснулся. Проснувшись, он стал их вспоминать, ведь эти чу-

дики были к тому же разноцветные: черный, белый, желтый.

Король, конечно, приуныл, и появление Вилки было спасением, а через несколько дней он догадался, что его тоска была вызвана потерей чердака с корытом, в остальном все оставалось без изменений, а бывало, он даже мог переночевать в собственной «резиденции», если на это было получено от Хелли «официальное» разрешение: ведь до Сааре Король добегал за семь минут. Теперь с Вилкой у них получалось так: утром Вилка прибегала на хутор Убольшойдороги, позавтракав, они бежали затем на Сааре. Или, наоборот, Король утром мчался на Сааре. Пообщавшись с кем надо, позавтракав или пообедав, они разбегались по другим своим делам.

На Сааре Его Величеству было приятно общаться со всеми, но особенно ему нравилось сидеть на меже и смотреть, как Юхан пашет. Он тяжело, спотыкаясь, шагал за сохой, но-окал Серую и щелкал бичом. Серая, конечно, притворялась, что ей страшно, и начинала шагать быстрее, но через пару метров продолжала идти привычно и не спеша. Король ее понимал: он вообразил себе, что он — лошадь, что он тянет за собой соху, глубоко сидящую в земле... Э, нет! Лошадью ему не хотелось бы быть...

Процесс пахоты занимал его недолго. Пока дед с лошадью — все «но-о» да «но-о!» — доберется до конца поля, всего одна борозда, потом опять «но-о» и щелк-щелк — обратно, а сколько надо щелкать да но-окавать, чтобы перепахать поле? Скучно, конечно.

Юхан, как бы догадавшись, что Королю скучно, давал Серой немного отдохнуть, чтобы и самому дух перевести да похвастать перед внуком, какой он еще — полон сил.

— Лошадь... выдохлась,— говорил он, подойдя к

Королю и часто дыша.— Старая она, конечно, ведь ей уже, наверное, лет двадцать, а для лошади это...

Дед умолкает, не желая уточнять, что лошадиные двадцать лет — это примерно семьдесят для человека.

— Главное, это здоровье,— говорит Юхан, как будто забыв, что говорил про лошадиные годы.— Мой дед, когда молодым был, все о богатстве мечтал; больше всего завидуют богатым молодые; но как только он заболел, стал всем внушать: богатым быть не надо и молодым не надо, а надо быть здоровым... Да, хорошо бы. Я никогда не хотел богатства, вот и пашу... ничего еще.

Однажды Алфред, опять собираясь в город, сказал как-то торжественно:

— Ну, ждите! Сегодня всем подарков привезу. Юхан с Серой уже, наверное, к городу подъезжают.

И ушел на хутор Маза, чтобы на омнибус успеть. У Короля были свои дела, его давно занимал хутор Нуки, что расположен у развилки двух дорог в километре от Убольшойдороги, потому и Нуки назывался, ибо «нукк» по-эстонски означает «угол». Но от дома далеко уходить не хотелось, хотя и понимал, что раньше, чем начнут летать летучие мыши, Алфред из города не вернется. Окольными путями Король пытался выведать у Хелли Мартенс, не знает ли она, какого рода будут подарки. Он спросил невинно:

— А что тебе привезет Алфред?

Не о своем подарке интересовался — нет, нет. Но надеялся, что Хелли скажет о собственном подарке, а тогда заодно... Но она сказала, что понятия не имеет, что бы это могло быть. Дальнейшие хитрости были бессмысленны. Оставалось ждать. И они — Вилка, Хелли и Король — с нетерпением ждали Алфреда из города Журавлей. Наконец он приехал...

Подумать только! Он прикатил на велосипеде! Ехал не спеша, потому что за ним тащилась добрая

старая Серая, а на колымаге, свесив ноги, сидел дед Юхан, в одной руке вожжи, другой обнимал большую-пребольшую — у Короля перехватило дыхание от предчувствия великого события! — упаковку. Король умирал от любопытства и гордости, он начинал соглашаться даже с осенью и даже с необходимостью идти туда, где его «научат уму-разуму»... и «уважать старших».

Алфред и Юхан, хитро поглядывая на Его Величество, осторожно внесли в дом эту пребольшую упаковку. Они поставили ее на пол около кровати Короля — правильно, где же еще! Потом Юхан занес и другие свертки и коробки, положил их на стол. Алфред занес еще какой-то ящик. Публика — Ида, Хелли, Вилка — замерли в ожидании, все были переполнены торжественностью. Алфред спокойно, не спеша начал распаковывать пребольшую вещь, и, чем больше она освобождалась от картона, бумаг и веревок, тем больше росло недоумение Его Величества. Наконец, эта загадочная вещь полностью предстала перед глазами охнувшего в изумлении народа — зингеровская швейная машинка с ножной педалью.

Королю стало жарко. Он не понимал, что это за чертовщина железная, но что она предназначена не ему — это до него дошло сразу. Вилка продолжала обнюхивать вещь, благоговейно виляя хвостом, — собака ведь, не понимает.

Зингеровская машинка была приобретена в рассрочку, радиоприемник «Филипс» также и велосипеды Алфреду и Хелли. Велосипед Хелли, разобранный, валялся в телеге. О нет, об особе Короля, оказывается, все же не забыли. Передав ему картонную коробку, конечно намного меньше, чем та, с машинкой, Алфред сказал с торжеством в голосе:

— А это тебе. Получай.

«Гав-гав!» — воскликнула доверчивая Вилка.

А Хелли, улыбаясь, сказала:

— Открывай, чего ждешь?

Король открыл свою коробку — и что же?! В ней ничего не было примечательного! Вилка, взглянув ему в глаза, поджала хвост. В коробке лежал школьный ранец, да еще тетради, учебники и карандаши...

Оскорбленное достоинство!

Да-а, коронованным особам такое свойство при-
суще. Вот какое невезение... когда тебе всего лишь
семь лет. Но он вел себя достойно, мужественно, не
заплакал, гордо выложил содержимое на свою кро-
вать, потом подошел к ЭТИМ людям и сказал им все-
го лишь два слова:

— Благодарю вас.

Вилка разрядила свой хвост.

Раздался смех Хелли.

Жизнь в доме Убольшойдороги продолжалась.
А что оставалось делать?

Король в обществе преданного друга Вилки обследо-
вал окружающие владения, в том числе и сады близ-
лежащего хутора Кооли, где обнаружил вишневые де-
ревья в превосходном состоянии, а также растущие в
изобилии кусты смородины, малины и других ягод.
Приличия ради, он также познакомился с наследни-
ком хутора, принцем Эдгаром, примерно одного с ним
возраста, и пришли они к обоюдному выводу, что хо-
дить им через страшные леса до Брюкваозера в шко-
лу — вместе.

Однажды Его Величество взобрался на вишню,
чтобы установить качество ее плодов. Выяснилось, что
сей принц, то есть Эдгар, и не принц совсем, а самое
настоящее быдло, к тому же совершенно невоспитан-
ный. Он так стал эту вишню трясти, что Король с нее
свалился. Конечно, быдло за это получил оплеуху. От-
ветить по-мужски эта чернь не сумела, побежала к
матери, дожидаться которую Король, разумеется, счел

ниже собственного достоинства. Но вечером эта, с позволения сказать, «дама» появилась во дворе дома Убольшойдороги. Здесь ее принял Алфред, и она со слезами на глазах божилась, будто «этот паршивец» (каково оскорбление!) ее сыночка, Эдгара, почти совсем убил, да еще слопал вишен на изрядную сумму.

Алфред повел себя совершенно неузнаваемо. Такого за ним раньше не наблюдалось. Он стал учить Его Величество уважать чужую собственность! — предварительно спустив с него штаны... Насилие? Конечно. Но что поделаешь, когда тебе только семь лет... Вилка наблюдала экзекуцию, поджав хвост. По ее виду можно было заметить, что она этого не оправдывала. Мамаша с хутора Кооли осталась довольна и, после того как убедилась, что ее финансовые претензии должен удовлетворить сам Король, когда вырастет, удалилась.

Конечно, и Король всем своим поведением позицию Вилки признал правильной: он так кричал от возмущения, что было слышно на хуторе Нуки. Именно благодаря этому он впоследствии крепко подружился с Элмаром, которому до выразительного крика Короля и в голову не могло прийти, что на этой ничем не примечательной усадьбе Убольшойдороги могут быть столь выдающиеся личности. Он не замедлил прибыть с дружественным визитом, и церемониал знакомства состоялся.

Они удалились на луг, заросший первоцветом, и принялись рассказывать друг другу свои биографии. Элмар был загорелым мальчиком крепкого сложения, ему уже перевалило за полных восемь лет, и в школе он уже побывал, тоже у Брюкваозера, но было очевидно, что осенью они будут в одном классе: Элмар коллекционировал вороньи яйца, на их поиск уходило много времени. Это занятие требовало полной отдачи, так что совместить его с изучением истории родной

республики оказалось задачей почти что невыполнимой, вот и предстояло ему начинать школу сызнова. Рассказывая об этом, сероглазый вороний энтузиаст беспрестанно сражался с выгоревшими на солнце волосами — они упрямо лезли ему в глаза.

Королю было интересно узнать, как там в школе бывает, какие порядки, зажмут ли его, как говорили люди, или не зажмут, скрутят в бараний рог и, если скрутят, то как.

Элмар отмахнулся:

— Ерунда. Не понравится — не ходи. Не раб же ты наконец.

Было воскресенье. Накануне приезжал Юхан, говорил о том, что собрались они с Ангелочком в церковь. Колокола звонили с утра пораньше, и над деревней разносилось размеренное бим-бом... бим-бом... Окна были раскрыты настежь. Король уже давно не спал, слушал петушиную перекличку, собаки обменивались своими новостями, в углу за печкой господин сверчок точил свои ножки.

Когда был хороший день (а этот день именно таким и был), Король сразу же выскакивал из постели и через окно выбирался во двор посмотреть, не прибежала ли Вилка. Хотя конечно же знал — не прибежала. Когда появлялась Вилка, она тут же начинала царапать дверь — стучать не научилась.

Король любил бегать. Жаль, конечно, но и без Вилки как-нибудь обойдется, и он помчался в жизнь, как рыба в воду, радуясь соприкосновению с нею. Король радовался утренней свежести да теплу от солнца. Он бежал по тропе в сторону Нуки и вдруг увидел марсианина. Тот сидел на высохшем дереве в тени орешника.

Таких существ Королю раньше видеть не приходи-

лось, даже в старых журналах на чердаке Сааре. Марсианин сидел прямо, свесив ноги в блестящих хромо-вых сапогах. Рядом с ним в траве лежал такой же, как у Алфреда, велосипед — новый, блестящий в лучах утреннего солнца всеми никелевыми частями, сверкал и черный козырек головного убора марсианина. Такого головного убора, круглого, похожего на зеленую тарелку с красным ободком, Король также никогда ни у кого не видел. Констебль?..

Да, у него похожий головной убор, но синего цвета. А этот — зеленый. И одет марсианин был во все зеленое, весь стянут ремнями так и этак да еще наискосок! Потому-то Король и решил, что это марсианин. Зачем нормальному человеку столько ремней? Из земных вещей кроме велосипеда у марсианина был еще револьвер в кожаной кобуре на боку и планшет, как у констебля, только револьвер у констебля был не такой.

Марсианин сидел не шевелясь, с любопытством поглядывая на Короля, потом что-то сказал. Но Король не понимал по-марсиански.

— Револьвер? — спросил Король, показав на кобуру.

— На-а-ган, — ответил марсианин отдельно, так что Король понял: по-марсиански наган означает револьвер.

Марсианин снова о чем-то спросил, но, догадавшись, что Король марсианский язык не изучал, изобразил ладонкой стакан, поднес его ко рту, показывая тем самым, что хочет пить. Король помчался к дому во весь дух, мелькая голыми пятками, и заорал во всю свою королевскую мочь:

— Марсианин! Марсианин сидит!

— Хелли уже ушла к заказчикам, — проворчала старая Ида, вышедшая на крик Короля. Она не поняла, о чем кричит этот повелитель-мучитель, вернулась

обратно в свою кухню, где продолжала ощипывать одну из своих незамужних кур, переставшую, на свою беду, нестись. Видя, что ей не втолкуешь, Король схватил кружку, зачерпнул из ведра воды и помчался обратно.

Марсианин с удовольствием лил в себя воду, глотал ее медленно, с наслаждением. Выпил литровый жестяной штоф, произнес «у-ух!», сказал что-то помарсиански, сел на велосипед и поехал в сторону города Журавлей, давя на педали совсем как человек.

Осень тем временем все приближалась. На деревьях желтели листья и опадали, чаще лили дожди. Когда шли дожди, Король в сарае пересказывал Вилке подслушанные разговоры взрослых, приходивших по вечерам в гости хуторян — постричься, как на Сааре, или послушать по «Филипсу» последние известия, чтобы тут же коллективно их обсудить.

Король обычно сидел в углу около плиты, где Ида в свое время отражала кочергой атаку красавца квартиранта (а может, такое действительно было?!), Алфред стриг мужчин, и все говорили о какой-то совершенно непонятной будущей жизни, о войне, хотя Король и понятия не имел, где все происходит, а главное, как происходит и почему.

Мужики курили кто трубки, кто городские сигареты, слушали радио и тут же любую услышанную подробность разбирали на еще более мелкие подробности.

Непонятное волнение вызвало у взрослых то, что русские с немцами учредили какой-то Пакт о ненападении. Семидесятилетний хозяин Рямпли, Прииду, даже сказал, что у поляков от этого пакта большие глаза. И Король пытался представить себе поляков с большими глазами...

— Теперь свиней надо откармливать, — объявил

Прииду.— Через Нарву уже ушли в Россию тринадцать вагонов наших свиней, есть договоренность с русскими, наши хрюшки пойдут регулярно, дело выгодное.

— А в газете писали,— прервал Прииду старик с кутора Кооли,— что на Большой земле отлавливают в лесах зайцев для отправки в Германию. Что же это такое? Свиньи — в Россию, зайцы — в Германию?

— Главное, чтобы было выгодно,— объяснил Прииду,— а там можно хоть крыс отлавливать.

— Тебе бы все выгода...— высмеивал Прииду старик с Кооли,— женился бы, раз выгоду ищешь, а то еврейки из России да и из других стран Европы за фиктивный брак с эстонцем по десять тысяч крон платят. Торопись, власти, говорят, собираются этот бизнес прекратить.

Прииду стал ругаться, а коолинского старика Алфред поддержал:

— Ты, Прииду, еще и не фиктивно можешь, ты еще красавец! (Прииду был тощий, морщинистый, седой, с кривым носом.) А я вот читал, в Турции жили люди, Измаэль и Айна, сто лет в браке были, причем Айна Измаэля шестнадцать лет с войны ждала, и после них сто человек потомства осталось.

Потом обсуждался кабинет Гитлера: что он из мрамора, что за три месяца сломали несколько кварталов Берлина, и шесть тысяч строителей за девять месяцев отгрохали фюреру дворец; стены внутри из бетона, а чтобы попасть в приемную, надо шагать по прихожке триста метров, потом бронзовые ворота, затем вестибюль из красного мрамора, затем мозаичный зал в пятьдесят метров со стеклянной крышей, за ним сводчатый холл, потом гигантский холл в сто пятьдесят метров, здесь мраморные массивы, из Вены доставлены брюссельские гобелены семнадцатого века, в конце холла приемный зал, за ним кабинетный зал,

в рабочий кабинет фюрера ведет дверь шестиметровой высоты, стены из палисандра, над камином портрет Самого. Во дворце девятьсот помещений...

— Вот дом так дом...

— Сколько же такая махина стоила?

На сей вопрос никто не ответил.

Потом мужики с ходу перескочили из Берлина в Москву.

— Берлинские газеты пишут, что еще весною конфисковали архив Ленина.

— Где же этот архив был? — Алфред не понял. И читавший немецкую газету объяснил, что архив находился в квартире Крупской, что Крупская — жена Ленина.

— Еще когда Крупскую в больницу увезли, письма эти были взяты под охрану. Сразу после ее смерти в квартиру пришли министр Берия, Микоян и секретарь Сталина Малиновский...

— А в России завели трудовые книжки, чтобы никто лодыря не гонял, самому Сталину такую книжку выписали под номером один, он у них первый по счету работяга...

— А в Германии продукты питания стали давать по карточкам, потому и зайцы им наши нужны, ведь по дешевке...

— А чешский Бенеш удрал в Англию и прихватил казенные деньги... А Наполеон считал, что он итальянец...

— А немец, конечно, наглеет (Король не мог себе представить ни самого немца, ни того, как он наглеет), и Гитлер в Европе, ничего не скажешь, все перекроит по-своему, спорить не приходится, потому что англичане на суше не вояки, а французы большие любители пить вино (Королю представлялось, что пить вино — это так же, как островитяне пьют свое можжевеловое пиво) да с бабами ляды точить (а вот это Королю

было непонятно); что Чехословакия и Польша сами по себе ничего не значат, чехи — очень маленькая страна, поляки же... по мысли знающих и повидавших мир людей, чересчур напичканы аристократическими амбициями (сколько же в мире непонятных слов!), что — пся крив! — им бы поменьше копаться в своих родословных, да и вообще — один дед, который с поляками сталкивался в первую мировую войну, рассказывал: они бы тоже не прочь пить, как французы (хотелось бы знать, как эти-то выглядят), но им это трудно, потому что не хватает золотых (это, наверное, то, из чего делают вино, решил Король). Лично Король все это понимал так, как он Вилке, собственно, и объяснил: что и поляки как бы любят собирать вороньи яйца, когда надо учиться.

О чем только не говорили, но никто не сказал о том, что уже открыли в городе Журавлей новую школу, построенную за сто сорок тысяч крон, что стоит она на улице Гарнизонной, что в скором времени Его Величество будет «отбывать» там каторгу.

Затем пришли заморозки, по утрам трава покрывалась не росой, а инеем. Приближалось первое октября. В душе Короля временами также ощущалась словно бы изморозь. В их дом Убольшойдороги зачастил лысоватый господин Векшель, интеллигент в очках, тощий, но с толстым портфелем: собирал плату за велосипеды, зингеровскую машинку и радиоприемник «Филипс», который стал играть в жизни хуторян значительную роль, что само по себе не очень нравилось Хелли Мартенс, потому что мужики совсем прокоптили табачным дымом ее вязаные занавески. Она вообще считала, что незачем им слушать всю эту политическую белиберду, потому что она, Алфред и Король — люди тихие и политикой не занимаются. Алфред ей не возражал, но в дальнейшем стало ясно: заниматься и интересоваться — это не одно и то же.

И настал роковой час.

Его разбудили непривычно рано. Несмотря на героическое сопротивление, потащили в кухню умываться, и он, ничего не поделаешь, умылся... На завтрак дали блинчики с медом, и он понял, что спасения нет и не будет — просто так медом не помажут. Это своего рода взятка. Ранец собрали коллективно, уложили тетради, учебники, пенал с карандашами, чернильницу и ручку с пером иридинойд. Одели в тот самый новый костюм в клетку. Затем надели ранец на плечи, и он стал похож на солдата на картинке в учебнике. Если бы он так не волновался, то вспомнил бы сказанное однажды Алфредом: «Настанет день, начнешь и ты тянуть лямку».

Алфред вытащил из чулана велосипед, накачал посильнее заднее колесо, посадил Короля на багажник, велел крепче держаться, и они поехали. У ворот Ида и Хелли махали вслед белыми платочками, но государственный флаг, кажется, поднять забыли. Король сидел на багажнике онемевший, держался за седло, и его трясло... Не только от дорожных ухабов.

Когда же проезжали мимо Сааре, к ним присоединилась Вилка. Сколько ни жал на педали Алфред, Вилка не отставала — четыре ноги — это все-таки четыре ноги. Король испытывал к ней огромную признательность. Так втроем они и добрались: королевский экипаж впереди, Вилка с высунутым языком сзади. По дороге они обгоняли идущих в том же направлении девочек и мальчиков, ехали через «страшные» лесные дебри, приближаясь к Брюквaoзеру. Озеро по форме своей круглое, словно брюква, поэтому и название такое, но находится на дне глубокого кратера, образовавшегося оттого, что однажды ночью в небе на большой скорости столкнулись два

черта, один из которых тащил на спине украденную в Египте пирамиду. Она-то и свалилась, врезалась глубоко в землю, и образовалось озеро. Верхушка пирамиды, самый ее кончик, иногда показывается из воды. Так что в Египте на одну пирамиду стало меньше, а ученые с тех пор беспрестанно ищут ее, все в Египте перекопали, а она здесь, в Брюквваозере. Королю это рассказала Ида, а Иде об этом сообщила ее прабабушка, так что, должно быть, все верно. Школа же, в которой Королю предназначено было лямку тянуть, располагалась в сотне метров от пирамиды. Белое двухэтажное здание, окруженное садами и хозяйственными пристройками.

Алфред, оставив велосипед, повел Короля в этот кишмя-кишащий детский муравейник. Здесь стоял такой шум, что показалось: в ту ночь, когда столкнулись черти, они не только уронили пирамиду, но и полный мешок чертенят. Королю такое безобразие не понравилось.

Алфред сходил в учительскую и привел тетю, которая велела Королю распрощаться с Алфредом и проводила в класс.

— Домой иди с Элмаром,— крикнул Алфред уходя,— он дорогу знает.

Тетя, показав Его Величеству место в классе, сказала:

— Я твоя классная руководительница. Запомни, школьники должны приходить на уроки с чистыми руками, вот,— она показала свои руки,— как у меня, и белье должно быть обязательно чистое, вот,— она задрала перед носом оторопевшего Короля юбку, демонстрируя толстые незагоревшие ляжки,— как у меня эта нижняя юбка, понятно?

Король молча кивнул. Он думал о другом: надо обязательно научиться ездить на велосипеде. Ему решили до начала уроков поиграть и познакомиться

с другими ребятами. Элмара не было видно, кругом бурлила дикая, по разумению Короля, жизнь. Словно продолжалась неизвестно когда начатая, никогда не кончающаяся непонятная война, заключающаяся в разного рода стычках, когда одни задевали или издевались над другими, стремясь показаться более находчивыми, издевались и насмехались по любому поводу — смех, плач, крики, сквернословие, тумачи, подножки, оплеухи, свист, писк, беготня.

Знакомиться с этими горляющими субъектами у Короля не было никакого желания. Он чувствовал себя интеллектуально выше. Он немного покрутился в этом бедламе, вспомнил сказанное Элмаром: «Не нравится, можешь уйти, не раб же ты...»

О нет! Он не раб, он — Король Люксембургский! Элмар прав. Он уйдет. И ушел. Не заблудился. Шел через лес и не боялся. Через час он гордо вошел во двор хуторочка Убольшойдороги, сопровождаемый верным другом Вилкой. А спустя минут десять вся деревня могла слышать, как Алфред, истинный вассал своего повелителя, учил Короля уважать общественные законы и считаться с ними. Вилка сидела в стороне, понуро поджав хвост, уставившись в землю. Хоть и собака, но она вполне осознала оскорбительную чудовищность происходящего.

Всем известно, что даже Наполеон, будучи маленьким, был вынужден терпеть террор взрослых. Тут ничего не поделаешь, потому что это — феномен физиологический. С такими феноменами, как детство и старость, нельзя не считаться, но в первом случае есть утешительная возможность выждать, поскольку это явление преходящее.

Король это интуитивно понимал и занял выжидательную позицию, зная, что не всегда он будет маленьким. Ему пришлось смириться, и на следующий день с Элмаром Нуки он отправился в школу. По до-

роге они боролись, выбрав для этого удобное местечко в лесу. Королю пришлось убедиться, что тот, кто подвержен страсти коллекционирования вороньих яиц, мало приобретает знаний, но это вовсе не отражается на его физическом здоровье...

— Бороться хорошо, когда сила есть,— объяснил Элмар сочувственно,— но, если ее не очень много, можно боксировать. Я не люблю это... Ты, наверное, в боксе посильнее будешь, ты быстро двигаешься. Тебе бы попробовать с Эдгаром коолинским...

Король ничего не смыслил в боксе, но из разъяснений приятеля понял, что боксировать — это, в сущности, означает драться, нельзя только бить ногой, хотя в Австралии, где боксируют кенгуру, разрешается и ногой, потому что у них нет рук — сплошные лапы. А коолинскому Эдгару дать как следует — дело стоящее.

— Но когда бокс, обязательно должен быть судья — брэк-мэхер. Ты посылаешь Эдгару приглашение, вызываешь его, и кто победит, будет объявлен чемпионом...

Королю все это показалось малоразумным: что означает — послать приглашение, когда надо просто подойти и съездить в ухо. Выдумки! Чтобы драться — приглашение, брэк-мэхер... Решили просто вызвать Эдгара подраться, и все дела.

На следующий день, когда они возвращались из школы, к которой Король стал относиться, как относятся к неизбежному большинство разумных людей, они втроем — Элмар, Король и Эдгар — уединились в лесочке и произвели приличную драку: двое дрались, третий науськивал.

— Правой бей! — орал Элмар неизвестно кому из драчунов. — В глаз ему, что ты смотришь? Ногой! Ногой давай, коленкой в живот! Вот так! Вот хорошо!

Падать не надо. Спinoй! Спinoй-то! Кто же так дер... боксирует! Врежь ему в ж!.. Та-ак! Та-ак!

Элмар крутился, орал и каркал, словно ворон, а два гаврика «боксировали», как австралийские кенгуру,— всеми имеющимися лапами. Но выходило-таки, что Элмар был прав: кое-какое преимущество у Короля отмечалось. У него была разорвана только штанина и нос кровоточил, на противнике же как будто живого места не было, все разорвано, и под глазами уже на месте происшествия стали проявляться приличные синяки. Так что победа была явно одержана.

Когда побитый противник, бегом и плача, удалился «с ринга», победителей стала занимать одна щекотливая мысль: что будет во втором раунде... дома? Правда, мама Эдгара после того, как однажды Алфред пригрозил высечь ее саму, если она еще посмеет вякнуть насчет своего «бедного» Эдгара, жаловаться не пришла. На разбитый же нос Короля Алфред посмотрел иронически и повернулся к ахающей около Хелли Мартенс — узнать относительно ужина.

Вообще-то надо признать, что неприятие Королем школы было, наверное, в какой-то мере оправданно. Ну что это такое, классная руководительница тебе все-народно показывает, что у нее под юбкой! Когда Король дома об этом рассказал, все были шокированы, даже Вилка стыдливо отвернулась.

Учиться в классе, которым руководила дама в белоснежном белье, Королю не было трудно, он был грамотен, намного более развит, чем его соученики. Он умел читать не так, как тут всякие-разные, а по-настоящему, ведь они с Алфредом уже одолели Гарибальди. Это, конечно, несвойственно коронованным персонам — восхищаться Гарибальди, но Король относился с уважением к мужественным людям, а приключения он обожал. Поэтому был признателен Алфреду за то, что тот научил его читать с пяти лет. При-

чем читать не какие-то сомнительные истории про волка, который якобы съел сразу бабушку и целую ораву козлят, дал себе распороть брюхо, чтобы заменить содержимое в нем камнями...

Король читал настоящие книги, в которых рассказывалось о настоящей жизни. Да, он был грамотен. И он не возражал, когда надо было вместе со всеми петь в классе: «В путь, в путь, журавлята, через леса и просторы, туда, где тепло...» Но, несмотря на грамотность, он из-за незнания некоторых существующих в родной речи слов однажды постыдно пострадал. В этом была виновата и его замкнутость, стремление держаться особняком, он всех сторонился, и это посчитали высокомерием. Возможно, что так оно и было, но... как же иначе?!

Когда кончались уроки и Король шел домой, он, если не было Элмара, шагал в одиночку, в то время когда остальные ребята шли небольшими группами. Стайки девочек, как правило, держались отдельно от мальчиков. Так уж было заведено. Девочкам так было удобнее обороняться от косичкодергателей-хулиганов. Однажды — Элмара опять не было, он был занят поисками вороньих яиц — Его Величество подозвали ребята из старшего класса и послали с поручением к девочкам из одной стайки.

— Ты такой деликатный, тебя они послушают,— объяснили мальчики Королю,— иди и скажи вон той высокой черненькой — видишь? — скажи ей, что она...

Дальше следовал текст комплимента, который Королю следовало пересказать. Король в действительности не был высокомерным и, чтобы доказать это, послушно пошел к девочкам и произнес запомнившиеся слова.

Девочки сперва застыли, внимая оратору, затем загалдели и хором обозвали его дураком. Король решил, что сказал что-то не так, что неправильно запомнил

поручение, и вернулся к мальчикам, пославшим его.

Они посмеялись и подсказали Королю другие слова. Когда же он и их передал высокой черненькой, девочки накинулись на него и отдубасили за милую душу. А мальчишки из старшего класса хохотали вовсю и тоже обозвали Короля дураком. Он настолько разочаровался в людях, что даже встретившей его Вилке впервые в жизни дал пинка.

Как про эти «ученые комплименты» стало известно Алфреду, никто не знает, но на этот раз, когда Его Величество осваивало очередной урок, Вилка затрусилась прочь, поджав хвост, выражая тем самым бесконечное негодование.

Однажды опять было воскресенье. Король вышел пораньше, как всегда, и на омнибусной дороге увидел невиданную картину: нашествие марсиан. Со стороны Сухого Места в направлении города Журавлей двигались колонны. Казалось, они были бесконечными. У Короля дух захватило от открытия: как много на свете марсиан! Столько много живых существ сразу он видел впервые, здесь их было даже больше, чем коров на пастбище богача на хуторе Спиногора. Марсиане были не на велосипедах, а шли строем. У них были винтовки и ранцы, но не такие блестящие, как у того, кому он приносил напиток. Все они были в пыли и, как показалось Королю, очень устали. Видно, много прошли, и Королю подумалось, что, пожалуй, нелегко быть марсианином.

— Они от самого Сухого Места пешака идут, — услышал Король голос Элмара, который подошел незаметно. — Всю ночь идут, — сказал Элмар. — Меня мама ночью разбудила... Ну не меня — отца, и я проснулся. Мама сказала: «Русские идут». Сначала обоз шел, лошади, пушки везли, они пушки только ночью везут, понятно? А днем пешие идут или конные, эскадроны, слышал о таких?.. Вот и они!

Действительно, показался большой отряд на лошадях. Они шли галопом, вся омнибусная дорога была окутана облаком пыли, с полчаса шли конные, потом пошли большие зеленые фургоны и повозки, запряженные пароконной тягой, затем опять пешие, и конца им не было видно.

— А почему они идут? — спросил Король. — Куда?

Ему вспомнилось, как деревенские «политические обозреватели», приходившие к Алфреду послушать приемник «Филипс», обсуждали и прогнозировали европейское будущее, что большие государства якобы будут ликвидировать маленькие, и Король долго ломал голову над значением слова «ликвидировать», пока из различных наблюдений не заключил, что ликвидировать — значит сожрать, как саареская свинья сожрала лягушку — она и квакнуть не успела. Мелькнула мысль: в деревне, наверное, и не знают еще. Захотелось тут же побежать в Звениного и орать во все ворота, что, наверное, будут ликвидировать Островную землю, потому что большие государства решили ликвидировать маленькие, а немец уже сожрал Чехословакию и неизвестно, как будет с Люксембургом, а теперь уже и на острове, но... как побежишь, когда невозможно оторваться от зрелища на дороге, неизвестно, когда такое опять увидишь.

Они с Элмаром помчались на Нуки и взобрались на чердак. Оттуда хорошо просматривалась дорога. Пылевые тучи на ней еще более сгустились, пошли грузовые автомобили, совсем не такие, какие Король видел в Главном городе, а маленькие, на них сидели зеленые кузнечики, солдаты. Весь этот поток, как река, плыл в сторону города Журавлей, где в это время находился Алфред.

Людей у дороги собралось много. Женщины обсуждали внешность солдат, стремясь различить офице-

ров. Мужики молчали. Да и что скажешь, когда ничего не знаешь и еще меньше понимаешь. Идет себе войско — и все тут. Не наше войско. Но у нас столько войска, наверное, и нет. Алфред, когда «Филипс» слушали, так именно и сказал, что у нас хватает войска только границы государства охранять, а больше не надо, оттого что у нас нейтральное государство. Король тогда же подумал, что Чехословакия, видать, не была нейтральной, раз ее ликвидировали немцы.

Король так понимал: нейтральное государство ничьей стороны не держится, так что другие вокруг него пусть делают что хотят — это его не касается, значит, и в нейтральную страну никто не имеет права соваться. Но Короля все-таки беспокоил вопрос: если нейтральное государство маленькое, кто же проследит за тем, чтобы какое-нибудь большое государство, не считаясь с нейтралитетом, его не «ликвидировало»? Вот я, подумалось Королю, маленький, но если кто-то большой меня обидит, то Алфред наверняка меня защитит или другой взрослый. Но как бывает в таких случаях с государствами, Король не знал. В то же время, подумал он, его, допустим, будут обижать, а взрослых поблизости нет, только одни маленькие, тогда как? Если все нейтральные? Значит, побьют. А все будут вокруг отворачиваться и делать вид, что их это не касается — они нейтральные. Потом побьют кого-нибудь из них, и Король тоже отвернется, потому что и он тоже нейтральный. Так и будут большие бить маленьких поодиночке, а они... нейтральные. Что-то Королю такая картина не очень нравилась.

Войско шло целый день и еще целую неделю. А в газете «Наша Земля» напечатали объявление такого содержания: «Власти информируют, что при прохождении советских войск, во избежание недоразумений, гражданам запрещается приближаться к дорогам, собираться на площадях и улицах, где проходят войска.

Запрещено фотографировать и вообще носить с собой фотоаппараты».

В ближайшую субботу во время очередной стрижки мужиков текущие события, естественно, разбирались, и Королю стало известно, что Островную землю ликвидировать не будут, что на ней будут советские базы, а также на соседнем большом острове и на Большой земле в Палдиски и что русские имеют право базировать свои гарнизоны, что такой договор подписали в Москве наш министр и Молотов, что договор действителен десять лет и в это время Россия окажет военную помощь Эстонии, а Эстония — России... А стоимость аренды баз будут еще обговаривать отдельно. А на острове Фиджи в это время учредили первое вегетарианское общество.

Мелинда привезла Хелли Мартенс заказы женщин из Праакли на фартуки и тоже сообщила новость; на берегу полуострова Сырве тайно высадились шестнадцать евреев из Чехословакии; четырнадцать мужчин, одна женщина и десятилетняя девочка. Их поместили в тюрьму до выяснения. Эта новость была, несомненно, интересной, но больше волновали слухи насчет того, что петролеум станет дороже, а сахар будут продавать по продовольственным карточкам. По этому поводу старик из хутора Кооли (который в молодости был якобы школьным учителем, оттого, наверное, и хутор у них называется Кооли — школы) объяснил:

— Это не ново, еще три тысячи лет назад в Египте были карточки на одежду и питание. Каждый египтянин имел папирус, где жрецы записывали, что ему причитается. А в Вавилоне в пятьсот тридцать пятом году до нашей эры, когда византийцы окружили город, каждого жителя измеряли и на дощечке обозначали его длину; кто был выше — получал больше. Подделка «документов» каралась смертью. В Афинах когда-то продовольственными карточками служили мраморные

плиточки. Афинские матроны сопровождались служанками, которые несли плиты, и, говорят, в Греции мраморные плиты никогда не были столь ценимы; однажды бабы в очереди поссорились, ссора перешла в побоище, и тогда столько побили «продовольственных карточек» — вся улица была в мраморных осколках.

Алфред и Хелли между собой постоянно говорили о городе Журавлей, о том, как они там будут жить. Алфред договорился с Тайдеманом, и тот, ввиду сложности наступившего времени, непредсказуемости, сдал Алфреду помещения в трех домах, которые все удачно располагались на Закатной улице, вблизи друг от друга, если учесть, что Закатная улица не очень большая, едва наберется метров восемьсот. Пока Алфред в этих домах производил небольшой необходимый ремонт, Хелли и Король оставались на хуторе в деревне Звенинога. Было решено переселиться на следующий год, когда начнутся летние каникулы в школах, чтобы не причинять беспокойства Его Величеству в процессе его образования.

В это время началось почти добровольное переселение немецких подданных в великую Германию. Германский фюрер, как установил Король через звениноговских мужиков, призвал всех граждан немецкой национальности на родину, самолеты которой успешно уже бомбили польские города. И звениноговские граждане гадали теперь, на кого пойдет немец дальше.

Англичане и французы, говорили мужики, пришли к заключению, что немца можно остановить только силой. Но какой? Ведь и советские войска перешли польскую границу, чтобы защитить жизни украинцев и белорусов в Полоцке и Каменец-Подольске, и звениноговские мужики не в силах были объяснить происходящее, поскольку между Советами и Польшей тоже существовал Пакт о ненападении. Теперь же выходило, что

Советы помогали немцам против поляков, а те, конечно, не выдержали. Еще бы! Такого никто не ожидал!¹

Когда же фюрер позвал немцев домой, многие повели себя очень странно: одни немцы заявили, что они эстонцы, а другие же — эстонцы — что они немцы. Двадцать немцев, заключенных в тюрьму, захотели ехать на новую родину. На что, спрашивается, они там нужны? Семьдесят сумасшедших из Сеевалди тоже решили увезти. А они на что? Разве на фатерланде совсем перевелись психи и жулики? Заключенных свозили на пароход под конвоем, а некоторым еще сидеть да сидеть... Больше половины из этих «немцев» не знали и трех немецких слов...

— Будут ли заключенные на «Бременхавене» (название парохода) свободно гулять или их закроют в трюме? — вот что интересовало одних звениноговских политических аналитиков.

— Это дело самих немцев, — определили другие.

Сумасшедшие будто бы не совсем охотно соглашались переселяться. «Хотим умереть в Эстонии», — заявляли они, а про зов фюрера и слушать не хотели, плакали, умоляли: «Мы здесь родились, жили и умереть хотим здесь». Они падали на землю и орали, что не нуждаются в новой родине.

Из домов престарелых люди также отказывались уезжать, даже отказывались от денежных пособий, лишь бы позволили остаться. Психи скоро успокоились, полагали, за счет успокоительных уколов. Арестантов привозили в порт в полицейском автофургоне, за исключением более именитых уголовников, которые прибывали в частных легковых автомобилях.

Некоторых психов несли на руках — для чего такие фатерланду? Встречавшие заключенных на пароходе

¹ Звениноговские мужики судили о большой политике в некотором смысле некомпетентно. *Ред.*

немецкие криминалисты объявили о том, что заключенные и в Германии будут сидеть. Спрашивается, не все ли им равно, где сидеть?

Однажды исполнилось давнишнее желание молодого Короля: его повезли наконец в город Журавлей, о котором он уже был наслышан. Это стало возможным благодаря тому, что единственно воскресный день был удобен Алфреду для перевозки в новую мастерскую ящиков со столярными инструментами.

Встали рано. В четыре часа утра во двор заехал Манчи на Серой, впряженной в знакомую телегу. Где же Вилка? Ее, оказывается, пришлось временно посадить на цепь. Погрузили три продолговатых ящика, на них и устроился Король. Алфред с Манчи пошли пешком. Когда они уставали, то садились сзади на ящик передохнуть. Когда Король подслушивал разговоры мужчин Звенинога, было интересно и познавательно. Когда же между собой говорили Манчи с Алфредом, ничего интересного для уха Короля не было — о делах деревни, о ее жителях, которых Король и не знал совсем, ведь он и родственников своих отсутствующих не знал и не имел о них никакого представления. От Звенинога до города Журавлей восемнадцать километров — два часа лошадиного хода, когда она триста метров шагает не спеша, затем, получив по заду прутком, двести трясется мелкой рысцой.

Немало времени отнимали у лошади проезжающие маленькие русские грузовички, которые ей не нравились, она их не признавала и привыкать к ним явно не хотела — шарахалась, словно молодая, в стороны, в глубокие канавы, так что при приближении машины Манчи останавливал Серую и держал за узду, отвлекал ее разговором про саареский клевер. Но так или иначе, а к часам восьми утра они въехали на возвышенность Тахула, от которой до города Журавлей оставалось километра четыре. С этого места город уже

хорошо просматривался. И Король увидел выделяющиеся над общим фоном города две старинные башни старого замка в зеленом воротнике деревьев. Вскоре въехали в город, но журавлей нигде не было видно, людей на улицах тоже было мало; перед ними в город въехали другие повозки, громыхая железными ободками колес о булыжную мостовую.

Алфред и Манчи обратили внимание на повозку впереди.

— Это же наш барон с Брюквaoзера,— сказал Манчи,— помещик, хозяин брюкваской усадьбы. Куда это они? Старик уже лет двадцать никуда из имения не выезжал.

Да, конечно, экипаж, на который указал Манчи, отличался от обычных повозок Островной земли — он не гремел, а катился мягко, его колеса были обтянуты резиной, и был он длинный да широкий, с мягким сиденьем, на котором восседал седой старик и кто-то помоложе рядом.

Короля ни старик, ни экипаж не занимали. Он с интересом разглядывал бронзовое изваяние солдата с саблей в руке, револьвером на поясе и флагом за спиной. Затем стал переживать за кошку, которая пыталась поймать голубя. Кошка нравилась Королю гибкостью и легкостью, когда прыгала, но голубь был тоже не дурак: вроде еле ковылял, но всегда успевал отлететь вовремя.

Впереди едущие повернули налево, и Манчи сказал Алфреду:

— Поедем посмотрим, интересно все же.

Алфред нахмурился, что означало: некогда ему пустяками заниматься, но тем не менее они поехали налево. Манчи и Алфред знали, а Король — нет, что едут они в порт, расположенный на маленьком полуострове, называющийся Ползучим. Король не знал также, что здесь происходила переправа немецких переселен-

цев на огромный пароход, стоявший на рейде за островом Абука. Король не знал еще, что из себя представляет Абука, но догадался, что здесь-то и жил повелитель ланьего народа, чью шкуру набили и выставили в музее.

Утро было прохладное. Они поехали по открытой всем ветрам дороге, по сторонам которой расстилались низкие кусты можжевельника. То там, то сям возвышались огромные валуны. Они доехали до низких зданий складов, и здесь Короля приветствовали тучи чаек, кричавшие свое неизменное «кай-як», словно этим единственным словом можно рассказать на их языке обо всем на свете.

Король с жадностью всматривался в море и ничего другого поначалу не замечал. Море, как и всегда, его особенно волновало. Оно было удивительно красивым, освещенное утренним солнцем. Белые гребешки на волнах и тяжкие вздохи прибоя были ни с чем не сравнимы.

На пристани оказалось множество народу. К причалам были пришвартованы корабли, но не такие большие, как те, которые однажды Король увидел в порту Главного города. А людей — мужчин, женщин, детей — все прибывало. С чемоданами, тюками, мешками. Здесь же были таможенники и полицейские.

Алфред поставил свою повозку так, чтобы не мешала прибывающим. Они втроем сидели на телеге и молча смотрели. Король ничего не понимал.

— Что это? — обратился он к Алфреду. — Это базар?

В Главном городе он бывал на базаре, там было много народу и стоял гомон, но вместо чаек там были воробьи и голуби.

— Смотри и не мешай, — ответил Алфред не очень весело и добавил: — Люди уезжают, вот что это.

Конец пристани был отделен веревкой, за нее про-

ходить разрешалось только чиновникам и уезжающим. Таможенники и полицейские занимали места у столов, к ним подходили люди с вещами.

— Кто самовольно зайдет за веревку, тот уже в Германии,— предупредил констабель (констебль). Все стали опасливо сторониться веревки.

— Вчера большинство уже погрузилось,— неизвестно кому говорит, приостановившись около них, незнакомый дядя. Почти на руках пронесли старушку, какой-то толстый мужчина подал таможеннику огромный бидон литров в тридцать. Таможенник заглянул внутрь, понюхал.

— Простокваша! — констатировал он.

Бывший владелец поместья Брюква тащит с трудом большой ящик. На нем можно прочитать надпись большими буквами: Аренбург (город Журавлей) и барон... Затем его фамилия уже меньшими буквами. Некоторые тетki стараются до вскрытия своих чемоданов предупредительно информировать таможенников о содержимом: «Взяла побольше мяса, бутербродов, поди знай, сколько продлится этот рейс». Специалисты по металлам взвешивают золото, серебро, спорят о нормах ценностей.

— А это бывший городской советник,— комментирует тот же дядя.

Возле кучи чемоданов грустно стоит бывший советник, кто-то к нему обращается:

— Как настроение?

— Такое, что хоть в море прыгай,— отвечает советник мрачно.

— Известно что-нибудь о будущем?

— Ровно ничего, кроме одного: этот рейс наверняка состарит меня лет на сто...

Молодая женщина в слезах обнимает уезжающего мужа.

— Почему она плачет? — спрашивает Король.

— Потому что остается,— отвечает Алфред.— Она не немка, и ее фюрер не хочет, а он — немец.

— Вчера четырехгодовалую девочку мать оставила на скамейке,— рассказывал дядя, стоявший рядом,— сама побежала за забытыми документами. Девочка орала, пограничник ее убаюкивал, потом немецкие медсестры с парохода увезли ее на корабль. Мать объявилась только вечером, ее муж остался здесь. Ну и трагедия была! Как они расставались!..

Многие переселенцы из бедных, чаще слышен эстонский, даже русский язык, чем немецкий...

— А многие немцы перед отъездом тут долгов наделали... в магазинах все в кредит покупали.

Капитан небольшого парходика «Кассари», доставляющего уезжающих на «Адлер», который на рейде у Абука стоит, облокотился на поручни трапа. Ему кричат:

— Как поход?

— Как у евреев в Палестину,— рокошет тот в ответ.

Какая-то барышня рыщет среди чемоданов, кошелек потеряла. Наконец гудок прерывает суету. «Кассари» увозит очередную партию уезжающих. Лица людей, смотрящих на берег с «Кассари», покрывает тень отрешенности, возможно, даже обреченности. Люди, наверное, вспоминают прожитую на острове жизнь, переживания, радость и горе, которые роднят их с прежним. Но вдали темнеет силуэт «Адлера»...

«Кассари» подобрал концы. Стоявшие на палубе люди машут платками, мужчины сняли шляпы. Парходик все больше отдаляется, и вдруг слышится песня, уезжающие нестройными голосами поют: «Родина, милая, здесь родился я...» Эстонский гимн.

И так до позднего вечера.

— Поехали,— сказал Алфред тихо, отвязывая от цементного столбика Серую.

— Интересно, как там в Германии? — Манчи мечтательно смотрит вслед «Кассари». Король тоже был бы не прочь совершить поездку на большом немецком пароходе, но он благоразумно молчит о своем желании. Они выезжают на дорогу, чтобы возвратиться в город.

ГЛАВА V

Город Журавлей намного меньше Главного города. Потом, когда Король поселится здесь уже постоянно и у него образуются новые дипломатические отношения с окружающим миром, десятилетний сын доктора Килка по имени Арви, человек высокообразованный и всесторонне развитый, объяснит ему с документальной точностью, что население города Журавлей на первое января тысяча девятьсот тридцать девятого года составляло четыре тысячи девятьсот двадцать шесть человек, из них две тысячи сто девяносто девять мужчин и две тысячи семьсот двадцать семь женщин, из чего следует, что женщин больше на пятьсот двадцать восемь единиц. Далее Король Люксембургский узнал, что город Журавлей располагается на территории в две тысячи сто семьдесят шесть гектаров, а спортивная площадка, в окружении замковых валов, занимает пять гектаров. А население всей Островной земли составляет сорок восемь тысяч четыреста восемьдесят человек.

Эти сведения Арви сообщил Королю для того, чтобы потрясти Его Величество своей эрудицией, но, хотя Его Величество и в самом деле должным образом им восхитился, он все эти сведения тут же позабыл, поскольку на цифры у него, как и у всех королей, исключительно плохая память.

Но это будет еще не скоро. Пока же из первых впечатлений ему стало абсолютно ясно, что Журавли намного меньше Главного города, где полно автомоби-

лей, экипажей, такси, извозчиков, множество народа. В городе Журавлей тихо и спокойно. Автомобилей совсем не видно, громыхают лошадиные повозки, идут редкие прохожие.

«Экипаж» Короля с Алфредом и Манчи проследовал через весь город на окраину, на Закатную улицу, по которой тут же можно выйти из города и идти дальше — в Закатный лес, начинающийся примерно в километре-полтора за городом.

У небесно-синего одноэтажного здания с мансардой Алфред остановил экипаж. Открылись невысокие дощатые ворота, пропуская их во двор. Двор был один на два дома: с левой стороны стоял похожий дом, только коричневый.

Ворота открыл хозяин — высокий, сутулый старик с лысиной, обрамленной седыми клоками волос, лицо у него было продолговатое, на нем выделялись нос с горбинкой и кривой и серые внимательные глаза. Этот человек и был Карл Тайдеман, старый холостяк, проживающий с сестрой, старой девой, на мансарде синего дома. Что касается сестры, ее в городе знали лишь как Тайдеманиху — скупую крохоборку, самого же Тайдемана все называли просто Карла.

Карла, по-видимому, был человеком любознательным, он не отходил от прибывших и, видя, что Алфред не собирается сгружать привезенные ящики, спросил догадливо:

— Наверное, в мастерскую? — он кивнул на ящики.

— Инструменты, — подтвердил Алфред.

— А мебель когда привезете?

— Мебель сделаю сам, Карла, — ответил Алфред.

Карла сказал лишь:

— Хе-хе!

На плечах Тайдемана висел неопределенного цвета пиджак, пуговицы на нем были явно от разной одежды.

Король долго сомневался насчет его обуви, что это — ботинки или туфли?

— Здесь и будем жить,— сказал Королю Алфред.

В квартире были три приличные комнаты, каждая примерно в двадцать метров, кухня, чулан, коридор и прихожка; в коридоре уборная, а во дворе дровяной сарай и рядом два каштана. За сараем находился сад, и Король... как будто заметил в нем вишни, а может, и не заметил, это он потом уточнит. Далее... Далее была кузница, которую последние двести лет никто не открывал и никто не знал даже, чья она. Снаружи она была такой, какой и положено быть кузнице — черная от сажи, хотя самой сажи здесь и в помине не было. Окна забиты, на высокой двери здоровенный висячий замок. К кузнице, а именно к висячему замку, и привязал Манчи Серую, лошади все равно, к чему быть привязанной.

Король, естественно, вертелся под ногами у взрослых, но выяснить, где же он будет спать здесь, в этом доме, ему не удалось. Ему отвечали однозначно: «Не мешай!», «Отойди!», «Подожди!».

Затем они все покинули дом и направились немного назад по улице Закатной. Впереди шел Карла Тайдеман, затем Король «в карете», сзади плелись Алфред и Манчи. Идти было недалеко, каких-нибудь метров сто. Около белого одноэтажного дома Карла распрощался, а Алфред остановился у двери, которую в похожих домах принято называть парадной. Он спросил Его Величество:

— Ну как? Сможешь прочитать, что написано на этой вывеске?

Короля такое неуважение немного обидело, но он предельно четко прочитал: «Тишлер. Изготовление полированной мебели и струнных музыкальных инструментов».

— Хорошо,— заметил Алфред одобрительно и, обращаясь к Манчи сказал: — Зайдем, посмотришь.

Они вошли в дом. В большом помещении у стен стояли верстаки, на стенах размещались полки для инструментов, в комнате рядом и в большой кухне штабелями лежали доски, тонкие и потолще, струганые и неструганые, фанера, коробки с шурупами, гвоздями, а впрочем, все это Королю было знакомо с того момента, как он себя помнил.

— В этой кухне Хелли вполне развернется,— заметил Алфред Манчи, который как раз изучал мощный, литров на тридцать пять, котел, замурованный в кирпичную кладку с топкой внизу. Манчи вопросительно посмотрел на старшего брата.

— Что она будет здесь разворачивать?

— Белье,— ответил Алфред.— Думаю сделать здесь прачечную.

— В городе уже есть одна,— сказал Иммануэль,— и та простаивает... Что стирать-то здесь собираешься?

— Я лично буду мебель делать, как и делал,— ответил Алфред.— А тебе не мешало бы начать что-то еще соображать, кроме деревенских девок. Здесь будут стирать солдатское белье. Или ты думаешь, что русский солдат в нестираном белье всю жизнь потеет? Или у них есть свои походные прачечные?

Манчи не отличался многословием, не потому, что был очень серьезен, он поговорить любил, но — Алфред справедливо заметил — преимущественно с деревенскими девками.

В таинственном мире столярной мастерской царили приятные запахи древесины и лаков. Королю нравились деревянные формы для изготовления струнных музыкальных инструментов. Готовая мебель всегда стояла отдельно, отгороженная легкой перегородкой из больших фанерных щитов. Так было в Главном городе. Обычно мебели собиралось немного, заказчики

старались увезти ее скорее, редко оставляли надолго. А пока сделанная вещь находилась в мастерской, Алфред то и дело подходил к ней, любовался, гладил.

Сколько же надо натирать журнальный стол! — удивлялся Король не раз, наблюдая, как Алфред часами полировал поверхность тряпками и заячьими лапками. Когда же стол был готов, то блестел так, что Король мог видеть собственное отражение, — до чего же было красиво! А самому Алфреду жалко было расставаться с готовой вещью.

Да, он без работы не был. Все у него получалось очень красиво, и люди заказывали шкафы, буфеты, трюмо, столики, стулья — он работал к тому же быстро, а это немаловажно.

Каждый раз, отдавая заказчику готовую мебель, Алфред с Хелли считали эти непонятные деньги. Часть из них, бумажки и круглые железки, Алфред отдавал Хелли на хозяйственные нужды, часть — домовладельцу, но самую большую оставлял себе, чтобы приобрести древесину, лаки, лапки и прочее. Без лапок немислима настоящая работа, чтобы мебель приобрела зеркальный блеск, — это факт.

В мастерской Королю нравилось возиться в стружках, ему еще нравились шурупы, он ими играл, как с оловянными солдатиками. Но Алфред обычно заставлял его выпиливать лобзиком всяческие фигурки.

— Надо учиться заниматься делом, — говорил он строго.

Он учил Короля читать, приносил ему красивые и интересные книги. Хелли Мартенс не одобряла такое чтение и говорила Алфреду, что ни к чему чересчур загружать мозг ребенка сведениями, осмыслить которые он еще не в состоянии.

Одним словом, мастерская эта Королю понравилась, хотя жить здесь ему не придется, здесь не жили — работали, чтобы жить. Перед домом, который,

оказывается, принадлежал все тому же Тайдеману, была небольшая круглая площадка с газоном дикорастущей травы, дальше виднелось мрачное здание рыбосклада, мимо него петляла дорожка к яхт-клубу, который почему-то называли немецким. Здание яхт-клуба располагалось на берегу небольшого залива на деревянных сваях — двухэтажное, с башенкой. А напротив, через залив, виднелся другой яхт-клуб, названный наоборот — эстонским, вся эта комбинация несколько напоминала Гибралтар, не хватало только пушек на обеих пристанях. Хотя пушки все же были, они стояли — старинные, музейные — по обеим сторонам широкого крыльца пограничного кордона, который начинался прямо у входа на рыбацкую пристань. По обеим сторонам пристани качались на воде моторки, привязанные цепями.

Пахло смолой и мазутом. У рыбного же склада, естественно, рыбой. Когда Король посетил эстонский яхт-клуб, ему пришлось удостовериться, что там, увы, пахло... экскрементами. Потому что яхт-клуб был пуст, все помещения пусты, окна выбиты, но рамы целые. Пустые дома во всем мире, даже если это исторические памятники или молитвенные места, например церкви, обладают притягательной силой для многих, игнорирующих расположенные рядом туалеты, сожалеющих, видимо, о том, что им недоступно обэксренивать резиденцию римского папы или картинную галерею в Лувре — вот было бы шикарно!

Король не вдавался в столь глубокие размышления. Он интересовался более приличными проявлениями жизни.

Как только Его Величество закончил осмотр мастерской, Алфред предложил сходить посмотреть его третью квартиру, у реки. Они вернулись к небесно-синему дому — здесь главная ставка королевской семьи — и пошли в сторону реки (Серую оставили во

дворе мастерской). В одном из домов они вошли через широкую веранду в двухкомнатную квартиру. Эти комнаты Алфред приспособил под склад, где собирался хранить всевозможные материалы и сушить готовую мебель, здесь же было разрешено Королю играть в свободное время на веранде с шурупами.

Этот дом тоже являлся собственностью Карла Тайдемана. Несмотря на свою «бедность» — Тайдеманиха вместо юбки заворачивалась просто в кусок мешковины, словно женщина Индии,— Тайдеман имел три дома. Но Тайдеманиха всем своим поведением подчеркивала, что они очень бедны, лазала по помойкам и тащила, словно крыса, к себе домой все, что хоть маломальски на что-нибудь могло еще пригодиться, и даже то, что уже не могло пригодиться ни на что. Но три дома у них все-таки имелись, три таких бедненьких дома, а сколько за их аренду должен был платить сам Алфред, это Его Величество не интересовало.

Ему импонировало, что в его личном распоряжении будет целая комната да еще веранда в другом доме с видом на реку Тори.

Нет, река Тори — не Миссисипи, не Волга и не Рейн. Река Тори — это крохотная речушка, которую не найдешь ни на одной карте земного шара. Она берет свое начало где-то в болоте за мясокомбинатом, через какой-нибудь километр ее ширина превышает уже... метр, доходит даже до двух, на подступе к городу Журавлей ее ширина достигает трех метров, а рядом с тем домом, где Его Величество приобрел резиденцию с видом на нее, река местами имеет метров десять — двенадцать в ширину, а глубину — корове по брюхо.

Как они четверо — Король, Алфред, Манчи и Серая — доехали обратно до Звенинога, о том Его Величеству не известно. Он так был переполнен впечатлениями и устал за день, что всю обратную дорогу спал на мешке с сеном в телеге, а приехав домой, был не в

состоянии ничего рассказать Хелли Мартенс. Кое-как поужинав, он опять лег спать, и это было разумно, учитывая, что утром ему надо было идти в школу.

Альфред теперь на хуторе Убольшойдороги бывал редко, у него в городе было много работы, он делал мебель. Хелли продолжала шить передники, Король ходил в школу, когда было время — в гости на Сааре, от случая к случаю сам принимал гостей — Элмара и Вилку. Раз в месяц приезжал ложенный господин Векшель получать взносы за «Филипс», зингеровскую машинку и велосипеды.

— А этот Векшель, — поделилась Хелли с Альфредом своими наблюдениями, — очень странный господин.

— Чем он странный? — удивился Альфред.

— Он, словно коммунист, всех богатых порицает. И расспрашивает, кто тут богач, у кого много работников. Осуждает, называет их врагами трудового народа, и ему безынтересно, как ты к ним относишься. Странно же! А сам-то у богатых и богатству служит...

Хелли Мартенс была озабочена. Альфред задумчиво чесал нос. Такая привычка — чесать нос — напоминала Королю Хуго, его привычку тянуть себя за уши.

— Говорю же, — повторила Хелли, — интересуется, как ты относишься к капиталистам. А я ему объяснила, что для тебя главное — работа, а богатый не богатый — тебе все равно, потому что древесина, политура и шурупы стоят одинаково и для бедных и для богатых.

— А больше его ничто не интересовало? — уточнял Альфред, продолжая чесать нос.

— А еще... Ах да, кого мы в случае чего предпочли бы, чтобы нас освободили — русских или немцев? Я не поняла и сейчас не понимаю: от чего нас надо освободить? Я сказала, что если это политика... потому что я не понимаю, надо ли нас от чего-нибудь освободить, так что если это касается политики, то мы этим

не интересуемся, мы нейтральные. По-моему, я правильно сказала?

А потом Король заболел. У него было воспаление среднего уха, хотя он совершенно не понимал, почему именно среднего. Алфред работал в городе. Хелли отнесла «Филипс» и зингеровскую машинку на кухню, и Король один на один сражался со своим воспалением. Из города Алфред привозил врача — доктора Килка. Королю делали горячие компрессы, наливали в ухо подогретую борную кислоту и перекись водорода, которая приятно щекотала. Давали и порошки, измеряли температуру, а он все равно болел.

Звениноговские мужики, несмотря на отсутствие Алфреда, в силу привычки, продолжали собираться на хуторе Убольшойдороги слушать «Филипс» и комментировать события. Из кухни до Короля доносились их громкие голоса, и он мог таким образом хоть и воспаленным средним ухом все же уловить информацию о происходящем в мире.

То, что немцы уезжают на новую родину, он знал. А вот зачем финляндский королевский посланник Паасикиви все мотался между Хельсинки и Москвой, этого он не понимал. Посланник как будто ездил в Москву доказывать, что они, финны, держатся договоров и желают мира. А Сталин, которого все называли экспертом по делам Финляндии, поскольку бывал он там, якобы толкует, что Советам необходимо контролировать финские острова и часть Карелии, поскольку они чересчур близки к Ленинграду — на расстоянии пушечного выстрела. Паасикиви прямо и не возражал, но и договариваться вроде не желал, а войско финляндское понемножку-потихонечку расставлял у своей границы. Тогда Россия опять предложила за часть Карелии и некоторые острова такие же куски земли на

Кольском полуострове, так финнам же на этом полуострове не нравится. Русские говорят им, что в случае чего они будут их защищать, а финны возражают, дескать, хотим быть нейтральными, а в случае чего сами себя защитим. Тогда министр Молотов намекает финнам, что на них якобы влияют какие-то третьи государства. Но финны все равно не соглашаются уступить или менять что-нибудь, даже говорили, что им самим эта земля у Ленинграда нужна для защиты от России. Это же черт знает, сколько можно спорить!

А Молотов повел теперь вот какую линию: поскольку Советы наладили отношения с тремя балтийскими странами, объявляет он, то и четвертой не мешало бы не валять дурака. А они, финны, валяют. Но король финнов отрицает, что на них какие-то третьи влияют.

Короля Люксембургского вся эта возня, конечно, тоже интересовала, хотя эти дела и не имели прямого отношения к его собственному воображаемому королевству, но когда ты лежишь один и слушаешь... А болезнь затянулась. Король вынужден был провести в постели несколько месяцев, почти до самой весны. Изредка его навещала Вилка, но и у собак дел хватает: недаром же тебя кормят, когда на каком-нибудь хуторе имеешь собственную крышу над головой и персональную цепь. Приходили гости к Хелли, чаще других Мелинда. Она приносила ткань, забирала готовые передники, рассказывала деревенские новости.

Например, про Эйнара с Ребра, которого привезли домой в ящике. В этом ящике он как-то повез продавать на ярмарку свинью. Как случилось, что и Манчи, и Антс с хутора Ару, и старый Прийду, и Эйнар уже без свиньи, но с деньгами и лошадьёю своей очутились в усадьбе Корчма, расположенной у омнибусной дороги в Кангруспина, того никто не объяснял. Единственно установили: когда все они не смогли утихомирить пьяного Эйнара, то затолкали его в пустой ящик, где

он продолжал орать, как бывшая в нем до этого свинья. Его якобы обманул кто-то, вот он и бушевал, пока не заснул. Так и привезли его домой в свином ящике и свиным положением.

В другой свой приход Мелинда рассказала, как Эйнар в своем саду охотился. Он был азартным охотником. Когда Манчи и Антс ранним утром, запыхавшись, прибежали и сообщили, что видели в его саду зайца, Эйнар схватил ружье и, несмотря на холод и снег, выбежал из дома в одних трусах. Раздались два выстрела, он бабахнул из обоих стволов и ухлопал... свою кошку, к голове которой Манчи и Антс прикрепили заячьи уши и привязали бедную к яблоне.

А в это время в Австрии в Мюнхене в каком-то подвале чуть не ухлопали Адольфа Гитлера, произносившего речь. Ему повезло больше, чем кошке, его ни к чему не привязали, и он за десять минут до взрыва бомбы из подвала ушел.

Но вот жителям Звениного однажды повезло так повезло: на хутор Убольшойдороги приехал Тайдеман. Можно подумать, что он специально приехал осведомиться о состоянии здоровья Его Величества — так любезно и участливо беседовал с ним, хотя и Алфреду уделил немного времени. Трудно сказать, о чем они говорили и куда ходили вдвоем. Больше всего повезло соседям: коолискому старику, Рямпли Прийду, нукискому Александру, деду Элмара, который вслед за внуком установил контакты с жителями Убольшойдороги, — столько интересного рассказывал Тайдеман, не хуже «Филипса».

Начал он с сообщения о том, что получил письмо от уехавшего в Германию знакомого пастора из Журавлей. Тот писал из Готенхафена, который раньше был Гданьском, что «вернувшихся» немцев здесь кормят два раза в день, дают горячую похлебку и небольшой кусок черного хлеба, а собственной рукой, как на ост-

рове, уже ничего не возьмешь. Туда же, в Готенхафен, ему написала, в свою очередь, дочь из Бремна, что живется ей богато, в довольстве, что лучшего желать не приходится. Рейнгардт обратил внимание на уголок марки, он оттопыривался немного, и Рейнгардт машинально марку сорвал. Под ней увидел тоненько написанную фразу, в которой коротко сообщалось, что жрать нечего и что это — результат англо-французской блокады.

— Да... Вот тебе и гросс Дойчланд! — вздыхали мужики, качая головами.— А еще зовет, приезжайте домой, дорогие немцы...

— А ведь газета убедительно предупреждала немцев — остались последние дни для регистрации на переселение. Если кто-нибудь и теперь не решится, тот сам исключает себя из немецкого народа.

Тайдеман знал, что у Абука снова стоит «Адлер», чтобы увезти мебель и другое имущество уехавших немцев.

— А много ли их уехало?

Тайдеман считал, что более трехсот человек. Это только с Островной земли.

— А военнослужащие, которые хорошо знали русский язык, устроились там вполне прилично. В немецкой армии. Один бывший полковник, — сказал Тайдеман, — по фамилии Куузик, что означает «сосняк», чтобы скрыть ее эстонское происхождение, стал писать «Кузик» — с одним «у», в результате чего по-эстонски получилось «писун». Так этот полковник получил место охранника в концентрационном лагере в Польше. Однако его жену, еврейку, отправили в другой лагерь — изоляционный... временно. Как неарийку. Одним словом, устраиваются как могут. Неплохо, когда знаешь языки.

— А еще говорили, что русский язык малозначителен, отдавали предпочтение немецкому, английскому...

Теперь немцы сами нуждаются в тех, кто знает русский язык.

Потом, как уже повелось в последнее время, разговоры стали крутиться вокруг дел между русскими и финнами. Здесь Тайдеман знал не больше других: что отношения между этими странами обострились, что финны объявили, будто не в состоянии выполнять все требования Москвы, что переговоры оборвались, потому что финский король все ждал, когда его пригласят на новые переговоры в Москву, а Сталин сказал, что не надо, хватить болтать. И Советы отказались от договора о ненападении с Финляндией. Теперь точат ножи.

— И шведам эти советские предложения Финляндии были не по душе,— объяснил Тайдеман, который, оказавшись в положении нового человека, чувствовал себя обязанным участвовать в беседе.— Шведы в этих предложениях видели что-то опасное для своей страны. Все везде всем опасно, всем необходимо от всех защититься, укрепиться...

— Одним словом, чтобы мне, и тебе, и другим жить спокойно, надо друг от друга основательно отгородиться,— это Прийду с Рямпли подал голос.— А лучше всего отгородиться, если отмахать от другого государства кусок земли, построить на ней свои оборонительные крепости.

— Да что там с этими кусками возиться, лучше уж как немец — он не куски, а целиком хапает. Вот в газете писали, что и Бельгия и Голландия от него границы свои закрыли на замо́к.

— Что для разбойника замо́к!

Женщины в мужских разговорах участвовали пассивно. Они больше слушали. Но поскольку все эти военные дела касались и их конкретных интересов, то сколько же можно молчать, и они естественно стали возмущаться по поводу того, что петролеум и сахар

намереваются выдавать по продовольственным карточкам.

— То ли еще будет,— мрачно изрек нукинский дед.— Как бы тебе и на хлеб норму не установили.

— Ерунда! — воскликнул коолиский старик.— Когда византийцы осаждали Спарту, царь Леонидас запретил свободную торговлю продуктами, и стали их раздавать по нормам: тому, кто сильнее и ловчее, полагалось больше, потому что они были нужны для военных успехов. Чтобы установить, кому сколько положено, метали копья, прыгали через коня, после чего давали пергамент с указанием, сколько кому положено.

— Как хотите, а прыгать через лошадь я не буду,— объявила Хелли, и всем было весело, кроме Короля, лежавшего в одиночестве со своим средним ухом,

ГЛАВА VI

В декабре началась война и за Финским заливом. Московский король больше не принимал финского короля, а тот, в свою очередь, объявил всему миру, что поступиться своими интересами он не может. Он, финский король, такого мнения: пусти русского к себе, он — винтовка в одной руке, листовка в другой — тут же станет агитировать. Такое они в Финляндии уже видали, а к чему приводит советская агитация — всем известно, кто не забыл участи русского царя.

Сведения о событиях в мире доносились из кухни до Короля отчетливо, поскольку сидевшие вокруг «Филлипса» звениноговские аналитики говорили громко. Они перечисляли по очереди потери сторон: финны уничтожили столько-то дивизий русских, столько-то сбили самолетов, столько-то сот танков затонули в покрытых льдами озерах, уничтожены среди скал. По всему выходило, что Советам на линии Маннергейма приходи-

лось трудно, и неудивительно: танки к скалам мало приспособлены, хоть тысячами их гони, что товарищ Сталин якобы и приказал сделать. А самому товарищу Сталину стукнуло уже шестьдесят, и Королю было трудно себе представить, чтобы человек мог быть таким старым.

Звениноговские аналитики несколько вечеров посвятили взволновавшему их умы вопросу, зачем поехал Лайдонер, наш главнокомандующий вооруженными силами, в такое время в Москву? Что ему там понадобилось? В Москве его принимали с музыкой, он со Сталиным под ручку парад принимал. Загадочно. Когда же он возвратился, ему вслед Молотов телеграмму послал: он, Молотов, так рад, так счастлив, что Лайдонер благополучно домой добрался.

А Лайдонер выступил по радио и сказал, что в Москве от него ничего не хотели, ну ровно ничегошеньки. Накормили, конечно. Разумными советами снабдили: рекомендовали укреплять республиканские границы хорошенечко, предложили помощь в этом деле, поскольку у России всякого-разного много и народа сколько угодно.

Потом говорили, что в Финском заливе потопили тот самый «Кассари», который Король видел в порту, когда «Кассари» перевозил на немецкий пароход «Адлер» переселенцев.

Сначала «Кассари» обстреляла из пушки подводная лодка. Около полусотни снарядов просверлили обшивку старого корабля, стреляли также из пулемета, чтобы помешать команде перебраться в спасательную шлюпку. Затем «Кассари» стал уходить под воду. До последнего был виден флаг тонущего судна — сине-черно-белые цвета. Чья была подлодка, так никто и не мог сказать.

«Небо и земля найдут свою гибель, а слово мое никогда» — так сказал Христос...

И этой фразой, произнесенной якобы Христом, Ангелочек, пришедшая проведать больного Короля, дала понять: нет причин для беспокойства, ибо слово Христа остается. И что из того, если его некому услышать...

Из чего состоит воспаление среднего уха? Из градусника, «Филипса» на кухне, розового языка Вилки, горьких лекарств и горячих компрессов. Но это еще не все...

Всю зиму Король был избавлен от школьной каторги, но радоваться не мог: болело ухо, и это, надо сказать, тоже не Африка. В связи с этим, глядя из-под одеяла одним глазом на тихо падающие снежинки за окном, Король подумал с грустью: почему так не справедливо получается, если что-то хорошо, одновременно с этим что-то плохо? Почему не так, чтобы и в школу не ходить, и ухо чтобы не болело?

Сороковой год, по сути дела, ворвался в дом Убольшойдороги старым безрогим бараном, которого Антс с Ару и Эймар с Ребра обрядили Дедом Морозом, привязав ему бороду из пакли и повесив на шею мешок с пряниками. Когда на Рождество постучали и открылась дверь, вошел упирающийся «Дед Мороз», он не хотел входить; оказавшись же в комнате, где жила семья Короля, устремился к елке, чтобы пощипать зеленые ветки,— баран есть баран. Было весело. Когда барана вытолкали (а то елку сожрет) и повели домой, все звениноговские ребята шли за ним, горланя рождественские песни: «Мчались сани и розвальни...»

После Нового года министр внутренних дел, выступая по радио, сказал: «Хотя наша страна благодаря разумному руководству президента, избежала прямого участия в военных делах, но все же организовать в городах и селах светомаскировку нужно».

В городе Журавлей двумя минутами молчания

почтили память павших в Освободительной войне в восемнадцатом году. Все находившиеся на улицах граждане, в том числе и советские военнослужащие, как в одиночку, так и построенные в колонны, стояли недвижимо, сняв шапки, пока не закончили звонить церковные колокола. Школьники возложили венки к памятнику солдата у магазина детских игрушек и спели гимн.

Король лежал, ему было скучно, хотелось на волю — на улицу, но в эту зиму лютовали сильнейшие морозы, по «Филипсу» передавали, что в Финляндии местами мороз достигал минус пятьдесят два градуса.

— На Сырве,— сказал Алфред однажды, приехав из города,— колодцы замерзли до дна, а мы пока еще с водой. Хотя как дальше будет...

Ангелочек, часто посещавшая дом Убольшойдороги исключительно из-за болезни Короля, сказала:

— Зато бог снега вдоволь дал, не ленись топи — и будет воды сколько хочешь.

— Что это за вода,— вздохнула Ида.— Много ли из снега вытопишь?

— Из ста литров снега ровно десять литров воды,— доложил Манчи, заезжавший проездом за Ангелочком, чтобы довезти до дома. Манчи, конечно, схитрил: такое внимание с его стороны было вызвано желанием избежать взбучки за пропажу сена. Ведь он поехал за сеном в лес Смоласпуска, но забыл прихватить веревку, и на обратном пути воз-то на скверной дороге и опрокинулся. Манчи не оставалось ничего другого, как вскочить в розвальни и погнать Серую домой. Взяв веревки, он вернулся за сеном, но убедился, что ветер тоже не дремал...

— Что-то тут не так,— не поверила Ангелочек; сморщив в раздумье лоб, она выразила сомнение: — Уж не продал ли кому-нибудь...

— А все из-за снега,— отмахнулся Манчи.— Твой

бог его уж чересчур отвалил. От Сухого Места омнибус не может до города добраться.

Алфред и Хелли в это время совещались по важному вопросу: им необходимо было решить, менять ли Алфреду или не менять своего имени. Дело в том, что через этот же очень важный в жизни людей «Филипс» руководство страны — Король не может сказать, кто конкретно, — обратилось к населению с призывом менять чужие имена на эстонские, также и фамилии — в честь годовщины образования республики. И многие сознательные граждане и гражданки поспешили этому призыву последовать. Так, какая-нибудь Соломия стала Салме, а Ефимия — Елви, Аманда — Анни и т. д. Алфред сказал, что все это очень даже хорошо, если душе хочется разнообразия, но он все же хотел бы остаться Алфредом. У него для этого имелись два объяснения: во-первых, если Соломия на каком-то языке означает пусть хоть таракашку или замарашку, это имя все-таки имеет какое-то значение; если Ефимия на древнегреческом Благопристойная, Елви же и Салме ничего не означают. Анни — тоже не чисто эстонское, а все равно что немецкое Анна, имя, которое, возможно, даже и не является немецким, а черт знает откуда... А взять имена русские или какие-нибудь другие, все они неизвестно каких корней, потому что большинство русских имен состоят из древнегреческих, византийских и других; то же самое с эстонскими именами: почему надо считать Юри эстонским, если русские считают, что Юрий — имя русское? А потом он уважает свою мать, которая родила его, как и его девятерых сестер и братьев, давала им имена, его же Алфредом назвала, что на древнегерманском означает Осмотрительный. Это имя нравилось Ангелочку, она его любила. Как же теперь он станет кем-то другим? И кем?

Хелли не возражала, чтобы Алфред остался Алфредом, она лишь вскользь заметила, что ее имя тоже

никакого конкретного значения не имеет, но она довольна, ведь звучно же: Х-е-л-л-и. А что оно означает — неважно. Но можно считать Нежная, да и бог с ним, со значением. По ее мнению, имя без значения тоже приобретает значение, если его носит хороший человек. А разве она плохая?

Нет, Алфред не стал ничего говорить. Он нежно погладил ее по волосам.

Потом этот вопрос был обсужден всенародно на Сааре, и Мелинда заявила, что если заставят, то она возьмет себе имя Мерилин, но возиться не имеет смысла, а вот Хуго... Да, она бы хотела, чтобы Хуго взял себе имя Хугх-Уильямс.

Все были в недоумении — и Манчи, и Ангелочек, и Алфред, и Сесси и даже Юхан, которого мало что удивляло.

— Это имя спасет от смерти, — объяснила свое желание Мелинда. — Я сама читала в журнале. Когда в тысяча шестьсот шестьдесят четвертом году затонул английский парусник, из восьмидесяти четырех пассажиров спасся один, и это был Хугх Уильямс. У острова Мэн из шестидесяти человек команды шхуны спасся один, и его звали Хугх Уильямс. В тысяча восемьсот двадцатом на Темзе столкнулись два корабля, из двадцати пяти пассажиров спасся один ребенок по имени Хугх Уильямс, а когда в том же году потонул английский сухогруз, то удалось выплыть только двоим из команды: то были Хугх Уильямс-старший и Хугх Уильямс-младший, дядя и племянник.

— Наш Хуго не моряк, ему не суждено утонуть, — отметил Юхан равнодушно. — А помереть и под грузовиком можно, даже когда ты... Уильямс.

Мороз в январе прямо озверел — в Печоре сорок шесть градусов. Вороны камнем падали с деревьев. На финском фронте, говорят, местами до пятидесяти семи градусов доходило. Как же тут воевать? От мороза

все настолько ошалели, что стоявшие на рейде русские военные корабли за здорово живешь бабахнули из пушек по Главному городу, и три снаряда взорвались на улицах. Правительство передало протест советским войскам, а в стране пошли слухи: русские идут, то есть они уже здесь, на островах, а теперь все зашевелились: Россия будет оккупировать балтийские страны.

Тем не менее большой паники не было, а те два паренька, которых сняли с парохода «Эстония» — извлекли из трюма, — они просто хотели тайком до Африки добраться.

На финской же войне стало ясно, что финнам нужно отступить, не хватает боеприпасов, почти целиком сгорел Выборг. Финны стали умолять, чтобы помогали, а кто поможет в такой мороз? Сто финских солдат замерзли насмерть, будучи чрезмерно усталыми.

Англичане, конечно, сочувствовали и говорили, что они в общем-то не против помочь, но.. холодно очень. Да и Норвегия и Швеция, хотя тоже финнам сильно сочувствовали, тем не менее не пропускали через свои территории английские войска, чтобы те могли выручить финнов. Правда, посылки с оружием присылали, посылки мороза не боялись.

А мороз... Действительно, от него все одурели, иначе как объяснишь, что те же русские военные корабли в порту Главного города открыли огонь по самолету, которому едва удалось спастись, и выяснилось, что он... советский.

А тут объявилась красавица в Швеции, советский министр, между прочим, и стала она в Стокгольме с финнами переговоры вести: нас, дескать, одиннадцать республик, итого сто семьдесят миллионов человек, мыслимо ли вам с нами сражаться? И то, что не удалось королю Москвы, Сталину, специалисту по финскому вопросу, удалось этой женщине, Это придало

женскому сословию более выгодное освещение, это признали мужики в деревне Звениного.

В результате что же сказал финский король? Он сказал: «Черт с вами...» Вернее, учитывая, что он говорил с женщиной, он сказал: «Так и быть, берите Карелию, раз вам так сильно хочется». А финнам он сказал, чтобы поскорее вывезли из Карелии все, что удастся, и сделали там основательную уборку. На поездах и автомобилях, на самолетах и на цеппелинах принялись финны вывозить имущество с тех территорий, которые пришлось уступить. Однако же в этой войне пали двадцать тысяч солдат, а с ранеными и пропавшими без вести пятьдесят восемь тысяч. Из Карелии было эвакуировано четыреста тысяч человек.

В русских газетах писали, что Финляндии дали урок. Газета «Известия» якобы напечатала большими буквами, что намечаются превосходные советско-финские взаимоотношения. Опять же коалиский старик по этому поводу сказал:

— Эх-хе-хее! Сначала дали друг другу по морде, теперь друзья...

Американцы у себя озирались: кому бы тоже дать урок, и слышен был призывный клич: вооружайтесь! Все везде вооружаются! Лучшая оборона — нападение! Лучшая защита от нападения — вооружение! Купите, берите, хватайте, кто сколько может, и бейте, стреляйте!

Тут такая начиналась карусель...

Не успели звениноговские аналитики волос отрастить для следующей стрижки, как немцы очутились в Дании, чтобы предложить защиту Норвегии. Король Норвегии удрал в Швецию. Осло немцы освободили от... норвежцев, и все страшно удивлялись готовности одних защищать других то тут, то там.

Первого апреля в газете «Наша Земля» появилось объявление о том, что в Закатном лесу приземлился

воздушный шар с пассажирами в корзине. Ими оказались китаец с косичкой и англичанин. Шар застрял в соснах. Он якобы прилетел из Варшавы.

Горожане, конечно, поспешили в лес посмотреть на такую диковину. Шара не нашли. А второго апреля в газете написали, что шар невозможно найти, потому что его и не было вовсе, и дурак тот, кто чему-то верит первого апреля.

Таким образом, можно было, наконец, сказать, что конфликтная ситуация между Советами и Финляндией была исчерпана. А в день смерти Ленина «Правда» подчеркивала, что советская внешняя политика проявляет уважение по отношению к независимым малым пограничным государствам. Не случайно СССР открыл, по словам В. И. Ленина, «окно» в Европу, подписав договор о мирном сосуществовании с Эстонией, после чего последовали такие же договоры с другими балтийскими государствами. С тех пор прошло двадцать лет, и теперь особенно ясно, как далеко предвидел Ленин. По ленинскому пути идет сегодня также сталинская внешняя политика. Лучшее этому доказательство — договоры о взаимной помощи с Эстонией, Латвией и Литвой. А теперь и с Финляндией вопрос решен, благополучно для обеих сторон.

Последнюю точку в этой войне поставил сильный взрыв в море недалеко от Кихелконна, во льдах разорвалась мина.

Мир между финнами и Советами никакого отношения не имел к Пылтсамаа — району на Большой земле. Но две тысячи двести женщин подписали петицию с требованиями запретить продажу водки, в крайнем случае они предлагали продавать ее по карточкам. «Мы тоже хотим мира!» — говорили они.

А Манчи однажды приехал из города, куда отвозил зерно на мельницу, и рассказал, что в Журавлях, в «Доме эстонского общества», проходило соревнова-

ние ораторов, что выступали молодые парни и женщины, произносили речи об искусстве, по общественным проблемам республики и о разном другом, причем победили женщины, что и неудивительно: женщины всегда отличались скользкими языками.

На что рассчитывал Манчи, стремясь этой новостью отвлечь внимание Ангелочка от того факта, что на мельницу он утром отправился на Серой, которая недавно отпраздновала свое «семидесятипятiletие», то есть лошадиных двадцать пять, а обратно из города прикатил на Пегой, семнадцати человеческих лет, то есть десяти лошадиных... Как такое могло произойти?

Примерно в тот же час в другом месте, довольно далеко от Звенинога, другого мужика допытывала грозная жена: как могло случиться, что тот утром отбыл на мельницу с Пегой лошадью, а обратно пришел пешком — где лошадь с розвальнями?

Да, Манчи все-таки на Пегой да молодой приехал, хотя и Серую потерял, тот же пешком чапал целых двадцать пять километров в надежде догнать свою лошадь. Он добрался до дома и пришел в недоумение — как же так? В городе он привязал ее к столбу и вошел в аптеку. Когда вышел, лошади не было. Подумав, что лошадь отвязалась и отправилась домой — такое случается, он пошел догонять.

А во дворе мельницы поздно вечером, понуро опустив голову, одиноко стояла старая Серая, никому не нужная лошадь, которую наконец забрали в полицию.

— Ты, может, заболел чем-нибудь? — спросил Хуго у брата. — Ты лекарство какое-то принимал?

Хуго не добрался до истины, зато Мелинда, принявшись к Манчи, авторитетно заявила:

— Он эфир выпил!

Мелинда была права. Никто, однако, не мог

объяснить, зачем Манчи, такому молодому и здоровому, принимать внутрь то, чем другие растирают суставы от ревматизма. Манчи плюнул, не будет он отвечать на дурацкие вопросы, и ушел на хутор Ребро к другу Эйнару. Искать саарескую Серую на другой день поехал Хуго с чужой лошастью. В полиции — как же иначе! — он заплатил штраф, после чего лошади поменялись местами. Хуго же в полиции советовали не заливать глаза до такой степени, чтобы не различить серое от пегого.

А в лесу Смолоспуска жители хутора Ару наблюдали таинственное видение: поздно вечером глубоко в лесу горел огонь. Отец Антса пошел на свет посмотреть, увидел костер, около него лицом к северу стоял седой старик и что-то вращал в руках, но что это было — не разобрать. Отец Антса побоялся подойти ближе. Утром соседи это место обследовали, но на снегу не оказалось никаких следов: ни костра, ни чьего-либо пребывания в лесу ночью. Говорят, и раньше такое наблюдалось, но объяснения этому не находили.

Королю давно надоело лежать. Вилка, конечно, его навещала, забыв обиду. И Элмар. Сперва часто ходил, рассказывал про школьные дела: как в классе, как на брюкваозерском льду катались и провалились. Но надоело ему, все реже приходил. Весна — это весна, что тут скажешь.

Наконец, Королю разрешили выходить во двор на полчаса, на час. Как же здорово вдыхать чистейший, вкуснейший, словно выстиранный воздух, оказаться после долгого заточения в мире красок и света! Как сверкает снег! Как по-особенному выглядят березы!.. Снега еще много, толщина снежного покрова во дворе с метр, целые горы. Да, выздоравливать — это великолепно! Чтобы чаще выздоравливать, надо часто болеть — жаль. Вот если бы можно было только выздоро-
равливать!..

Когда снег растаял и образовались лужи, настало время мастерить ходули. У Короля до этого еще никогда не было собственных ходулей. В Главном городе у всех ребят были, и Король тоже несколько раз мастерил себе такие, но каждый раз Хелли Мартенс их ломала, говоря, что уж лучше она сломает ходули, чем Король свои ноги. Он теперь мастерил себе ходули в сарае, но ходить на них было плохо: ходули глубоко вонзались в сырую землю, так что действительно нос или ногу сломать можно было. Сломать ногу ему не удалось: пришел Элмар и позвал к себе. Родители Элмара простые, приветливые люди, почти не обращали на Короля внимания, вроде и не замечали, что у них дома торчит чужой зеленоглазый паренек. Король привык к ним и со временем стал бывать запросто.

А опыт жизни у Короля все прибавлялся: он обратил внимание, что зима приближается почти всегда незаметно. Ты живешь, бегаешь, везде травка, тепло, и вдруг становится холодно, но природа вокруг еще зеленая. Потом как-то сразу пожелтели листья и стали опадать, похолодало, и вот уже снежинки...

Лето заметно Королю издалека: снег сошел, появились почки, побежали веселые ручейки, прилетают скворцы, вот и ласточки, вот и травка — лето! Оно уже есть. А почему оно так быстро проходит, этого он объяснить не мог. Расспрашивать же не любил.

Лето сорокового года наступило внезапно, оно было жарким и красочным. Где только не бегали Король, Элмар, Вилка, Пальми — красивая девочка с хутора Спинагоры. Все тропинки в лесах Смоласпуска они обошли. Сколько здесь земляники! Ложись и ешь. Столько лесной земляники он еще никогда не видел в своей жизни. Они нашли большую поляну и стали собирать ягоды, а тут вынырни откуда-то Элмар и позвал в другое место, где ее еще больше.

— Еще здесь не собрали! — протестует Пальми.

— Что тут собирать! — орет Элмар.— Пошли туда, там такое!

И все бегут «туда». Потом в другое место и черт знает куда еще. Трава медово пахнет, жужжание диких пчел в кроне дерева сливается с песнями жаворонков и звоном колокольчиков, слышных тут и там на опушке леса, где тихо, отгоняя хвостами слепней, пасутся коровы. Зной. Кукушки. Гром предвещает о приближении ливня, который, оросив лес Смоласпуска, как пришел, так и ушел, и опять зной — жизнь продолжалась. Те же запахи и звуки. Хорошо Королю! До чего же хорошо, когда так вкусно все в природе, когда покрытые мохом камни и те словно говорят: смотри, Король, какая красота, как здорово иметь такую зелено-коричневую шубу!

Когда Король возвращался вечером домой, Хелли Мартенс, которая, почти не вставая, сидела за своей зингеровской машинкой и строчила передники или платье деревенским женщинам, всегда восклицала удивленно:

— Та-ак, ты, значит, существуешь еще?! Наверно, проголодался?

Хотя он целый день только и делал, что ел что-нибудь, но конечно же есть хотел. И отвечал:

— Да, мама!

Изредка он говорил Хелли Мартенс «мама», ведь она и была его мамой, а именно поэтому она старалась иногда задержать его, приостановить стремительный беспрестанный бег, схватить, чтобы прижать, погладить, приласкать, а для чего же ей надо было столько шить, если не для того, чтобы на паях с Алфредом приобрести какой-нибудь пусть маленький, но все же приличный домик-дворец своему Королю-повелителю.

— Будем упаковываться,—скомандовал однажды Алфред, соскочив с велосипеда.

Не обращая внимания на умирающего от любопытства Короля, Алфред, наскоро переговорив с Хелли и Идой, вскочил опять на велосипед и умчался прочь. А через час прибыла Серая, на повозке восседал Иммануэль. Женщины торопливо упаковывали вещи, Алфред с Иммануэлем выносили и укладывали их на повозку. Когда все было собрано, забросили наверх Короля.

— Завтра пораньше выезжай,— сказал Алфред Хелли, которая осталась, чтобы выехать на другой день omnibusом. И поехали. Что же, Его Величеству не привыкать к подобным путешествиям поверх собственного имущества. Он сколько живет, только и делает, что переезжает с места на место.

Женщины махали им вслед, а Королю было жаль, что не успел распрощаться с Элмаром. Ему хотелось, чтобы и Вилка поехала с ними, дед Юхан посадил Вилку на цепь, чтобы не бегала бесконечно на Убольшойдороги, в конце концов, чья она все-таки собака?

Манчи и Алфред шагали рядом с повозкой и понукали лошадь, которая на это почти не реагировала, и подумал Король, глядя сверху, как Манчи усердно стегает кнутом Серую, что лошадью быть очень тяжело и несправедливо.

Их то и дело обгоняли грузовые автомобили. Серая, как только слышала шум мотора и видела автомобиль, начинала нервничать; когда же лошадь нервничает, ее тянет совсем не в ту сторону, куда надо человеку. Тут уж держись изо всех сил, чтобы не слететь с повозки. Серая пугалась и рвалась с дороги через канавы в лес, ее едва сдерживали.

Наконец их догнали другие лошади, впряженные в повозки военных. Стало легче. Некоторые русские повозки, обогнав их, шли впереди, другие остались сзади, и Серая теперь уже не так сильно пугалась: в обществе других лошадей ей было не так страшно.

Солдаты пытались заговорить с Алфредом и Манчи, которые пожимали плечами и смеялись, не понимая по-русски, хотя, по мнению Короля, смешного ничего не было. Солдаты тоже посмеялись в ответ, Королю опять подумалось: ага, интересно, оказывается, можно поговорить, смеясь. Люди смеются везде на одном языке — на языке смеха. Когда русские лошади ржали — Серая тоже, и Королю пришла мысль, что и лошади, наверное, везде на земле знают только один язык — лошадиный.

ГЛАВА VII

Русские, как писали газеты, всему миру объявили, что они войны не хотят, но и не боятся ее.

Американцы совершенствуют вооружение и создают действующую армию. Они полагают, что в результате войны в Европе могут пострадать их жизненные интересы.

Бельгийский король и его армия капитулировали перед немцами. Притом Леопольд III никаких привилегий для себя не просил, и ему назначили для жительства замок в Бельгии — временно, пока решат его судьбу.

В Люксембургском же гроссгерцогстве не оказалось ни единой пушки, не было даже возможности выпалить в честь дня рождения наследника престола. Правительство обратилось к Франции с просьбой одолжить на время пушку. Военный министр Франции Мажино прислал в Люксембург пушку, снаряды и артиллерийскую команду в составе одного офицера и двух солдат с условием: отпалив в честь дня рождения наследника, команду вернуть Франции, поскольку дарить артиллеристов министр не уполномочен.

Непонятно, почему эти канадцы объявили войну Италии?

А Италия, в свою очередь, Франции?

А немцы — Франции?

Жуткая неразбериха в этом мире.

Норвежский король вместе со своим правительством перебрался из Швеции в Англию.

Московское же правительство рассердилось на Литву: там стали пропадать русские солдаты и нижние офицерские чины. Дескать, ушли куда-то из части, а обратно не вернулись, и искать бесполезно; бывало, что солдаты находились, но они уже никогда не смогли рассказать, где провели время... Дело дошло до того, что в Москве потребовали отдать под суд литовского министра внутренних дел. Его сняли, но Москва не согласилась с кандидатурой назначенного взамен, считая, что он недостаточно компетентен. Литовцы намекнули, деликатно конечно, что они — литовцы, так что... Но тут войско Советов перешло границу Литвы для занятия более важных стратегических пунктов ввиду того, что немцы оказались в двадцати километрах от Парижа...

Из города Журавлей как будто еще вывозили немцев. В связи с этими слухами Алфреду поступали заказы на изготовление сундучков для обитателей дома престарелых: чемоданы и кофры в магазинах переселенцы давно все скупили, поэтому старичкам, которые сначала надеялись, что их не тронут, ни одного чемодана не досталось. Первое время, когда Алфред ходил по городу, он брал с собой и Короля, чтобы научить его ориентироваться в нем.

Дом для престарелых находился на улице Долгой и состоял из одноэтажных деревянных строений и пристроек. Здесь обитало тридцать четыре человека и четверо обслуживающих. У них своя баня, как заметил Король. Барышня-заведующая повела их в дом.

Самому старому здесь восемьдесят девять лет.

Король был потрясен, что такие еще ходят, что они живут да еще чем-то интересуются. На Рождество им подарили радио, но не «Филипс», а «Олимп». Алфред поинтересовался у сидевших в большой комнате на деревянных скамеечках старичков:

— Нравится?

— Интересная машина,— проговорил дрожащим голосом старый дед.

— Вы его не боитесь? — любопытно спросил Алфред.

— Нас к нему не подпускают,— объяснил дед,— барышня крутит пуговичку, а мы слушаем. Многим удивительно, как это человек там внутри помещается, то тонким, то грубым голосом говорит, то на музыке играет...

— Один как-то утром тихонько подкрался к ящику, чтобы посмотреть, как туда человек войдет,— рассказала заведующая.

И здесь старички тоже говорили про войну.

— Откуда вы знаете новости о войне? — спросил Алфред.

— По радио. Теперь только и говорят, сколько опять убито людей.— Старый человек сидит недвижимый, он свое отвоевал.

— Он или все время сидит, или лежит на спине,— объясняла заведующая.

Старик же продолжал свое рассуждение:

— А за что убивают? Были и в старину войны, но не такие страшные. Если бы самолетов не было, то было бы не так страшно. А тут — одна бомба кучу домов уничтожает.

Другой старик обращается к Алфреду с надеждой в голосе:

— Когда в документе записано «Эстония», тогда эстонец?

— Конечно,— успокаивает Алфред.

— В таком случае порядок, не должны меня брать, не повезут,— успокаивается старик.

В главной ставке Его Величества — в небесно-синем доме — самую большую комнату обставили полированной мебелью. Стало торжественно. Оказалось, Алфред успел все для этого приготовить в те долгие дни и вечера, когда Король болел, а Хелли его ждала, поминая недобрым словом: «Где его черти носят?» Как по волшебству появилась в квартире красивая мебель — все, что нужно для жизни.

Рядом с торжественной комнатой находилась спальня Хелли и Алфреда. Короля поселили изолированно от «обслуги», в комнате за кухней.

Советские войска тем временем, оказывается, пришли в Главный город. Марш прошел без инцидентов, тут и там арестовывали отдельных хулиганствующих молодчиков, пристававших в пьяном виде к военным. Правительство выразило надежду, что население отнесется к пришедшим доброжелательно.

А литовский президент и члены его кабинета тоже перешли... свою границу и ушли к немцам.

Советские войска вступили также в Латвию, и в газетах писали, что их везде встречал восторженный народ. Советы, однако, обвиняли руководителей балтийских государств в том, что они после заключения пактов с ними продолжали тайные махинации с другими.

Теперь Советы требовали, чтобы в балтийских странах образовались более благоразумные правительства, выбранные народом. Ульманис в Латвии, однако, объявил народу: «Я остаюсь на своем посту, а вы — на своем месте».

В Каунасе освободили более ста политических заключенных. А в городе Журавлей праздновали День независимости, словно все шло по-старому, при-

чем из-за этих золотарей нерадивых, а может, и не из-за них, но празднование намечалось в Закатном лесу.

Лето было жаркое, городское общество волновалось из-за того, что воздух отравляли дурно пахнувшие ящики, в которых возили нечистоты городских уборных. Золотарям положено было этим заниматься по ночам, но в нарушение существующего положения они и днем громыхали по улицам своими повозками; это было тем более возмутительно, что на остров понаехало гостей, по меньшей мере тысяча человек, на празднование Дня независимости.

Разговоры шли о новом правительстве — о чем же еще говорить, если не о самом значительном, тем более что три новых министра родом с острова!

Королю нравилось буквально все в его жизни, за исключением разве что кое-каких перспектив осенних...

Ему нравилось бегать из одной их квартиры в другую, затем в третью. Хелли Мартенс привезла из деревни занавески, зингеровскую машинку, «Филипс», и жизнь продолжалась по-новому, с некоторым даже размахом. Король делал круги по городу, заводил знакомства.

В скором времени из всех бегających по Закатной улице и рядом с ней короткоштаных личностей стали выделяться две: Валдур и Свен. Валдур небольшого роста, крепыш лет десяти, Свен повыше и на год старше. Короля интересовало, конечно, какого сословия родители его новых товарищей, но слово «аметник», то есть чиновник, ему ровно ничего не объяснило. Отец Свена, аметник, вроде бы служил в морском училище, преподавал, а где служили родители Валдура, тот и сам не знал, чем очень даже удивил Его Величество: не знать, где работает твой собственный отец!

Втроем они облазили Закатный лес и другой —

Сосновая Нога, состоявший, как понятно уже по названию, из сосен, также окрестности Птичьего залива, хотя здесь им не очень-то и нравилось: чрезмерно высокая трава, болотистые места. Но им понравилось ездить сюда на шламовозе старого Ранда, который из Птичьего залива возил шлам в грязелечебницу города. Это совсем другое дело, чем когда едешь сюда по железной дороге.

До Птичьего залива от города, от самой грязелечебницы, была построена узкоколейная железная дорога, рельсы ее порядком проржавели. Старый Ранд — никто из знакомых ничего более не мог сказать о шламовозике, который, естественно, был уже стар — разъезжал с шестью маленькими железными вагонетками красного цвета, тянула этот поезд рыжая кобыла. Она шагала мерно и не спеша, как саарская Серая. Ранд обычно клал на переднюю вагонетку доску, она ему служила сиденьем. Восседая на вагонетке, наблюдая рыжий хвост кобылы, раскачивающийся в такт шагов, Ранд лениво ее погонял. Вагонетки гремели и подпрыгивали на стыках рельс, а пассажиры устраивались обычно стоя на железной раме последней вагонетки — удовольствие великое.

Ранд относился к ним с терпением.

От грязелечебницы до Птичьего залива километра четыре. Залив не залив, а что-то наподобие болотного озера, окруженного лиственным мелкоколесьем, кустарником, попадались молодые ели, густая трава. Тучами летали комары.

Узкоколейка подходила к самому берегу, где из досок было сооружено нечто, напоминающее пристань. Здесь небольшая избушка с единственным разбитым малюсеньким и грязным окошком, выбитое стекло заменено куском фанеры, дверь всегда раскрыта настежь: кр-р-гр-гр... — скрипела она, встречая приезжих. Верно, надоело ей одиноко скрипеть в безлюдии.

К пристани привязаны три широкие лодки-плоскодонки, вместо весел в одной из них долгая жердь, на дне огромный, литров на пять, черпак на длинной ручке. Ранд забирается в лодку, отвязывает конец и, отталкиваясь жердью, движется к середине Птичьего залива, другие две лодки тянутся на буксире следом. Добравшись до нужного места, Ранд начинает черпать со дна грязь — это и есть шлам.

Ранд черпает шлам и выливает во вторую лодку до тех пор, пока она почти полна — почти, чтоб не затонула, затем, сманеврировав, ставит головную лодку рядом с третьей и также ее наполняет. Тогда он толкает свой водный транспорт к пристани, здесь начинает черпать шлам из лодок в вагонетки. Так туда-обратно трудится он до тех пор, пока наполнит все шесть вагонеток. Теперь он перезапрягает рыжую кобылу в тот конец, который был последним, перекладывает доску на вагонетку, ставшую первой, садится и, посвистывая, опять занокает: «Ны-ы! Ны-ы!» — аж до грязелечебницы.

А пассажиры...

Пока Ранд черпает в заливе шлам, пассажиры ищут гнезда чаек. Ведь интересное занятие! А гнезд здесь в траве на кочках и камнях навалом. И можно себе представить, как «нравится» чайкам такое поведение пассажиров, которые едут на кобыльем поезде совершенно бесплатно в том смысле, что неблагоприятно: садятся, не спросив разрешения, спрыгивают — не говорят спасибо, и за всю дорогу туда и обратно со стариком никто даже словом не обмолвится, словно он и кобыла — одно и то же, всего-навсего источник двигательной энергии.

Так можно себе представить, как эти высокомерные пассажиры нравятся чайкам... Об этом можно судить по их крику: гвалт такой, словно конец света настал... для яиц чаек.

Однажды Алфред взял Люксембургского Короля в море, в поход, когда он шел добывать угря.

Откуда взялась у Алфреда моторная лодка, Король о том не задумывался, для него не имело никакого значения, потому что в море его тянуло уже давно. Еще до этого он приходил на рыбацкую пристань и даже научился совершенно самостоятельно грести (один добрый рыбак, что-то чинивший в своей моторке, разрешил пользоваться его маленькой шлюпкой здесь же около пристани). Как же он этим гордился! А тут на моторке в море!

На буксире у них тоже тащилась маленькая лодочка. Шли они ловить угря на островок Птичье Кака. Неприличное название, это точно. Но островок так именно и назван, даже на географической карте написано четко: «Птичье Кака». Островок настолько мал, что если все птицы, летающие над морем, скажем, залетают сюда какать, то насколько же его хватит? Говорят, что сначала и островка не было — большой камень из воды торчал, и все. Но за сто лет птицы так его обкакали, что он со временем в островок превратился. Даже выросли три дерева, камней до черта, камыши кругом, доски, принесенные морем. Построили здесь хибарку для тех, кто идет сюда на ночь, чтобы утром рано «змея» промышлять.

Угря, собственно, Король и Алфред начали промышлять еще вечером. У Алфреда в моторке был ящик с линиями, крючков на восемьсот примерно. Оставив большую лодку на берегу в камышах, ящики с линиями вывозили в море на меньшей лодке, крючки то уже были наживлены, то есть на каждом была для угря приманка. Алфред заставил Короля грести, сам же, спустив плавучий якорь с флажком, начал запускать за борт линии. Они долго работали. А потом Алфред набрал чайкины яйца и сварил. Он учил Короля: если яйцо встанет в воде острием, значит, оно не го-

дится для варки, опустится на дно — самое оно и есть. Вари и ешь. Почему так, он не стал объяснять... на всякий случай. А то бы Его Величество сообразил, что в тех яйцах, которые острием встают, в них уже жизнь зародилась. Поди знай, какие ощущения и мысли такое знание могло вызвать у Его Величества. Алфред, хотя и был столяром, был неглупым человеком.

Тем не менее теперь яйца чаек страдали везде, где только попадались Королю. В этом кое-какое влияние могло оказать и суждение Карла, который по какой-то непонятной причине выказывал Королю полнейшее повиновение и даже готовность служить верноподданически.

— Чайки тоже, в сущности, хищники,— сказал он задумчиво, ковыряя свой длинный нос,— они сами никого не щадят, если кто им в клюв попадет, так что они едят — едят и их.

Из этого можно было заключить, что яйца чаек есть можно, которые же становятся в воде на острый конец, их выбрасывают как испорченные, потому что испорченные есть нельзя: живот может заболеть.

Вот почему, когда Ранд грузил свой шлам, в котором добропорядочные городские граждане будут валяться, чтобы избавиться от радикулита, вышеназванные пассажиры проверяли, встают ли чайкины яйца на острый конец или нет.

Когда же Ранд со своим поездом отправлялся в обратный путь, чайки успокаивались и начинали производить учет в своем яичном хозяйстве, а Король и его свита, стоя на вагонетках, следовали уже известным маршрутом — через лес Сосновая Нога и Закатный обратно в город Журавлей. Их поезд опять шел по Каменному мосту через реку Тори, сворачивал вправо и следовал по Садовой улице, где не было никаких садов, а было: с правой стороны камыши, с ле-

вой — заборы домов да дворов. Дальше поезд пересекал улицу Большую Портовую — право же, никто не мог бы никогда сказать, где и какой он из себя этот большой порт, и следовал, пересекая улицу Вильденберга, до самой грязелечебницы, где Ранд опрокидывал в деревянный бассейн вагонетки, опустошал их, вычищал. Последние процедуры высокочтимых пассажиров, как правило, не интересовали. Не прощаясь, они отправлялись по другим, более значительным делам.

Королю, например, очень нравилось по вечерам торчать на Каменном мосту через Тори-реку, когда шли коровы...

Город Журавлей — город в полном смысле слова, что не мешало пятой части горожан держать коров. Их в городе набиралось голов триста. По улице Закатной в сторону пастбища каждое утро двигались поодиночке и группами мычащие животные. Коровы выгонялись утром в шесть часов из дворов, их погоняли в сторону Закатной улицы, по пути их становилось все больше, и, когда они проходили мимо небесно-синего дома, Король в это время обычно еще спал, это было уже приличное рогатое войско. Миновав Каменный мост на Тори-реке, они попадали под власть городских пастухов: босоногой Лонни с ярко накрашенными губами и ногтями на пальцах ног, а также Антона — человека неопределенного возраста, флегматичного. А Лонни... Ее яркие ногти сильно выделялись на испачканных навозом ногах.

Работа этих местных ковбоев была нетрудная, поскольку инстинкт узнавания родного пастбища передавался коровами из поколения в поколение, усваивался с материнским молоком. Так что они направлялись на пастбище без принуждения, послушно, безропотно, лишь мычали, хотя и этого рано утром себе не позволяли, понимая, что они — не петухи и петить им

положено только вечером, когда так тяжело нести упругое вымя и наступает время дойки.

Возвращение с «работы», то бишь пастбища, этих благородных кормилиц происходило еще проще: Лонни Крашенные Пятки и Антон, открыв проволочные заграждения, попросту выгоняли их на дорогу, и они плелись, поднимая тучи дорожной пыли, обратно в город.

Коровы знали дорогу к своим жилищам и самостоятельно приходили домой — коров встречали на Каменном мосту хозяйки.

Здесь, на реке Тори, коровам нравилось в жаркие дни купаться; они заходили в воду по брюхо, поднимая хвосты, и выражали свое удовольствие единственно доступным им образом — мычанием. Когда вечерний коровий поход завершался, по оставленным ими навозным блинам можно было легко отыскать какой-нибудь дом, в котором за небольшую плату могли продать теплое парное молоко.

Вот это-то возвращение коров и нравилось наблюдать Его Величеству. Он не понимал, что его в этом привлекало, но возвращение разномастных коров, их купание в реке, встречающие — все это, вместе взятое, было ему необъяснимо дорого, казалось мирным, красивым. Речка, освещенная вечерним солнцем, казалась синей, дома залиты пурпуром, зеленые заборы и листва деревьев контрастно подчеркивали яркие, окрашенные в коричневые и красные цвета железные крыши домов. Даже гремевшие через мост время от времени тяжелые армейские повозки не могли нарушить тишину и очарование этой идиллической картины, завораживающей юного Люксембургского Короля.

Но армейские повозки тем временем все шли через Каменный мост в направлении Закатного леса, а куда они девались там, Король представления не имел. Из

разговоров взрослых он, правда, узнал, что идет все это марсианское войско куда-то на базы, а вот что это такое — база?

На базы не на базы, но и в городе было довольно много людей в зеленых мундирах и фуражках с красными околышками.

В парке проходили митинги, произносили речи, в том числе и русские в военной форме, кричали «ура!». В деревнях тоже выступали инструкторы, собирали какие-то взносы по несколько сентов с носу на неизвестно какие нужды; потом в газете предупредили, чтобы люди не всяким инструкторам верили, некоторые — самозванцы и деньги суют себе в карман. На митингах в парке люди кричали громкими голосами, что необходимо честно держаться договора о взаимопомощи с СССР и образовать в стране новое правительство, потому что французская армия полностью капитулировала перед немцами, причем пятьсот тысяч французов попали в плен, а советские войска освободили Молдавию.

В курзале выставили большой портрет Сталина и кричали «ура!», ораторы призывали послать Сталину телеграмму приветствия. Над подъездом грязелечебницы прикрепили транспарант из красной ткани, белыми большими буквами на нем было написано: «Вперед в лучах сталинского солнца в счастливое будущее в единой семье советского народа!» По радио выступил министр внутренних дел, сказал, что в стране нет оккупации, что Красная Армия здесь для защиты наших границ, поскольку судьба Бельгии, Голландии, Дании и Норвегии показала, что малые страны не в состоянии защитить себя в военном плане. А другой министр информировал, что отныне в военных частях республики будет введена должность политрука.

Альфред теперь слушал «Филипс» и обсуждал происходящее в мире с Тайдеманом. Это именно он, Тай-

деман, сыронизировал в адрес постоянства политических привязанностей и клясть в дружбе:

— Вчерашние союзники — сегодня едят друг друга.

Это в адрес англичан, которые потребовали сдачи им больших французских кораблей или же чтобы французы их потопили. А когда французы не согласились, то пошло-поехало: расстреляли «Дюнкерк» и «Прованс» из пушек. А по приказу министра внутренних дел за болтовню наказали штрафом в три тысячи крон семерых граждан Главного города, других болтунов заключили на девяносто дней в тюрьму.

В городе Журавлей местами отключили электричество, а на двери ратуши вывесили приказ, который позже был напечатан и в газете «Наша Земля», чтобы все велосипеды в городе были обязательно зарегистрированы, а для выхода в море рыбакам необходимо иметь пропуск, в котором должно быть указано расстояние, на которое им разрешено удаляться в море. Отныне рыбацкие пристани будут охраняться военными служащими.

Короля во всей этой неразберихе огорчало то обстоятельство, что «Дневная газета», которая обычно состояла из двенадцати полос, сократилась до шести и больше не печатали комиксов про Фантомаса. Основным содержанием оставшихся шести полос стали большие портреты вождей Советского Союза, а портрет Сталина помещался во всех газетах ежедневно. На улицах, прикрепленные к стенам зданий, вывешивались портреты Сталина, Ленина, Маркса и Энгельса. Но и портреты Гитлера печатались, как союзника Советов.

А над городом Журавлей ежедневно кружились в небе «храбрые сталинские орлы» — маленькие тупоносые самолеты, за которыми Король, Валдур и Свен наблюдали с Каменного моста.

В доме на углу Большой Портовой и Закатной жизнь кипела в напряженном трудовом ритме: в столярной мастерской, которую справедливо можно было назвать мебельным цехом, Алфред принимал заказы и демонстрировал свои образцы, стругал, пилил, красил, полировал, свистел, пел, играл на аккордеоне самому себе, на гитаре — тому, кому сделал гитару, на мандолине — тому, кому изготовил мандолину. Заказывали мебель и разное другое гражданские и военные. Военные, само собой разумеется, русские офицеры. Особенно много заказывал Алфреду офицер, которого Хелли называла господин Чуть-Чуть. Он-то сам говорил, что не господин вовсе, а называть его следует селтсимеез, то есть товарищ. Но Алфред не был офицером, в армии он дослужился до чина фельдфебеля, в гражданской жизни — столяр, поэтому считал, что не годится ему к майору обращаться как к равному. А между собой называли его Чуть-Чуть.

Этот длинный офицер, заказывая мебель, например столы, просил их делать чуть-чуть повыше, потому что сам он был длинный, и он показывал Алфреду рукою, на сколько именно нужно выше: «Чуть-чуть».

Чуть-Чуть заказывал Алфреду много мебели, любил много рассказывать и расспрашивать. Но когда люди говорят преимущественно руками, то есть разводят ими — дескать, не понимаю, то многого не расскажешь. Платил Чуть-Чуть не торгуясь. Тайдеман это объяснил тем, что:

— У него карбованцев... Им их мешками дают. А их карбованец ходит здесь наравне с нашей кроной, которая на самом деле стоит в десять раз дороже, вот они теперь на свои бумажки и хватают не разбираясь.

В прачечной-кухне рядом со столяркой кипела работа у Хелли Мартенс, в двух котлах кипятились солдатские портянки, рубашки и кальсоны, наволочки и простыни. Все это привозили солдаты на повозках,

запряженных лошадьми, или на маленьких грузовичках, а Король вертелся рядом, пытаясь наладить контакт с марсианами, и принимался к запахам бензина, кожи, махорки, навоза.

Все было ужасно интересно.

Король подружился с толстым солдатом, который часто привозил белье на маленьком грузовичке. Королю нравился и сам этот веселый солдат, и его машина. Имя солдата звучало для слуха Его Величества непривычно: Поликарп. Король сократил это трудное имя, произнося лишь вторую его часть, то есть Карп, что означало на употребляемом на острове языке вполне понятный предмет — коробку.

Он так и называл толстого солдата. Солдат не столько был толст, как широк.

Карп всегда радушно отзывался. Он так же, как Алфреду Чуть-Чуть, всегда много всякого-разного рассказывал Королю и тоже что-то показывал большими руками. На одной его руке, на тыльной стороне, Король заметил татуировку, но он тогда еще не знал, что такое татуировка: ему никто из советников такое явление еще не объяснил. На руке солдата была нарисована голая тетя с рыбьим хвостом. Король даже пытался выяснить, почему не смывается эта рыба, когда Карп моет руки, или он совсем их не моет?..

Хотя Король и слушал рассказы Карпа предельно заинтересованно, не понимал ничего, как и тот, в свою очередь, не понимал многого из того, что ему из своей жизни рассказывал Король. Но Карп Короля понимал больше, потому что прожил дольше.

У Карпа были синие веселые глаза, большой рот, широкий нос и толстые губы, светлые густые короткие волосы стояли торчком. Он был похож на негра, которого Король видел в журнале на чердаке хутора Сааре. Так что, подумал Король, если бы негр был белый, то был бы похож на Карпа.

Королю очень нравилось, когда Карп рассказывал ему то, что он не понимал,— нравилась речь Карпа, когда слова чередовались быстрыми шипящими или рокочущими звуками, которые то и дело прерывались громким раскатистым хохотом рассказчика. Карп смеялся так вкусно, так широко открывал большой рот, точно бегемот, что и Королю хотелось тоже рассмеяться. Король-то не понимал, чему смеется, но все равно. И они вместе заливались, как два колокола, один «бил» низким басом, другой тонко звенящим дискантом.

Королю нравилось общаться с Карпом и обращался он к нему:

— Мой белый Негр.

В этом и нет ничего удивительного, короли везде на земле всегда любили солдат. Любили они солдат каждый на свой лад, но в любом случае солдатам любовь королей ничего хорошего никогда не сулила, потому что короли любили и войну. Люксембургский Король войну любил, разумеется, лишь потому, что ее не знал. Он в том же журнале на чердаке с портретами русского царя и картинкой негра видел также картинку с солдатами где-то в атаке у Севастополя.

Он, конечно, знал, что солдаты — храбрые люди, совершают подвиги, а поскольку Король был абсолютно храбрым человеком, он должен был любить войну, так же и Свен с Валдуром — они обожали воевать. А чтобы воевать, необходимо иметь оружие. Этот факт сам по себе уже достаточная причина, почему в мире никогда не кончаются войны: чтобы воевать, нужно оружие, а, следовательно, тем, кто делает оружие, нужно, в свою очередь, чтобы воевали. Король, конечно, не ломал над этим вопросом голову, потому что ни один советник ему эту сторону войны не освещал. Пока же ему, как другим королям, было необходимо иметь оружие, а приличного оружия у него не было.

У Свена и Валдура были сабли и револьверы, купленные в магазине. Королю Алфред вместо револьвера, увы, купил в магазине... лобзики.

Король сам для себя изготовил кое-что, но выглядело это, конечно, несовершенно, даже немного убого, если по-честному. Поэтому-то и засмеялся от души Карп, когда в очередной раз привез белье и увидел Короля, расхаживающего с гордым видом со своим самодельным оружием. Карп не стал критиковать королевское вооружение. Он молча помог Хелли Мартенс внести тюки с бельем в кухню, помог ей также растопить котлы и завел речь о том, как, должно быть, нелегко одной выстирать столько белья — прокипятить, прополоскать, выкрутить, что это, в сущности, мужская работа. Но Хелли Мартенс понимала по-русски даже меньше, чем, скажем, Король, и уже хотела было побежать за соседкой, которая по-русски свободно говорила, поскольку они, соседи, родом с Украины, но в этом не было нужды: Карп, нашедший сухую доску, уже вырезал карманным ножом из нее что-то. Так Хелли и не удалось объяснить, как она приняла себе в помощницы за еду и плату младшую сестру Алфреда Сесси, а она, проработав недели две, сочла эту работу недостойной для себя, честной крестьянки, а воздух города Журавлей — вредным для здоровья.

А воздух действительно городской. Каждый согласится, что в городе, в котором пять тысяч населения, мясокомбинат, мельница, несколько магазинов, три автомобиля и два десятка лошадей, уйма собак и кошек, а можжевельный лес аж за два километра за чертой города... каждый согласится, что воздух этот не может сравниться с воздухом, скажем, деревни Звенинога. Опять же эти уборные и золотари... Даже Алфред уже через две недели после их переезда в город сказал однажды в конце недели Хелли:

— Надо отвезти ребенка на хутор подышать чи-

стым воздухом. Так что Сесси была права. На хуторе Сааре была ведь только одна уборная.

Но Карпа наверняка бы эта история не интересовала, к тому же он всецело поглощен работой. Он оказался великолепным резчиком по дереву и за какие-то полчаса вырезал из дощечки совершенно натуральную винтовку. Конечно, она была меньше, чем настоящая, но похожая на сто процентов. Король был восхищен. Он не стал мудрить над вопросом, причисляет ли вообще человеку его сана таскаться с обыкновенным винтарем — ни у кого же такой вещи и быть не могло! Даже Алфред, осмотрев поделку внимательно, повертев в руках, сказал:

— Умело.

Коротко. Король знал — это уже похвала.

Король жил. Сколько он себя помнил, никогда не было в его делах такого размаха: из одного дома — в другой, из другого — в третий.

ГЛАВА VIII

Постоянными клиентами Алфреда стали русские. Конечно, островитяне тоже заказывали у него мебель, но не так много. А Хелли Мартенс с утра до вечера витала в «облаках»... Крутилась в них, красная как рак, по вечерам же засиживалась за швейной машинкой, латала солдатские рубашки и чинила одежду Короля. И, нет, невеселая была эта замужняя жизнь для нее — дочери зажиточных родителей, владельцев богатого хутора на Большой земле в деревне Березы. Король еще не осмыслил причины трудностей в жизни своих взрослых подданных, они начались до его рождения, значит, так положено по законам жизни, которые Королю предстояло еще изучить. А в этом процессе его больше интересовал синий нос Жоржа Калитко из

коричневого дома по соседству. Королю очень даже интересно было узнать, почему старый Калитко пьет денатурат. Но когда подслушал, как Мария Калитко сказала Хелли, что ее старый денатурата нажрался и валяется трупом, он спросил у Тайдемана:

— Почему тот, кто ест денатурат, трупом валяется?

Тайдеман неопределенно хмыкнул и объяснил:

— Видишь ли... денатурат не едят, им примус заправляют, чтобы на нем по утрам яйца жарить. Денатурат горит, и он не еда. Денатурат — жидкость. Некоторые действительно пьют его, потому что он дешевый.

Это объяснение не было доходчивым — вода вообще ничего не стоит, осталось непонятным, почему тот, кто выпил денатурат, валяется трупом, а тот, кто пьет воду, не валяется. Король, как уже говорилось, не любил надоедать излишней любознательностью, предпочитал до всего доходить своим умом. Он установил, что тот, кто попивает денатурат, сразу же начинает шататься при ходьбе, и пришел к выводу, что Калитко Жора очень часто пьет денатурат и долго затем валяется трупом. А вот это последнее — как валяются трупом — ему никак не удавалось увидеть. Жорж Калитко всегда валялся трупом в своей комнате, куда никого не пускал. А когда он вдоволь навалется, то сразу уходит из дома и долго не показывается. Из разговоров же Марии Калитко и Хелли Мартенс Королю удалось составить такую картину: семья Калитко — Жорж, Мария, их дочь Бенита и сын Валентин — родом с Украины, Королю неизвестного государства, живут в городе Журавлей очень-очень давно, так давно, что Бените, здесь родившейся, уже восемнадцать исполнилось, а Валентину двадцать. Все в семье Калитко, кроме Жоржа, который пил денатурат, говорят одинаково хорошо и по-русски, и по-эстонски, правда,

Жорж говорит по-эстонски так, словно у него язык не гнется.

Чем занимались младшие Калитко, Король не установил. Ему это еще не нужно было. Мария Калитко, по мнению Его Величества, вообще ничем не занималась, потому что всегда бывала дома, разве что ходила по магазинам, а готовка еды и прочие домашние дела женщин Королем во внимание, как достойные значения занятия, не принимались. Жоржа Калитко называли художником. Король знал, что это значит: Калитко рисовал масляными красками картины и всегда ходил в испачканной красками одежде, а пахло от него смесью запахов краски и денатурата.

Ателье Жоржа Калитко находилось на Кривой улице в старом сером деревянном доме на первом этаже и состояло из двух комнат. Одна из них была заставлена картинами, которые стояли вдоль стен, прислоненные одна к другой, и сами стены были ими обвешаны. Король узнал об этом, встретив случайно на Кривой улице Калитко. Он обратил внимание на то, что тот уже шатается, и последовал за ним: ведь Король знал уже, когда люди шатаются, они очень невнимательны, не видят толком происходящего вокруг. Королю хотелось увидеть, как будет Калитко, раз он уже шатается, валяться где-нибудь трупом. Король знал из разговоров Марии, что Калитко способен валяться трупом где угодно, даже в дорожной канаве.

Но Калитко, хотя и шатаясь, добрался до серого двухэтажного дома, вошел во двор. Король за ним. Здесь он увидел веранду, к ней-то и направлялся Жорж Калитко. Был полдень, было очень жарко, на солнце градусов тридцать девять. Королю хотелось есть, однако любопытство сильнее голода.

Дверь веранды оказалась незапертой. Калитко вошел и стал на веранде перебирать холсты. Было хорошо видно, поскольку веранды, как правило, почти це-

ликом из стекла, как, переставив кое-какие холсты, покопавшись затем немного, Калитко снял один из них с рамы, свернул в трубочку, завернул в «Дневную газету» и вышел. Захлопнув дверь, он зашагал со двора. Король разочарованно потащился за ним, но в животе его так урчало, что он решил отказаться от дальнейших наблюдений. Но когда он разбежался и ударился большим пальцем босой ноги о камень, то запрыгал от боли на одной ноге, и тут его пронзила идея: он вспомнил, что Калитко дверь веранды оставил открытой...

Он смотрел на картины, и поначалу они не произвели на него впечатления. В следующей комнате окна были занавешены, картины растворялись в полумраке, но именно это и придавало им таинственность. В помещении было прохладно, в сравнении же с температурой на улице, где даже воробьи прятались в тень, раскрыв клювики от жары, здесь было холодно. А картины...

Эти страшные картины на стенах словно прибавляли холода, сырого, замогильного. Они были разного формата, изображали огромные подвалы с толстыми низкими серыми или черными колоннами. Прижавшись к стенам, стояли мужчины и женщины, на одних картинах они были в одеждах, над ними, словно приклеенные, висели летучие мыши, и вроде бы ничего страшного, но страх искажал лица этих людей, этот страх в их лицах делал картины жуткими, хотя Король не понимал, почему от них веяло жутью. Люди прижимались к стенам в огромном подвале, а посередине было пусто и темно... Король отчетливо это понимал — что «там» темно и страшно. На другой картине эти же люди, но уже голые, разрубленные, без рук, женщины — без груди, на их месте страшные раны и красные подтеки, и Король догадался: это кровь. Она разливалась по белым обнаженным телам

женщин, стекала на их ноги и на пол, а полы были не черными, как на первой картине, полы были, как стена в их ванной в Главном городе,— белыми квадратами.

Были и другие страшные картины. На одной — большое поле, рядами лежали мертвецы, в лохмотьях, с оголенными черепами, между ними стояли женщины на коленях — все с одинаковыми скорбными лицами и длинными седыми волосами. На одной большой картине был изображен Зеленый Зверь, похожий на крокодила, тигра и черта одновременно, под этим страшным лицом было написано: гехатипат. Король подумал, что это, наверное, имя этого крокодилотигрочерта, а что означает — Король не мог догадаться.

Во дворе было жарко, здесь, в комнате, царил замогильный холод. Маленького Короля сковало тревожное оцепенение, он стоял не дыша и смотрел. Тогда-то он и услышал звук: кр-р-р. Это дверь заскрипела, на пороге стоял Калитко.

Калитко был одет в старый коричневый костюм — жарко ли, дождливо ли, он ходил в этом же костюме. Под пиджаком белая рубашка с открытым воротником, на ногах пыльные истоптанные полуботинки. Лицо небрито, черные, с проседью волосы лохматились, черные глаза смотрели не мигая, эти глаза не были ни добрыми, ни злыми, просто черные. Лоб морщинистый, зубы мелкие и желтые. Лет за пятьдесят, а сколько — никто угадать бы не смог. Калитко смотрел на Короля без удивления. Затем спросил:

— Тебе нравятся картины?

От него шел резкий неприятный запах.

— Нравятся,— прошептал Король тихо. Он, в сущности, не испугался появления Калитко, ему и без того было страшно, от самих картин.

— Какая нравится? — спросил Калитко и подошел к той, на которой было написано гехатипат. Он здорово шатался, даже вроде еще больше, чем давеча. — Эта? — он указал рукою на гехатипата.

— Да,— прошептал Король,— гехатипат мне нравится.

Калитко басисто засмеялся:

— Ха-ха-ха! Геха...ха-ха...типат! Это по-эстонски читается гехатипат, дурачок, ха-ха-ха! А написано здесь русскими буквами денатурат, понимаешь? Ты русскую букву «у» за игрек принял, ха-ха-ха! Это есть портрет... Чей портрет, а?

— Крокодилотигрочерта,— прошептал Король непослушными губами, едва слышно, чем вызвал новый приступ смеха у художника.

— Это портрет денатурата, понимаешь? — сказал он и стал напевать какую-то мелодию через нос.

— Ага! — сказал он затем.— Ты домой беги, вот что.

Зевнув, он подтолкнул Короля к выходу, и тот, словно проснувшись, побежал.

Он побежал на свою Закатную улицу, а день уже не был таким жарким, потому что перевалило за полдень, близился вечер. Солнце уже миновало остров Лаямадала, приближаясь к Закатному лесу, и освещало все по-другому: дома и деревья выглядели иначе, чем утром, отражаясь в оконных стеклах и красных черепичных крышах, оно освещало листья деревьев странными бликами. Краски предвечернего времени обманчиво менялись, черный кот выглядел синим, потом серебристым. Но два стоящих рядом дома на улице Закатной, разделенные общим двором, по-прежнему были небесно-синим и кирпичного цвета. Они и построены были одинаково, с одинаковым количеством окон, комнат и дверей. Только в доме Калитко не было такой красивой мебели, какая стояла в доме Ко-

роля, потому что Калитко не умел делать мебель, он умел рисовать масляными красками. Калитко были бедны. Кормилась их семья главным образом добычей Валю — так звала сына Мария Калитко. Валю чинил и смолил рыбакам лодки и сам ходил в море за рыбой. А Бенита? Чем занималась эта светловолосая красивая девушка, того Король не знал. Бенита делилась своими заботами только со своей подругой — дочерью мамыши Коорема, которая жила в маленьком одиноком доме в лесу Закатном.

Миновав парадную дверь, обогнув угол дома, мимо дровяного сарая Король подошел к задней двери, которой пользовались ежедневно и те, кто жил внизу, — семья Алфреда, и те, кто жил наверху, то есть Тайдеман и Тайдеманиха. Здесь он вошел в кухню и был встречен запахом жареной картошки. На столе, однако, все было убрано, и это означало, что обед он прогулял. Из торжественной комнаты слышались голоса людей. За круглым столом сидели Алфред, Тайдеман и несколько мужчин, незнакомых Королю. Незнакомцы были одеты в нарядные костюмы, это, наверное, были заказчики. Они слушали «Филипс». Как ни трудно было Королю разобраться в вопросах, интересовавших взрослых, он тем не менее знал: теперь всех интересует война, то есть где воюют, кто и с кем, кто больше потерял живой силы (Король уже понимал, что «живая сила» — это люди), кто захватил больше чужой территории, кто, где и кого оккупировал.

Впрочем, еще один голос показался ему знакомым и принадлежал он доктору Килку.

— На каждом шагу изменения: служащие требуют добавки к зарплате. Волостные старосты тут и там подают в отставку. Префекты многих городов почему-то просят освободить их от занимаемых должностей. Приказом президента освобождают директоров и назначают других. Армию спасения закрыли. Мини-

стра юстиции президент освободил, обязанности министра юстиции выполняет министр сельского хозяйства... Наш городской голова в Журавлях подал в отставку... Денатурат в продаже только три раза в неделю...

— Водку временно не продают,— вклинился чей-то голос,— потому что ее употребление у нас стало рекордным: на каждого человека три литра алкоголя в год. Невиданно!

— По предложению правительства и президентскому декрету увольняющимся с должностей по собственному желанию выплачивается жалование за три месяца вперед.

— Причем по особому решению президента выборы в новый состав государственного совета и окончательное определение нового состава правительства назначены на четырнадцатое и пятнадцатое июня.

— Правительство шлет приветы Сталину и Молотову...

— В нашем городе одну голову сняли, другую поставили... Причем старая голова нашла нужным через газету пуститься в объяснения: дескать, я же не даром хлеб ела...

— А новая голова через эту же газету объявила спасибо за то, что ее на должность поставили.

— Сообщили, что со всех концов страны поступают известия о государственном займе для третьей сталинской пятилетки...

— А при чем здесь мы? Какая связь между Эстонией с президентом во главе и сталинскими пятилетками в России? Что, мы должны давать им взаймы?

— А выборы? Они же назначены президентом...

— На его же голову, он их в последний раз назначает, вот увидите.

Островитяне тем не менее тоже к выборам готовились. По этому поводу в центре города появился пла-

кат с таким текстом: «Эти люди, кто представляет союз трудящегося народа, не были замешаны ни в какой кампании шахер-махер. «Скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты»,— говорится в пословице. У всех этих людей честные друзья. В то время, когда многие большие и маленькие угри да льстецы старались делать карьеру, этих людей преследовали за то, что они посмели защищать интересы народа, и многие из них пребывали долго за тюремными решетками. Островитянин! Ты сумеешь отличить правильного от банкира и предпринимателя, да пятколизателя. Ты узнаешь того Угря, который жил в стремлении заслужить благодарность господ, и ты узнаешь того, кто стоит за твои интересы, ты выберешь правильного».

— ...Угря,— буркнул кто-то из читавших сие произведение плакатного искусства.

Хелли Мартенс не было. Она находилась, очевидно, среди котлов и пара. Некогда ей расслаживаться, она и в небесно-синий дом прибегает для того, чтобы лишь на скорую руку приготовить обед, и обратно в свою прачечную. Некому посочувствовать голодному аристократу. Можно, конечно, самостоятельно сунуться в духовку, но если увидит Алфред? А в доме установлен строгий порядок: завтракают, обедают, ужинают за семейным столом в одно и то же время, и если кого-нибудь нет — остается без еды. Излишне говорить, что этот «кто-нибудь»... был как раз Король. Только его одного и наказывали таким неблагоприятным образом.

Из торжественной комнаты вдруг раздаются удивительные звуки аккордеона, и Король живо открывает духовку, хватает котлеты и, пока Алфред играет гостям, жует торопливо, надо скорее смываться, а две котлеты это лучше, чем ничего.

Королю жилось весело, ему было все равно, сколько этих русских, много или мало. Он катался с сол-

датами на их телегах и обожал смотреть, как они идут в баню, строем, с песнями. Он крепко подружился с Карпом, который мастерил для Короля всевозможное оружие. Расплачивался Его Величество яблоками да грушами, которые воровали — Король, Валдур и Свен — в садах района Тори. Однажды Карп подарил Королю ежа. Неизвестно, где этот колючий господин ему попался. Ему пришлось совершить небольшое путешествие в сумке от противогАЗа, хотя, надо полагать, ему это не понравилось. Однако он вполне освоился под опрокинутым ящиком в ямке со столярными стружками.

Да, но время с каждым днем неумолимо приближалось к осени. Интуиция же подсказывала Его Величеству, что, если ему даже не купят нового костюма, если не подарят новый ранец, в школу идти все равно придется, поскольку Хелли Мартенс не забывала постоянно, по случаю и без случая, подчеркнуть, что надо жить как люди, иначе кто же из него вырастет... И ведь никто на это не возражал!.. Алфред сказал, правда, что время сложное, напряженное, в связи с чем могут быть изменения в структуре самой школы, и нет смысла вносить в разум ребенка путаницу. С его доводами Король молчаливо соглашался, Алфред рассуждал трезво.

Хелли же Мартенс сказала, что в любом нормальном государстве, идет ли в мире война или нет, дети ходят в школу, поэтому и Король должен пойти, ведь в конце концов когда же ему еще учиться, если не тогда, когда он маленький...

С ее соображениями Его Величество молчаливо не соглашался, молчаливо потому, что... был маленький.

Карла, который числился при дворе Его Величества в качестве главного советника, сказал так:

— Конечно, год туда, год сюда небольшая потеря, небольшой и выигрыш. Сколько ни учишь, дураком все равно умрешь. С другой стороны,— Карла мельком взглянул на Короля,— сколько бы ни было изменений структур в школе — что из этого? Знания-то ты приобретаешь. По одной структуре — одни, по другой — другие. Чем их больше, тем лучше. Это, конечно, так, но,— Король опять молчаливо встрепенулся в надежде на лучший исход,— но... время теперь действительно очень сложное, так что и не знаю, не знаю...

Карла не закончил свою мысль.

В то же время Король жил в надежде, что вдруг какое-нибудь экстраординарное событие все же его спасет. Кругом все только и делали, что говорили друг другу: «Такое сейчас сложное время...», «Поди знай, что будет завтра...». И Король надеялся, что завтра что-нибудь случится такое, что все они, может быть, опять куда-нибудь переедут и тогда... Поэтому он ко всему, что говорилось везде, осторожно прислушивался. Говорили же взрослые о многом, но все эти разговоры были не в его пользу.

А говорили о загадочных делах. Говорили шепотом, встревоженно, со страхом. Говорили...

Алфред говорил Хелли, когда та заходила, бывало, к нему в столярку.

Тайдеман говорил Алфреду, когда заходил к ним по вечерам на кухню в небесно-синий дом, постучав три раза в дверь.

Хелли Мартенс — Марии Калитко, с которой основательно подружилась. И неудивительно: соседка же, один двор на две семьи. Но главное даже не это — просто Мария Калитко была очень приветливой женщиной. Эта рано поседевшая женщина самому Королю тоже нравилась. Вообще, он должен был признать, что все в семье Калитко относились к нему, Королю, исключительно дружелюбно. Все люди в мире отно-

сились к нему исключительно приветливо, и этот факт утвердил его в понимании, что к королям иначе относиться никто и не должен.

Правда, приветливостью отличалось только взрослое население города Журавлей, сверстники же Короля... с ними все было по-другому. Взять хотя бы Эрика Мерило с улицы Моря... Даже трудно вспомнить, кто, когда и почему этого толстого, белобрысого и трусоватого мальчика прозвал Морским Козлом. Именно с ним, с этим Морским Козлом, который к морю не имел никакого отношения, у Короля были ожесточенные столкновения. Пришлось-таки Королю вспоминать уроки бокса нукиского Элмара, причем, на свою беду, Король загнал Козла в такое место, откуда тому невозможно было убежать, так что ему ничего другого ради спасения своей шкуры и не оставалось делать, как драться. А поскольку он оказался здоровее, то Королю прилично досталось. Здесь-то и узнал он на собственной шкуре одну из ранних, но вообще-то для всех важную мудрость: если хочешь, чтобы твой враг на тебя не бросился, оставь ему возможность этого избежать.

Да, Хелли Мартенс и Мария Калитко стали подругами в том понимании, в каком могут быть дружны две соседки, а Мария Калитко была действительно добрая, практичная, неболтливая и опытная во многих отношениях женщина. Она наверняка бы порассказала о себе, о своей жизни и о прошлом их семьи, если бы Хелли Мартенс проявила любопытство. Однако Хелли Мартенс любопытства не проявляла, хотя желание узнать что-то о семье Калитко у нее конечно же было. Она считала неприличным совать нос в чужие дела. Но поговорить о жизни, посоветоваться насчет засолки овощей или окраски анилиновой крас-

кой ткани — это другое дело. И разумеется, поболтать просто так...

Так что все говорили, а Король держал ухо востро.

— Говорят, исчез начальник морской школы, ушел утром на службу, но туда не дошел — пропал. Уже несколько дней его никто нигде не видел...

— А еще и госпожа Раунверс... тоже исчезла. Утром ушла в свой магазин, домой не вернулась... У нее муж-пекарь, две дочери...

— Аптекарь...

— Констебль...

— Исчезли?

— Пропали, домой не пришли. Люди ищут, но не знают, где искать.

Действительно, городишко-то маленький, если здесь пропадает человек бесследно и если он не один такой... Есть над чем ломать голову. Кого-то арестовали, но — кто арестовал? Что-то подозревают. Кто-то снялся и уехал из города всем семейством, оставив заколоченный дом, а Тайдеман говорит задумчиво, качая головой:

— Такое сложное время...

Все говорят, но не о том, что хотели бы услышать королевские уши. Да нет, не дожدهшься, никто не скажет, что школу отменили... Потому что школу, увы, не отменяли. А раз так, остальное Короля, в сущности, не касалось, тем более что он в этих исчезновениях и таинствах ничего не понимал. Да и взрослые... Они разве понимали?

Король жил, бегал из одной квартиры в другую, оттуда в третью, совершал походы на «поезде» старого Ранда, помогал Лонни Крашенные Пятки пасти коров, дрался с Морским Козлом и это последнее занятие ему даже начинало нравиться: со своими, Валдуром и Свенном, ему драться не хотелось, но чтобы совсем не драться — тоже нельзя было, а кого-нибудь

посильнее... Такие были, появлялись, хотя бы Арви — сын доктора Килка (трудно даже понять, как такой авторитетный человек, как доктор, который лечит людей, носит такую никчемную фамилию: Сверчок). Но с такими долговыми все-таки опасно, могут побить. С Козлом, хоть он и здоров, дело ясное: поскольку ты знаешь, что тот трус, значит, самый подходящий объект для тренировки. Ох и доставалось же бедному Козлу, а Король приобретал уже вполне приличную сноровку в драчном деле.

Собственно, никакой вражды Король к Морскому Козлу не испытывал, хотя над ним все смеялись, из-за его матери главным образом. Эта мамаша — жили они вдвоем — ходила всегда разодетая, как кинозвезда, и на очень высоких каблуках, она ярко красилась и имела обыкновение при ходьбе семенить мелкими шажками, высоко держать голову, отчего создавалось впечатление, будто она задирает нос. И вообще была она, с точки зрения уличных мальчишек, смехотища. А если у тебя мама смехотища и даже ноготь на мизинце отращивает, словно колдунья, то добра не жди. И Король лупцевал Козла в свое удовольствие. На всякий случай он впредь выбирал такие места, где у Морского Козла оставалась возможность дать тягу. Король не испытывал к нему вражды, поскольку Козел старался приобрести его расположение. Ради этого он приглашал Короля к себе домой в отсутствие мамы, чтобы накормить его чем-нибудь вкусным. Король снисходительно, но с удовольствием все съедал.

События в мире взрослых его мало интересовали, раз они не были связаны со школой.

Что после выборов опять стали свободно продавать алкоголь — ему до этого не было дела. Взрослые смеялись: старый трюк, уже видали. Вчера еще был

президент, раздавал приказы, освобождал со службы, через пару дней его самого по его просьбе освободили, и теперь вместо него Ворона, о ком никто не знает точно, кем он является: премьер-министром или президентом или тем и другим сразу. К тому же до Вороны некоторое время исполнял обязанности президента министр внутренних дел товарищ Волк, и поди тут разберись рядовой островной житель в этих больших назначениях.

Во всяком случае, в Тахкуранна — рыбацком поселке уже сняли с пьедестала памятник президенту.

Потом все заговорили о том, что Литва, Латвия и Эстония сообща решили объединиться с Советами, что народ на Большой земле этого затребовал, будучи в восторге от достижений Советов, что подали уже соответствующее прошение и ждут теперь ответа. Потом двадцать второго июля объявили, что страна стала шестнадцатой советской республикой. На заводах и фабриках появились комиссарские должности, в газете «Наша Земля» на первом месте должность комиссара, затем уже главного редактора и остальных.

«Наша Земля» напечатала о том, что в Главном городе восторженные толпы собрались на Ратушной площади и скандировали: «Да здравствует большой гений человечества, вождь народов товарищ Сталин!»

А температура воздуха в полдень достигала сорока трех градусов на солнце.

По декрету товарища Волка — министра внутренних дел учредили смертную казнь изменникам родины. Ими считались личности, которые, будучи посланы за границу, отказались вернуться. Их называли изменниками и объявили вне закона. Этому сопутствовало: конфискация имущества и, после установления личности изменника, расстрел в двадцать четыре часа. Родственников, если они помогали изменнику, заключали в тюрьму, а имущество конфисковывалось.

Приговор в данном вопросе определял особый суд, назначенный самим министром внутренних дел, исполняющим обязанности президента.

Вот какие происходили события, которые совершенно не беспокоили Короля Люксембургского.

Король жил. Дни становились короче и холоднее. Уже собрали с яблоневых деревьев плоды, лишь поздние сорта остались. Однажды, когда Карп в очередной раз приехал за бельем, он о чем-то долго пытался рассказать Королю, показывая куда-то вдаль рукою, но для Короля так и осталось загадкой, о чем ему говорил Карп. Дни стали короче, холоднее, и Карп уже не приходил. А затем Хелли Мартенс сказала, что пора приводить в порядок учебники. Что было делать Королю? Ни Алфред — у того вдоволь было дел в столярке, ни Тайдеман — никто Короля не защитил. И он стал приводить в боеготовность учебники, которые у Хелли все-таки сохранились, несмотря на такое сложное время.

Однако и господин Векшель, несмотря на сложное время, объявился. Да, он, по-видимому, чувствовал себя превосходно в сложное время, такой же аккуратный внешне, в своем строгом черном костюме и с тем же самым пухлым портфелем.

— Да, верно, — сказал он Алфреду, который был в это время дома; в шесть часов по распоряжению Алфреда в семье Короля обычно ужинали, — время действительно сложное... кстати, что вы лично об этом думаете? — Но поскольку тот ничего не сказал, закончил свою мысль: — Да, да, сложное время, но финансовые дела даже при самых сложных ситуациях требуется вести строго. — Он внимательно сверлил острыми глазами всех присутствующих, слегка улыбаясь. — Фирма в конечном счете, если она европей-

ская, остается в своих правах при любой ситуации, так что Зингер есть Зингер, тут уж ничего не поделаешь.

Алфред и не собирался возражать, он заплатил взносы за все, как положено, поскольку Зингер есть Зингер, а «Филипс» есть «Филипс», а Золинген есть Золинген, а Векшель есть Векшель.

Векшель оценивающе изучал обстановку в доме Алфреда.

— Превосходно,— похвалил он,— превосходно! Вы большой специалист, да, вы мастер, очень хороший мастер.

Алфред поблагодарил за такое признание, он и теперь не возражал, потому что мастер есть мастер, и это всякому видно.

ГЛАВА IX

Большое ожидание началось с того самого дня, когда Алфред привел его в школу. Здесь все было не так, как у Брюквализера, где больше простора и свободы. Но здесь также было шумно: визги, гвалт, беготня, что так не нравилось Его Величеству.

Алфред представил его художавому молодому человеку в очках.

— Обращаясь ко мне, надо сказать просто «учитель»,— объяснил очкарик для начала, затем спросил: — Тебе уже восемь?

Звучало это как-то осуждающе.

Король лишь кивнул молча, что да, восемь, что спрашивать?

Алфред сказал, что ему пора, что Король сам найдет дорогу домой, и поспешил удалиться. Очкарик повел Короля в класс, который тоже визжал и верещал, указал ему парту, за которой он должен отбывать свой срок.

— Намерен ли ты прилежно учиться? — осведомился он, и Король поспешил его заверить, что он намерен исключительно прилежно учиться. А что ему еще оставалось делать? Зазвенел звонок, и началось долгое, мучительное, терпеливое ожидание... лета.

Начались утренние ранние вставания и бесконечные споры с Хелли по поводу ушей — мытые они или кончик носа лишь в воде замочен... Но сколько же их можно мыть? Совсем чистыми все равно не станут, всякому нормальному человеку это должно быть ясно. Завтрак съедался без обсуждения: он знал, кроме тощего школьного обеда, до вечера не на что рассчитывать.

Дорога в школу была не сказать, чтобы интереснее, чем в деревне Звенинога, но и здесь можно задержаться и развлечься: когда в сточных канавах замерзает вода, можно прокатиться с разбега — здорово! А улиц от небесно-синего дома до школы наберется довольно: сначала Закатная, мимо дома Альберта, мимо столярки Алфреда, напротив — сооружение, в зимнее время весьма достойное внимания; здесь можно отвести душу после школы... айсберг! Складируется лед, который взрослые выпиливают в заливе большими кубиками; лед укладывается в четыре-пять рядов, и получается пирамида в форме квадрата. Снаружи айсберг окружен высокими дощатыми стенами, между ними и льдинами насыпаны опилки, ими же засыпан он сверху и хранится здесь до самого лета. А лед, естественно, нужен находящемуся по соседству рыбному складу.

Иметь поблизости от собственного дома айсберг — это величайшее дело! Чего здесь местные люди — имеются в виду способные оценить великолепие такого сооружения — не вытворяют! Сколько здесь можно отхватить царапин, синяков, разбитых колен и других ран — свидетельств славных дел и баталий! Конечно,

старшие к этим «свидетельствам» относятся не с должным пониманием, и вместе с пластырем на раны героям достается часто и хорошая порка. Но и старшие не могут не признать: хорошо, когда айсберг рядом с домом и не надо далеко искать того, кто не пришел вовремя к ужину.

Школа располагалась в другом конце города; если идти шагом нормального человека, то примерно минут тридцать — сорок хода. От айсберга дорога продолжалась мимо небольшого залива, проходила через древний парк, окружавший еще более древний средневековый замок.

Он хорошо просматривается издали, особенно с моря. Две башни с крышами из красной черепицы возвышаются над зелеными лиственными деревьями — старыми липами, каштанами, кленами, ясенями. Если обежать парк, километров шесть получится, поэтому, когдаходишь в него, замка не видно. В парке расположился старый курзал, вокруг него киоски, в которых продают печенье и летом мороженое.

Курзал не столь древен, как замок, — куда там! Замок, Король одним ухом подслушал, много раз взрывали, снова отстраивали, и стоит этот доломитный бастион уже много сотен лет. А курзал... Он, конечно, стар в том смысле, что дерево, из которого он построен, уже изъедено-проточено, расшатано, прогнило; дом двухэтажный, крысами облюбован, в нем ресторан с танцевальным залом. А на втором этаже комнаты, но кто в них живет — Королю неизвестно. В городе существует гостиница над рестораном «Искра», так там живут все, кто хочет, но здесь...

Перед курзалом большая площадка, которая кажется еще большей тому, кто сам еще мал. Старая-престарая, огромная и высокая липа на краю площадки среди других своих сородичей настолько выделяется, что рядом с этой толстенной ветвистой великаншей

даже большая площадка кажется лужайкой. На площадке часто собираются сотни горожан послушать хоровое пение со сцены-раковины. Теперь здесь часто проводятся митинги: агитаторы произносят речи, всегда полно русских летчиков. Из ресторана несутся звуки вальсов, местные барышни слетаются сюда, как пчелы к пустым лимонадным стаканам на прилавках киосков. Но барышни Королю неинтересны, другое дело лимонад.

Осенью да зимою в парке мало замечательного, ресторан закрыт, так как в нем отсутствует отопление, киоски тоже, а летчики теперь в ресторане «Искра», также и эти... И единственно белки не оставляют прохожего без внимания. Они в парке города Журавлей все равно как коровы на улицах городов Индии — священные, несмотря даже на свою исключительную наглость: прыгают с веток на прохожих, обыскивают их с тщательностью самых дотошных таможенников, лезут за воротник и даже, простите великодушно, в штаны... Так что лучше какой-нибудь выкуп в карманах все же носить в виде орехов или печенья. О да, эти-то древесные жители Королю очень даже нравились. Здесь тоже можно было задержаться по пути в школу. А рядом с парком как раз и расположилась грязелечебница, куда старый Ранд возил шлам. Чуть дальше от грязелечебницы, по тротуару, — улица Толли, где прервосходное заведение — кинотеатр. Хотя, конечно, когда все время показывают кино, которое детям до четырнадцати лет смотреть воспрещено, то плохо. Но даже сама перспектива проشمыгнуть внутрь, несмотря на все запреты, уже волнует непередаваемо. А больше на улице Толли и нет ничего интересного, всего лишь какой-то склад, на торце которого огромные буквы: Э. Т. Қ.

Дальше, за парком, дорога Короля в школу продолжалась по улице, названной в честь Главного горо-

да государства. Шагая по этой улице, он очень скоро оказывался в центре, где располагался магазин игрушек с занимательными витринами. Здесь можно было, конечно, таращиться на оловянных солдатиков и всякую всячину, но Король обычно себе этого не позволял, смысла нет: все равно его «солдатики» — столярные шурупы, смотри не смотри. Напротив же магазина игрушек, на перекрестке двух улиц, стоит высокий, на гранитном основании памятник воинам, павшим в войне за освобождение республики в тысяча девятьсот восемнадцатом году: бронзовая фигура солдата с саблей в руке. Красивый памятник. Король здесь часто стоял, пытаясь представить себя солдатом на войне с саблей наголо...

Памятника не стало?! Вместо него возникла клумба с цветами, то есть, когда было тепло, были цветы, а теперь, когда холодно, нет и цветов. Но почему же? Разве никто и не пал с саблей в руке?.. Королю объяснили, что бронзовый памятник поставлен потому, что солдаты сражались за свободу и умерли, а город Журавлей стал свободным. Теперь кто-то снял бронзового солдата, значит, ничего этого и не было? Станный он, этот мир взрослых.

Продолжая путь, минуя ратушу, он доходил до тюрьмы — очень даже интересное здание, со всех сторон закрытое, ниоткуда не заглянешь даже во двор. Окна в решетках, за ними редко увидишь даже полицейских. Но раз ничего не видно, надо повернуть на ту короткую улицу, которая и названа как-то очень уж неприятно: Школьная. Улица метров в пятьдесят, в конце ее — школа.

Сказать, что в школе уж совсем ничего не было интересного, — он не может. Уроки... Это неизбежность. И в дождь и в мороз. Уроки надо было отсиживать, вытерпеть; их надо было готовить дома — мука смертельная, когда Хелли Мартенс с тебя не спускает глаз,

когда Алфред заставляет бесконечно решать одну и ту же арифметическую задачу, которая каждый раз, проклятая, выходит по-разному, а Алфред кричит и требует, чтобы Король опять решал все заново.

Дождь, мороз — судьба.

Когда же, ну когда же будет лето?!

Самые невыносимые условия существования помогают вынести неприметные радости, каковые человек в состоянии открыть для себя, если у него есть чувство красоты, воображение и если он любит жизнь. Она сидела за передней партой с Марви Березовой. Марви была худенькая девочка с тонким удлиненным лицом, по обе стороны прямого носика смотрели зоркие серые глаза, украшенные пушистыми ресницами. Марви была мила, но Эльна... У Короля нет слов, чтобы рассказать-описать Эльну. У Марви волосы ниспадали на худенькие плечи каштановым каскадом — красиво, конечно, невероятно, но у Эльны...

Ее темные волосы были, в сущности, обыкновенные, и носила она прическу, о которой даже не скажешь, что это такое. Лицо круглое, нежное, глаза синие, а фигурка слегка как бы полновата — одним словом, была эта Эльна вся из себя кругленькая, но... Король ничего не мог понять, кроме одного,— что эта Эльна ему нравится.

Школа была единственным местом, где он мог ее видеть. На переменках он старался находиться вблизи нее, совершенно случайно и с независимым видом. Эльна и Марви были неразлучны, на переменках они чинно гуляли по коридору, как и большинство, все те, которые старались быть прилежными и получать пять по поведению.

У Короля пары не было, чинно гулять ему не хотелось, но пять по поведению, хоть умри, в квартальном табеле надо было обеспечить, учитывая вспыльчивый нрав Альфреда...

Эльна не замечала Короля. Ну а драки!.. Драться, чтобы привлечь в конце концов ее внимание, было просто необходимо. Это не означает, что Король, как только где-нибудь проходила Эльна, тут же кидался бить первого встречного, нет. Но если кто-то вроде Морского Козла в такой миг проявлял себя чересчур расторопным, тут-то и Король старался доказать, что бывают и более расторопные. В результате какой-нибудь вполне прилежный мальчик с плачем кидался в учительскую спасаться. Эльна... стала относиться к Его Величеству с подчеркнутым презрением из-за того, что он прославился на всю школу как забияка и скандалист — одним словом, плохой мальчик, о котором мамочки, как правило, говорят своим сыновьям: «С ним тебе ходить не следует».

Дело принимало скверный оборот. Как известно, в любой школе немало любителей подраться, причем не из-за какой-нибудь кругленькой красотишки, а из чисто спортивного интереса, чтобы установить окончательно: кто кого и за сколько секунд. А посему, когда о королевской персоне стали говорить, как о кулачном бойце, от которого все спасаются бегством, то это не могло не задеть тех, кто считал, что уж они-то ни от кого никогда не побегут. Причем считали это с полным правом, поскольку битыми они, может, и бывали, да, но чтобы бежать... такого о них никто сказать не мог. От Короля все бегут? Почему? Надо выяснить! И стали все любители подраться искать не мирной встречи с Королем, а чтобы выяснить отношения...

Конечно, старшеклассники тут ни при чем, у них между собой свои счеты и расчеты. Но до третьего класса, по меньшей мере, в народе королевские подвиги обсуждались. Вскоре августейшей особе стало здорово попадать. Оказалось, что со всеми он справиться не мог, среди драчунов нашлись экземпляры, превосходившие Его Величество, в результате чего он

довольно часто стал показываться своей Дульцинее с подбитым глазом. А синяки не спрячешь! А дома?.. Вдобавок к синякам на лице они у него появились еще и на заднице — что хорошего? Какая тут может быть любовь при таком положении дел?

Но любовь осталась жива! Настоящую Любовь не погасят никакие синяки, на каком бы месте они ни были! Разумеется, он старался избегать «случайных» встреч с Эльной, которая вместе с Марви над ним безжалостно посмеивалась.

Ему оставалось лишь мечтать. В мечтах ему представлялось, как он каким-то другим способом заставит о себе заговорить всю школу, так что не обратить на него внимания она просто не сможет. Например, он спрыгнет со второго этажа...

Можно, конечно, но если он ломает ногу?

А если взобраться на тридцатиметровую трубу? Да, но сколько можно на ней просидеть? Ведь не предупредишь же ее, что собираешься лезть на трубу...

По вечерам он ходил к школе, когда, бывало, и у Хелли и у Алфреда было много работы и они отсутствовали до поздней ночи. Как-никак, а обстирывать одной женщине целый батальон — это нелегко, а Алфред, даже если у него самого «не горело», в порядке солидарности задерживался в мастерской, чтобы Хелли было веселее, к тому же он нередко помогал ей выкручивать белье. И Короля — хотя такое королевской особе не к лицу — заставляли помогать Хелли в прачечной.

— Тебе, мужчине, нужна сила, — внушал Алфред, выкручивая играючи какую-нибудь вещь, — а без упражнений этого не добиться. Ведь у женщины, сам видишь, какие слабые руки, а у меня... А у тебя... У тебя они еще не развиты, надо развивать, надо крутить белье, это очень полезное упражнение.

Так что, когда Алфред и Хелли задерживались на «производстве», а Король, справившись со школьными задачами, отправлялся к школе, где в гимнастическом зале одна учительница проводила занятия по художественной гимнастике или были репетиции хорового пения. В любом случае белолицая, черноволосая, синеглазая, белозубая кругленькая Эльна там присутствовала.

Король шел через парк, мимо Курзала, светила полная луна, навстречу попадались редкие прохожие, парк не освещался, при луне в этом и не было нужды, снег сверкал, отражая лунный свет, и Король чувствовал и тоску и радость одновременно. Задрав голову, он смотрел на звезды в небе, они четко виделись в морозной дали, мерцали — не горели, не гасли, а светили. Что там? — вопрошали глаза.

Гимнастический зал располагался во флигеле, окна которого выходили на задний двор школы. Король натаскивал ящики, валяющиеся без дела неподалеку, доски, соорудил помост. Он осторожно заглядывал в окна, высматривая Эльну среди других девочек,двигающихся в безмолвии какого-то странного танца. Двойные рамы мешали услышать музыку, он видел лишь движения, все было как в немом кино. Как замирало его сердце! Как тревожно стучало! Образ Эльны сопровождал его повсюду, но одного он не мог понять: у Эльны были синие глаза, но, хотя перед его внутренним взором неотступно стоял ее образ, ее лицо, на него же смотрели чьи-то другие, совсем другие глаза — зоркие, задумчивые, с молчаливым укором — чьи?

Пришли долгожданные каникулы. Алфред принес большую елку, ее поставили в торжественной комнате, но солому Хелли категорически запретила стелить на пол. И Рождество, и даже встреча Нового, сорок первого года уже не так впечатляли, как когда-то давно в Главном городе: тогда был сказочный и красочный

вечер, освещенный заходящим солнцем, синел лес, чернели ручьи и пили воду лани...

Ничего подобного уже никогда Король не ощущал, не чувствовал. Он еще не понимал, как неповторимо каждое мгновение человеческой жизни, как невозвратно уходит в прошлое, которое порою человеку и увидеть недосуг, да и не придает он всему этому значения, когда впереди еще целая жизнь.

Альфред подарил на Рождество Королю набор инструментов: пилочки, сверла, отвертки, упакованные в красивый фанерный ящичек. Пряники рождественские Хелли напекла сама. Зажигали бенгальские огни, пели те же самые рождественские песни, все то же: «О данненбаум, о данненбаум...»

Зима на острове в городе Журавлей предлагала Королю достаточно интересных развлечений. Он мог играть в хоккей на льду залива с другими ребятами. Но королям свойственно проводить часы лишь в собственном высокородном обществе, дабы предаваться мыслям о сложностях жизни, дарованной ему, в сущности, так недавно. Тем не менее он жаждал движения, и здесь ему очень пригодились финские сани, которые были, можно сказать, в каждом доме; они в городе Журавлей зимой заменяли велосипеды. Женщины с ними ходили по магазинам, матери катали детей, кавалеры — своих девушек. Рыбаки с Абурука ходили через море по льду, когда море замерзло, за покупками в город. Они были незаменимы в хозяйстве. И король в свободное время гонял по окрестностям на финских санях. А однажды в школьные каникулы он взял да махнул в Звенинога на хутор Сааре.

Решение смотаться туда пришло как-то само собою, с ним такое бывало: он часто поступал неожиданно, хотя всего секунду назад так поступать и не собирался.

День был не морозный, снег падал редкими круп-

ными хлопьями. Король отправился гонять по городу на финках, сбегал к паровой мельнице, где неведомый механизм работал отрывисто и резко раздавался звук, похожий на пушечный выстрел,— хряк, хряк, хряк, из нетолстой трубы выбивалось небольшое облачко пара. Он наблюдал сельских мужиков, которые возились у своих саней, таскали мешки — кто на мельницу, кто от туда; весь двор был усыпан лошадиными яблоками, изучали меню лошадиного корма воробьи; пахло деревней, и вдруг Королю захотелось повидать Вилку. Он вдруг почувствовал, что, кроме Эльны, именно Вилка была ему сейчас нужна, единственная, позарез, и недолго думая он направил сани к выходу из Журавлей: вот удивятся Юхан и Ангелочек! Вот обрадуется собака!

Шоссе называлось Сухоместным из-за порта в его конце. Оно шло мимо Звенинога, мимо хуторочка Убольшойдороги и Нуки, а стало быть, по нему он и пойдет. По дороге поодиночке, а то и объединившись, группами, по три-четыре и больше, тянулись лошади с санями. На них женщины, укутанные в шубейки, одеяла, большие шерстяные платки, пледы; от лошадиных морд шел пар, они выдыхали с храпом. Король обгонял повозки, слышалось: «Но-о! Но-о!»

Король мчался не один: на сиденье сидела Эльна, невидимая, конечно, посторонним, которым стульчик казался пустым, но на поворотах Король ехал осторожно, чтобы не сбросить ее. Ну и гнал же он! Ветер свистел в ушах. С ней — да, надо было мчаться лихо. А не будь ее, он бы так не летел...

Восемнадцать километров — много или мало? Разумеется, ответ заключался в точке зрения того, кому это расстояние преодолеть: одному много, другому пустяк; старому много, молодому раз плюнуть. А влюбленному к тому же...

Король даже не заметил, как показались кресты

знакомой церквушки местечка Рео, которое он запомнил, когда ехал с Убольшойдороги в город: Манчи тогда сказал Алфреду, что уже половина пути пройдена. Следовательно, и ему теперь недалеко осталось.

Действительно, так и было. Увидев впереди чьи-то сани, он с удовольствием прибавлял ходу и вскоре перегонял какую-то обиженную лошадь. Обогнав с десятка-полтора саней и разномастных лошадей, он узнавал дома, лесочки, дорожку, ведущую на хутор Нуки, крыша которого виднеется из-за невысокого можжевельника вдали. Завернуть?

Конечно, очень хотелось повидать старого друга и тренера по боксу. Если бы Король был один, то захватил бы, но с Эльной... Эльмар не поймет.

Королю вспомнилось, как парни посылали его сказать девочкам непонятные слова... Позор! Теперь-то он знает, что они означали, эти слова, которые посылавшие сами «стеснялись» говорить своим избранницам. На заборах этих слов полно.

Население хутора Сааре действительно удивилось неожиданному появлению Короля, а Вилка — как же она обрадовалась, как визжала и прыгала! Ангелочек так даже сперва не поверила, что Король один, без свиты.

— А Алфред на чем едет? Неужто на велосипеде?

— Не едет,— сказал Король, гордясь в душе своей самостоятельностью,— я сам приехал, один, на этом вот....

Он показал на сани, которые, если честно признаться, примчали его с города до Звенинога за два часа, а ведь все-таки восемнадцать километров!

И тогда все еще раз по-настоящему удивились: и Юхан, и Ангелочек, и Манчи, и Вилка и кошка по кличке Кот.

Вилка рассказала повелителю о том, что Хуго с Мелиной уехали жить в деревню Праакли к матери Хро-

моножки, которая в последнее время стала плохо себя чувствовать. Конечно же Ангелочек велела Юхану скорее затопить баню, хотя и не суббота, — должен же ребенок попариться. А Манчи пусть режет курицу с красными перьями на хвосте.

— А Хелли знает, что ты к нам направился? — спохватилась Ангелочек и строго взглянула на смущенного Короля.

Он еще не до конца решил, можно ли лгать, увидит это бог или нет? Ангелочек, Бог, Правда — все они в его сознании объединились. Решил не врать на всякий случай.

— Нет, — сказал он, честно глядя богу в очки, — я сам...

— Ну вот, — сказала Ангелочек Юхану, тот сопел и насвистывал про землю Мулги... — Тем более надо затопить, ребенок должен завтра утром домой вернуться. Как ты берешь курицу! — это она уже напустилась на Манчи. — Кто же так делает?! Когда берешь курицу и рубишь ей голову на пне, она же вырвется и кругом все забрызгает кровью. Тьфу! Надо зажать крылья на спине, положить на колени и дать деревяшкой по шее, она потеряет сознание, и ты ножом через клюв разрежешь горловые веночки, потом держи за ноги над миской, чтобы кровь вытекла, и получится чистая птица с белым мясом... Господи!.. Это тебе не черта изображать!

Юхан, не переставая насвистывать, отправился топить баню. Ангелочек уже хлопотала по хозяйству. Вилка не все понимала и поэтому не обо всем могла рассказать. Сесси было некогда, она собралась на хутор Ару, у нее завелись какие-то секреты с аруским Антсом — приятелем Манчи. Манчи предполагал, что между ними любовь. Что же еще? Перед уходом Сесси все-таки успела рассказать про то, как ее братик чертом был.

— Лишь бы языком молоть! — добродушно рявкнул Манчи, потроша курицу.

— Он живого черта изображал, — Сесси, засмеявшись, поведала, как черт с хвостом и рогами пришел однажды на хутор Салу и потребовал от одинокой вдовы, Минны, денег, обещая за это улучшить условия ее покойного мужа в аду.

— Он верующим был, — пыталась уточнить Минна, полагая, по-видимому, что в таком случае ее муж не мог оказаться в аду. Но черт погасил ее надежду.

— Он плохо молился и нищим не подавал, вот теперь и в аду. Принеси деньги на старую мельницу, которая стоит на развилке дорог неподалеку от Ару, и положи в дыру каменного жернова в углу.

Вдова Минна носила небольшие деньги на старую мельницу несколько раз, потом проговорилась Прийду с Рямпсли, и старик кое-что смекнул. Он вспомнил, как Эйнар с Ребра, арусский Антс и Манчи как-то пошутили над ним, вымогали у него брагу.

Все знали, что у Прийду была целая бочка с брагой в кладовке под полом. Но когда однажды зашли Эйнар с Манчи и попросили их угостить, Прийду сказал, что молоды они мужские напитки пить, да и нет у него браги.

Утром Прийду вышел из дома, чтобы скотину покормить-напоить, и обнаружил: нет его чалой кобылы. Прийду пришел в недоумение. Обошел вокруг конюшни, хотя, как могла лошадь из конюшни выйти при закрытой двери? Вдруг он услышал, что будто поблизости она хрумкает сено. Но где? Не стала же лошадь невидимкой? Наконец, Прийду удалось установить, что лошадиное хрумканье слышится с... чердака амбара. И точно. Именно там его лошадь и оказалась. Как она туда забралась? Не мог этого понять Прийду. Амбар невысок, но лошади надо взлететь, чтобы там очутиться. С одного конца чердак амбара открыт уже давно,

доски оторвались, лошадь пролезть может, но летать...

В это время случайно из ниоткуда возникают Эйнар с Манчи и Антс.

— Что-нибудь случилось, Прийду?

— Там моя лошадь,— показывает Прийду на чердак амбара.

— Что?! — удивляются друзья.— Там? Ну и ну! Зачем ты ее там держишь, у тебя же просторная конюшня?

Одним словом, за бидон браги друзья согласились помочь Прийду спустить лошадь с чердака. А что оставалось делать Прийду? Пришлось этим соплякам выставить требуемое. Раз сумели спустить лошадь (надо думать — и поднять), значит, уже и мужские напитки им по плечу. А технология транспортировки животного на столь непривычный для него уровень оказалась простой, хотя и трудоемкой: с помощью настила из бревен во дворе Рямпли да висевшей здесь длинной толстой веревки.

— Не иначе кто-нибудь из этих стервецов,— объяснил Прийду вдове Минне свою догадку о живом черте.

Скорее всего, не случайно узнал об этом констебль, которого последнее время полагалось называть товарищем милиционером. Когда «черт» в очередной раз явился за деньгами, его ждал полицейский, ставший милиционером. Взяв рога и хвост, он отпустил «черта», но Ангелочек с Юханом ездили в волостное управление и заплатили штраф за проделки нечистого, да Минне надо было вернуть ее деньги. А как там теперь ее покойному супругу в аду? Кто его знает. Может, раз он верующий был, то действительно не в аду, а в каком-нибудь другом месте. Кто разберется в этом загробном мире.

Когда на следующее утро Король покидал Саарс, Ангелочек дала ему с собой два бидона — один со сметаной, другой с медом. Благодаря им Его Величеству

удалось по возвращении избежать Урока Послушания. Да и то чересчур много стали давать уроков везде кругом: Советы дали урок Финляндии, американцы преподают неграм, англичане учат индийцев, немцы обучают немецкому языку все народы Европы — кругом сплошные уроки, и не всегда они приятные и не всегда полезны.

ГЛАВА X

Сильные морозы — это хорошо или плохо?

Когда вороны замерзают на ветках сосен, для ворон, надо полагать, в этом хорошего мало. И для людей, если доктор Килк должен читать лекцию на тему: «Мы кашляем неправильно». Но когда учитель входит в класс с таким видом, словно все пойдет как заведено, здоровается, велит всем садиться, раскрывает классный журнал и, покашливая, говорит:

— Гм...— С первых парт на негозирают готовые к повиновению верноподданнические глаза,— уроков сегодня не будет, дети, можете идти домой.

Это совсем другое дело, это праздник!

Но и тогда, когда не было сильных морозов, Королю удавалось иногда выкроить время для более приятного препровождения. Он гулял по городским улицам, выбирая такие, на которых мало вероятности встретиться со знакомыми. Бывало, он подходил к школе сзади, смотрел на нее издали и думал: там они все сидят и зубрят, и никто не посмеет от этого отказаться, даже те, кто воспротивился бы с удовольствием, а я здесь, стою на свободе. Возможно, он так и не думал осознанно, но интуитивно именно такое ему чувствовалось. «Издали она лучше смотрится»,— казалось ему, когда он смотрел на белое здание родной школы.

Зимой, когда очень холодно, скучно не только Королю, а всем горожанам. Когда люди зажаты в домашних стенах, они ходят в гости, слушают радио и обсу-

дают услышанное, прочитанное, но в самом городе как будто ничего и не происходит. Все замерзло. Но что пишут-то! Все одно и то же: война, жертвы, пленные, победы и одни и те же надоевшие объявления, как-то: «Господин! Если у тебя нет идеального товарища для прогулок, если ты с благородной душой, напиши жизнерадостной блондинке». Или: «Разочарованный в жизни душевный мужчина, если ты трезвенник, имеешь гарантированный доход, то...» Или: «Порядочная девушка возьмет займы тридцать крон, возврат по договоренности...» Конечно, когда писали в газетах про Дугласа Бейзера — английского летчика, потерявшего обе ноги еще до войны, но ставшего летчиком-истребителем, чтобы сражаться с немцами, об этом говорили долго. А вот когда был сбит грузовиком учитель старших классов — это уже было событием, и весь город о нем говорил: он шел поздно вечером — варьировалось как шел, где проходил, — и Королю, когда он лежал в своей постели, представлялось: шагает одинокий пожилой человек с портфелем, и вдруг из темноты на него налетает темная масса, ослепляя ярким светом, и все — человек лежит мертвый. Королю представлялось, как он лежит, а вокруг разливается темная кровь на белом снегу...

Затем ночью на улице Вильденберга часовой у какого-то склада застрелил молодую девушку, и весь город этот случай обсуждал. Говорили, что часовой вроде бы ее окликнул: «Кто идет?» Но девушка не ответила, потому что не понимала по-русски. Тогда часовой выстрелил, потому что он крикнул: «Стой!» — а девушка продолжала идти. И часовой выстрелил, потому что ему так было приказано. Король, лежа в своей комнате в постели, на все лады разбирает этот случай. Он представлял, как горюют родители девушки, но ему было жаль именно ее, она умерла такая молодая.

В небесно-синем доме жизнь проходила буднично,

серо для Короля, который жаждал впечатлений. Тайдеманиха зимою показывалась редко, эта женщина вообще не занимала места в сознании Короля. И у Тайдемана, который, наоборот, занимал в сознании Короля солидную позицию, тоже, наверное, дела были, он и еду приобретал сам, во всяком случае, он тоже был теперь несчастным гостем у своих квартирантов. Чаше других заходила Мария Калитко поговорить с Хелли Мартенс о жизни. К Алфреду еще нет-нет, а приходил доктор Килк, однажды и сына своего привел.

Семья Килков проживала на Парковой улице, где доктор имел при квартире приемную. Здесь Его Величеству пришлось побывать: лечить разбитые коленки компрессами риванола и пластырем для заживления ран. Здесь он, бывало, мимоходом видел и Арви во дворе, но они как-то не сочли друг друга достойными внимания. Арви был года на три старше Короля и выше ростом, по меньшей мере, сантиметров на пятнадцать. В то время, когда Король ходил лечить коленки, у них вроде не было общих интересов, было лето, и у Короля почти не было свободного времени, он был занят выяснением отношений с Албертом, соседом с другой стороны, проживающим на втором этаже кирпичного дома как раз над той квартирой, в которой обитала Большая Урве со своей незамужней матерью. Урве все звали Большой по той причине, что она была длинная и ее мама тоже была длинная. Она работала на лимонадной фабрике.

Алберт был одного с ним возраста, он жил вместе с матерью и отцом. Не хотел бы жить Король со столь строгим отцом... Если Король в обществе Алфреда чувствовал себя сравнительно свободно и независимо, мог себе позволить многие вольности, да хотя бы пропустить школу, то Алберту, веснушчатому круглолицему крепкому мальчику, жилось несладко: стоило его отцу лишь сказать Алберту, собравшемуся во двор с Коро-

лем: «Никуда не пойдешь» — без всякой мотивировки, как Алберт послушно раздевался (Король возмутился бы!). Но,— а именно это и было главным, что надо было Королю выяснить,— как ему нужно лично относиться к Алберту, который, как оказалось, был сильнее Его Величества. Они это проверили древнейшим способом — поборолись, и Алберт легко придавил Его Величество к земле. Король не знал теперь как и быть. Находиться в зависимости было не в его правилах.

Алберт, однако, не задрал нос, не возгордился, не хвастался. Отношения были тогда под знаком вопроса, поэтому связываться еще и с долговязым Арви у Его Величества не было настроения. Теперь же зимою, когда сам доктор Килк стал частым гостем Алфреда и Хелли, теперь, так и быть, другое дело — Король и Арви познакомились.

Арви не был расположен выяснять, кто сильнее: его эти стороны человеческих взаимоотношений не волновали. Арви скоро установил, что по сравнению с ним Король — личность малоразвитая, поскольку очень мало читает, и начал давать Королю книги из своей библиотеки. Главным образом о путешествиях, конечно, из Полного собрания сочинений Жюль Верна. О каждой книге Арви с вдохновением рассказывал, азартно превозносил героев, их подвиги. Он постоянно преследовал Короля вопросами, когда тот возвращал книги:

— Прочитал? Правда, здорово! А ты бы мог?!

Это значило, смог бы он, Король поступать так, как кто-то из персонажей книги. Надоело это Королю, с одной стороны. С другой же — он и сам всегда задавался вопросом: а смог бы и я сделать то же самое? Ведь не всегда это означало похожее с тем, что мог он, но не могли другие: например, не идти в школу.

Арви быстро вытеснил на задний план остальных из окружения Его Величества, так что Король все мень-

ше общался с Валдуром и Свенom, которые жили на улице Моря по соседству друг с другом. Они не очень-то переживали. Теперь вместе с Арви Король совершал обходы по городу Журавлей, по дворам и закоулкам. Арви обожал бегать, он все делал бегом, а по утрам вместе с отцом совершал моцион: одетые в тренировочные костюмы, они бегали небольшими шажками по парку. К сожалению, Королю пришлось согласиться с тем, что бегал Арви намного быстрее его, до этого ему пришлось убедиться, что и Алберт бегаёт быстрее, чем он,— и этот факт Короля немного огорчил, он не смог себе объяснить это явление. Он вспомнил, как с Алфредом в Главном городе был на скачках и удивлялся: почему одна лошадь бежит быстрее другой, когда они внешне совершенно одинаковые.

Арви посмеивался над Его Величеством. Арви не знал, что имеет дело все-таки с Королем и смеяться над ним ему не подобает. Он решил выяснить причину плохого бега Короля: начал сравнивать свое строение тела со строением тела Короля. Во-первых, рост: Король меньше. Руки — одинаковой длины. Ноги... В них-то заковыка! Ноги у Арви длиннее, чем у Короля. Но если учесть разницу в росте, то что же тут удивительного? Арви внимательно присмотрелся к Королю, сморщил нос и сказал:

— Ты непропорционален, вот что...

— Почему непропорционален? — удивился Король, пытаясь угадать, что означает это длинное слово: пропорцио-на-лен.

— Смотри,— показал Арви на уши Короля,— у тебя одно ухо выше, другое ниже, а у меня не так, у меня уши на одном уровне.— Арви нарисовал на щеке Короля пальцем черту, обозначавшую, насколько одно ухо Короля выше другого.

— И ноги,— сказал он затем ошеломленному Великочеству,— у тебя вообще верхняя часть тела длиннее,

чем нижняя, у тебя ноги короче, чем у нормального человека. Вот почему ты и бегаешь плохо. Ведь ты же прекрасно знаешь, что тот, у кого ноги нормальной длины, отхватит при беге больше пространства, чем тот, у кого ноги ненормальной длины. Так? Сороконожка не так уж и мала и бегаёт быстро, но паук сигает быстрее, потому что у паука ноги длинее...

Одним словом, этот докторишкин сын так долго и невежливо толковал Королю о его неполноценности, что заработал-таки в ухо. Но драки приличной... вообще никакой драки не получилось: Арви и в мыслях не было обижать приятеля.

— Что ты! — воскликнул он, держась за свое пропорционально расположенное ухо. — Я же просто констатировал (и откуда только берутся такие сложные слова)... факт с научной точки зрения, ты же не сам себе ноги делал...

Тоже верно, Его Величество не мог не согласиться. Но как же так получается? Докторишкин сын и этому нашёл объяснение.

— Это следствие алкоголизма... может быть, — Арви осекся, он ведь не хотел сказать, что отец Короля пьяница, тем более что это было неверно. Но алкоголизм — это еще что за зверь?

— Это когда кто-нибудь пьет водку или спиртное, — объяснил Арви с готовностью.

— Денатурат? — догадался Король.

— Ну, этот... кто денатурат, это законченный алкоголик, мне отец объяснил.

— Алфред не пьет денатурат, — сказал Король. — Но Калитко пьет; так что это тут ни при чем.

Вечером он незаметно изучал себя в зеркале и согласился: Килк прав. Он действительно непропорционален, а одно ухо выше другого. Король ходил целую неделю мрачный и злой неизвестно на кого. Но что было делать? Нельзя же на самом деле поменять ноги

и уши. Так что нужно смириться, какие уж есть. Это и Арви вскоре подтвердил, чтобы поправить испорченное им настроение товарища. Он показал Королю медицинский журнал с фотографией мальчика. Журнал был напечатан на тарабарском языке, и Арви переводил — он, оказывается, знал и тарабарский язык, — что мальчик, изображенный на картинке в журнале, родился совсем без ушей.

— Видишь? — воскликнул Арви. — Совсем нет ушей и то живет, улыбается даже.

Предаваться долго мыслям о значении в жизни пропорциональности форм тела Королю было некогда, наблюдений и открытий с каждым днем прибавлялось.

Арви жаждал подвигов. Арви готовился стать путешественником, открывателем новых земель. Он неустанно убеждал Короля готовиться к трудностям дальних дорог в пустынях, во льдах и убеждал его закаляться по системе Роальда Амундсена. Тот уже в детстве спал без одеяла при открытом окне зимою и совершенно не боялся холода. Он, Амундсен, совершал долгие лыжные походы по лесам и горам и специально выбирал самые трудные местности, чтобы стать натренированным.

Король честно признался, что на лыжах еще никогда в жизни не ходил, но ходули были, и на финских саниах он самостоятельно съездил в деревню Звенинога.

Однако спать без одеяла он попробовал, и даже при открытой форточке, затем форточку решил все-таки закрыть, но без одеяла лежал довольно долго, возможно, он бы и до утра смог, но никак не засыпал: сон не шел, и было такое ощущение, словно он, голый, выставлен на витрине. Наконец, покрутившись достаточно, взял одеяло. В конце концов, необязательно всем людям быть путешественниками. И вообще, подвиги не очень волновали Короля. Может, чтобы привлечь внимание Эльны... Наконец Арви ему объяснил:

— Здесь скоро некуда будет податься, куда ни сунься, часовой не пускает. В замок уже давно нельзя: там солдат с винтовкой у входа... Хочешь, побежали в немецкий яхт-клуб?

И Король с Арви побежали в немецкий яхт-клуб. Летом он пустовал, и ребята, то есть народ Тори, были здесь хозяевами, играли в полицейских и гангстеров, гоняясь друг за другом, стреляя из деревянных ружей. Теперь же оказалось, что и их клуб занят, и здесь стоял солдат с винтовкой. Увидев прибежавших ребят, он погрозил им пальцем и сказал короткое слово, из которого Король запомнил лишь первый слог «не.....». Тогда они побежали к эстонскому яхт-клубу, здесь то же самое. А ведь раньше проход к обоим яхт-клубам был открыт для всех.

— Вот видишь,— торжествовал Арви.— В городе уже нет ничего интересного, никуда не пускают. Куда еще пойти? — он вопросительно уставился на Короля, показывая всем своим возмущенным видом, что куда-то нужно все же пойти во что бы то ни стало, потому что идти все равно куда — это в жизни самое главное дело.

— Я же тебя зову не подвиги совершать — какие подвиги! Я так зову, просто немного попутешествовать. Надо куда-нибудь идти. Давай?

— Куда?

— Просто возьмем и пойдем, например до Сухого Места, это всего шестьдесят километров. Если удасться, перейдем залив, а там видно будет.

— Искать будут.— Король представил, что за шум поднимет Хелли, если он не заявится вечером домой.

— Где это будут искать! — изумился его наивности Арви.— Сейчас каждый день кто-нибудь исчезает, а где искать? Моему отцу один агент объяснил: исчезают потому, что не хотят оставлять следов. Мы тоже можем следов не оставлять.

Король вспомнил про господина Векшеля и поинтересовался:

— Очкастый агент, лысый? Он к нам тоже ходит, за «Филипс» и зингеровскую машинку берет...

— А я его видел, когда он из замка выходил. Ты подумай, нам туда «не...», а ему можно. Хотел бы я знать, кому там в замке зингеровская машинка понадобилась... Мы же вернемся,— убеждал Арви без перехода.— Немного помотаемся и вернемся. Здесь нигде не пускают. Хочешь, пойдем вот сейчас в сад Раджиевского?

Сад Раджиевского — целый парк. Летом сюда ребята ходят яблоки рвать. Все здесь растет дико, за порядком никто не следит, так что приходи и бери, если нравится и сможешь перебраться через высокий каменный забор. Это неподалеку от замка, в сущности, рядом с парком, с южной стороны. Здесь большой каменный дом и сад профессора Раджиевского. Дом огромный, целая больница, вроде бы тоже грязью лечат людей. Но дом давно необитаемый, потому что Раджиевский, говорят, уехал за границу и все тут бросил. Сторож был. Старшие ребята рассказывали, что однажды закрыли его в сторожевой будке, подперли дверь палкой — изнутри не открыть и спокойно, прямо перед его носом срывали яблоки, в то время когда сторож в будке рвал и метал.

Король и Арви побежали через городской парк к саду Раджиевского, в котором и в зимнее время лазать было интересно, но... в него уже нельзя было попасть: поверху высокого забора тянулась колючая проволока. Когда же они прибежали к воротам, увидели солдата с винтовкой. Тут же повернули назад и побежали прочь.

— Ну! Видал? — ехидно спросил Арви.— А ты сомневался... Здесь же на каждом шагу «не...». Сейчас вообще такие происходят вещи,— он безнадежно мах-

нул рукой, — сам видишь, везде «не...» да «не...». А знаешь, что это означает? У тебя язык не выговаривает? У меня тоже с трудом, но отец научил, и получается нельзя. Русское слово... «нель» и «зя» означают — не суй носа, а то получишь.

Король пришел домой совсем растерянный, не зная, на что решиться. Хотел было взять велосипед Хелли, чтобы во дворе поучиться кататься, во дворе почищено, но снег есть, а это хорошо — не так больно падать, чище к тому же. Алфред был дома. Увидев, как Король тащит во двор велосипед, сказал:

— Нельзя. Неси обратно.

Король взглянул на него недоуменно, и он, уже строже, повторил:

— Неси обратно, не слышишь разве?

Король не стал выяснять, почему всегда можно было, а теперь... «...льзя», но что Арви прав, сомневаться не приходилось. Везде нельзя. Чтоб язык отсох у того, кто это слово впервые произнес!

На следующий день они с Арви обо всем переговорили и решили. Затем отправились в путь.

Как одевались короли в юности? Все видели картинки в книге «Принц и нищий». Примерно так же, как летом, так и зимою одевался Король Люксембургский. Летом это были короткие штанишки, майка и более ничего; осенью да весной — короткие штанишки и шерстяные чулки-гольфы, то есть чулки до колен, ботинки, которые вечно «горели». Зимой же это были все те же короткие штанишки, но уже длинные шерстяные чулки, естественно, ботинки, шерстяной пуловер, связанный Хелли, курточка из синего твида и вязаная шапочка с помпоном на макушке. Не то чтобы шикарно, но прилично вполне. Варежка, правда, была одна на две руки, вторую он где-то потерял, а сказать об этом Хелли не рисковал. Пустяки! С одной вполне можно обходиться.

Арви из них двоих больше смотрелся королем: шерстяные брюки, шикарные ботинки из свиной кожи, полушубок, каракулевая шапка, которую он обычно не носил, две варежки... Главное, он догадался хоть продуктами запастись, они у него помещались в карманах полушубка. А в носовом платке — в отличие от Короля он пользовался носовыми платками — у него были завернуты деньги: два рубля и одна крона, как известно, и рубли и кроны были одновременно в ходу и, как сказал Тайдеман, имели одинаковую стоимость. Таким образом, можно было сказать, что в носовом платке Арви были завернуты три рубля, но можно было также сказать — три кроны. Как кому нравится. Это была огромная сумма, потому что — Король это отлично знал! — за один цент в любом магазине отвалят приличную порцию конфет, следовательно, то же самое и за одну копейку, а здесь... три рубля или кроны — состояние!

Они шли пешком. Арви ликовал и беспрестанно болтал о том, как они станут великими путешественниками. На земле еще много неоткрытых мест, островов. Но, чтобы добиться успеха, надо постоянно тренироваться. Он даже предложил добираться до Сухого Места бегом. Но нет, Король не забыл его лекцию о непропорциональности и прочих неудобствах, связанных с этим, — бежать он не станет. Тем более что на душе у Короля было тревожно и неопределенно: с одной стороны — привет школе! С другой... чем все это кончится? Об Алфреде и Хелли ему думать не хотелось, но когда Эльна узнает, что он пешком дошел до Сухого Места, кто знает...

Прошагав весьма энергично километров шесть-семь, они незаметно для себя сбавили ход, а еще через километр, когда их перегоняли чьи-то сани и лошадь призывно заржала, они тоскливо посмотрели вслед. Король не решался сказать, что уже порядочно устал.

Арви тоже... Хотя и собирался недавно весь путь преодолеть бегом...

Следующую лошадь они тем не менее приветствовали очень дружно, словно сговорились. Седоком на развалнях оказался Прийду с Рямпли. Король не раз видел его и на Сааре, и на Убольшойдороги, когда Прийду приходил к Алфреду подстригаться. Но сейчас, было похоже, Прийду не узнал Саареского Принца. Он был и зол и весел одновременно. Королю это было удивительно: как так, будучи сердитым, человек в то же время может быть и веселым? Прийду не узнал Короля, потому что был в таком состоянии, когда мир вполне может быть неузнаваемым. От него исходил запах вина, хотя Арви потом объяснил, что это был запах спирта, а не вина.

— Кур-р-ат! — сказал Прийду вполне дружелюбно, когда путешественники устроились сзади на развалнях.— Кур-ради, мальчики, куда идете? А я их не боюсь — во! — продолжал он, не дожидаясь объяснения мальчиков, а вот кого он не боится, это путешественники смогли понять не скоро, потому что Прийду начал добродушно и зло ругаться, прерывая себя долгим смехом, награждая свою чалую лошадь вожжами.— Кур-рат, ой, курр-ат!

Потом картина, естественно, обозначилась: когда Прийду ехал в город, уже при въезде его обогнала колонна грузовичков с солдатами. Чалая, как и большинство островных лошадей, испугалась машин и стала шархаться. Прийду, мобилизовав все свое знание русского языка, стал орать на проезжающих солдат, потрясая кулаком: «Кур-рат! Саа-тан! Ванька!» — и тому подобное. Одна машина остановилась. К Прийду подошли солдаты с офицером. Убедившись, что ни самому Прийду, ни лошади, ни телеге никакого вреда причинено не было, они привезли его в город и сдали милиции, где он просидел в кутузке всю ночь вместе с пья-

ным, который тоже приставал к солдатам и всячески их обзывал.

Утром с Прийду взяли десять крон штрафа и отпустили. Теперь Прийду ехал домой в хорошем-плохом настроении, пел и ругался.

— Кур-рат!

Доехав до Звенинога, Прийду повернул лошадь в деревню. Путешественники продолжали свой путь пешком, и Королю удалось увидеть крышу хутора Нуки, хутор Убольшойдороги также хорошо просматривался. И чем дальше они шли, тем сильнее Короля тянуло назад, а идти становилось все труднее. Арви по-малкивал.

Отдохнув на розвальнях, друзья зашагали сначала бодро, но наступающие сумерки наводили на думы о ночлеге.

— Где-нибудь отыщем сеновал,— предложил Арви,— или попросимся переночевать на какой-нибудь хутор, скажем, что заблудились, или что-нибудь со-врем.

Но когда они дошли до места, которое называется Кангруспина, с ними случилось нечто непредвиденное. Навстречу им попались три здоровых парня, по меньшей мере пятиклассника, с ними две дворняжки. Поравнявшись с ними, путешественники увидели в руках встречных плети. Совершенно неожиданно парни пустили плети в ход. Стали стегать по спинам и лицам путешественников, которые даже не сразу догадались убежать. Они растерялись, попытались выяснить: «Что мы вам плохого сделали?» — но парни, не переставая хлестать их плетью, к тому же натравили на них псов. Неожиданно Арви сиганул, как заяц, и помчался обратно в сторону города. Деревенские бросились за ним, как за более лакомым кусочком, за деревенскими побежали собаки.

Воспользовавшись этим, Король побежал что было

сил в другую сторону. Если бы не глубокий снег, он бы, конечно, ушел в лес. Он бежал долго, не оглядываясь, и наконец остановился в изнеможении — он был один. Где-то далеко лаяли собаки, больше ничего не было слышно. И куда-то девалась вторая варежка.

Король вспомнил, что Арви сложен пропорционально и регулярно занимается бегом по утрам, это давало надежду, что его не догнали. Он успокоился, хотя никак не мог отдышаться. Стало жарко. Тут он услышал шум мотора и увидел приближавшийся со стороны Сухого Места грузовик. Он колебался: поднять руку или нет? Но грузовичок остановился около него сам. За рулем сидел Карп.

Действительно, где беда всего ближе — там помощь тут как тут, как говорится в одной эстонской поговорке с давних-предавних пор, когда еще и думать не думали о том времени, где человек человеку друг, брат, товарищ, и о чувстве локтя не помышляли.

Невозможно передать, как обрадовались друг другу друзья.

— Где же ты все время был?! — спросил Король по-эстонски, залезая в кабину.

А Карп улыбался, и его большой рот стал как будто шире.

— Где же ты все время был? — приставал Король, и в этом вопросе звучал упрек.

— Работал я, брат, все работал — такая служба, — отвечал Карп по-русски. Король не понял, но сказал по-эстонски, что вот он в драке варежку потерял и показал свои порядком озябшие руки.

— Не беда, — сказал Карп весело, вытащил из кармана солдатского бушлата кожаные, когда-то черные варежки и сунул их Королю.

— Надевай, брат.

Действительно, варежки эти были Королю, мягко говоря... в самый раз: его руки были в них похожи на

тюленьи лапы. Карп взглянул и снова расхохотался.
— Хорошо, брат! Носи.

Карп стал рассказывать Королю, что его теперь гоняют постоянно возить грузы на базы, что белье теперь Хелли привозит другой солдат, черный — Король того, конечно, видел, — но он, хотя и не понимал, о чем рассказывал Карп, все время поддакивал: аха-а, аха-а. Затем стал сам оживленно рассказывать о том, как в городе Журавлей везде стало нельзя и стоят солдаты с винтовками, так что они с Арви пошли путешествовать — он все поглядывал на дорогу, надеясь увидеть бегущего Арви, и вот на них напали, а Арви быстро бегаёт, потому что пропорциональный, и вот не видно его совсем, неужели так быстро бегаёт, что уже до города добежал?

Карп, уловив в рассказе Короля слово «солдат», согласился, что да — солдатская служба такая и есть, куда поставят, там и служи. Офицерское дело командовать, солдатское — подчиняться.

— Офицеры тоже всякие есть, — говорил Карп, и Король сказал: «аха-а», — есть ничего люди, порядочные, — Король сказал: «аха-а», — но есть и такие свиньи, что...

Король сказал:

— Аха-а...

— Но вообще-то солдат — человек маленький, — подытожил Карп.

Король согласился:

— Аха-а.

Карп говорил по-русски.

Король рассказывал по-эстонски.

Смеялись оба на всем понятном языке смеха, и опять два колокола били: один тоненько дискантом, другой басом грохотал.

Словно угадав, как трудно бывает человеку, когда, пустившись путешествовать, забыл захватить паяк.

Карп порылся в уже знакомой сумке от противогаса и вручил Королю сверточек с бутербродами.

— Поешь.

Король только и сказал:

— Эге...

И бутерброды — черный хлеб с мясом — исчезли с удивительной быстротой. Арви нигде не было видно. Поев, Король стал смотреть на руки Карпа, державшие баранку. Он любовался нарисованной на тыльной стороне ладони голой женщиной — рыбой с большими грудями, которые подрагивали, словно живые. Незаметно он уснул под убаюкивающее урчание мотора. Скоро он привалился к Карпу, тот осторожно положил его голову себе на колени, а ноги поднял на сиденье.

У дома, куда раньше привозил белье, Карп остановил грузовичок. Король проснулся, и Карп сказал:

— Ну, привет передавай. Может, заеду как-нибудь, если будет время. Пока, брат!

Король прошептал сонно:

— бока...

Грузовик, тарахтя, удалился в сторону Закатного леса. Приунывший Король не спеша поплелся к небесно-синему дому, хлопая огромными кожаными варежками. Одним словом, приближался час вечерней порки.

ГЛАВА XI

На ловлю щуки в устье реки Тори у Каменного моста всегда собиралось много народа, рыбаков и просто зрителей. Выхватывали щуку сачками или же били короткими баграми. Ловцы в высоких резиновых сапогах балансировали на остром носу волнореза Каменного моста, на кромке льда, на выступающих из воды прибрежных камнях, зорко глядели в воду, а мимо неслись потоки воды, лед, вырванные с корнями деревца, пучки сена, мусора и всякой всячины, вокруг кружи-

лись чайки и кричали, хотя им ничего здесь не перепадало.

Когда кому-нибудь удавалось выловить щуку, раздавался одобрительный гомон зрителей, принимавшихся обсуждать достоинства пойманной рыбы. Но и щука не совсем сдурела — сколько раз ловцы выхватывали пустой сачок, и тогда раздавался хохот.

Половодье затопило все окружающие луга, лед шел в море, воздух наполнялся особенными запахами, которые несли с собой обещания чего-то хорошего, ветер дул по-особенному, воробьи чирикали по-весеннему, даже солнце было по-новому свежее, словно умылось только что после сна.

Заслужив в классе плохую известность, Король старался больше не привлекать внимание Эльны своими подвигами. Он страдал молча и, как это часто бывает даже со взрослыми, ударился в другую крайность: стал выказывать к ней подчеркнутое равнодушие. Отключившись от внимания к Эльне, он вместо этого — чем еще заниматься в школе! — замкнулся в учебе, и здесь у него дела пошли на улучшение.

Но весна у реки! Что может быть в жизни более захватывающего! Правда, весной люди особенно тяготеют к любви, но это потом, когда тебе не девять неполных лет.

А сейчас...

Любовь любовью, но на реке столько интересного! Ну а Эльна?.. Это потом.

На реке шел лед, на берегах таял снег. Он становился вязким, влажным, из такого снега люди Тори выстраивали великолепные крепости, которые затем брали штурмом, чтобы разрушить. Потому что в человеческом обществе на земле с давних пор так заведено: сначала строят с любовью, гордятся умением своим, мастерством, потом разрушат все до основания и хвастаются достигнутым.

Конечно же и у реки Тори одни штурмовали снежные крепости, чтобы разрушить их, а другие, как положено, эти крепости обороняли — такие правила игры существуют везде. Королю эта игра, откровенно говоря, показалась скучной. Вот морские батальоны — другое дело, здесь он участвовал с удовольствием.

Правила морских сражений тоже всем известны: один корабль старается потопить другой. Но откуда корабли на реке Тори? Рыбачьи плоскодонки годились бы, только они еще на берегу — не возьмешь. А вот ящики, в которых на складе солят рыбу, — в самый раз. Ящики, конечно, пропускают воду, что там говорить, но это когда они ящики — в них щели большие. Когда же они корабли...

А чтобы они стали кораблями, их бросают в удобном месте в реку. Здесь ящики валяются двое-трое суток, доски разбухают, и уже они не ящики, а корабли, потому что воду больше не пропускают; если и обнаружится какая-нибудь щель, ее затыкают тряпками — готово! Можно забраться внутрь, захватив, разумеется, весла — небольшие, сантиметров тридцать дощечки, оттолкнуться от берега или кромки льда и плыть и топить любой другой «крейсер», который повстречается.

А крейсеров столько же, сколько капитанов.

А капитанов... Каждый, кто не боится воды и в состоянии соорудить себе корабль, — капитан. Топить есть кого, надо только смотреть, чтобы не потопили тебя.

Короля топили — что там говорить.

Как это происходит? Бомбят. Как же иначе! Снаряды? Из снега же. Кто идет сражаться на море, тот заготавливает вдоволь боеприпасов. Но идут и на abordаж, здесь-то больше всего и топят: или пробьют брешь в обшивке корабля, либо повышибут двигатели — весла, судно окажется предоставлено течению, и надо приложить немало усилий, чтобы выйти не то

чтобы сухим из воды — такое исключается, а вообще выйти как-нибудь на берег, после чего необходимо основательно согреться. А на что, спрашивается, отцы? Согреют, будьте спокойны! Жарко бывает.

Пока Король вел морские бои, у Хелли и Алфреда продолжались свои сражения, у одного в столярке, у другой в прачечной.

Они трудились усиленно, чтобы накопить денег на всякий случай, потому что, когда есть в запасе деньги, это лучше, чем если их нет. Алфред еще никогда не имел столько заказов, по-прежнему приходил Чуть-Чуть, он и других офицеров приводил, и те тоже заказывали себе мебель.

На этот раз Его Величество первый класс завершил благополучно, по всем предметам четверки, лишь по поведению тройка, так что от Хелли за последний показатель достался сорокапятиминутный выговор со всевозможными сравнениями не в пользу Короля: «Вот Арви хоть и не силен в родной речи, зато какое поведение...», «Вот Валдур и Свен — тоже те еще бродяги, мальчики как мальчики, но поведение!..». Алфред относился к королевскому поведению терпимо, он считал Короля нормальным ребенком, он требовал, чтобы мальчик был как мальчик. Конечно, нужно быть воспитанным человеком и не сморкаться при Хелли похамски, зажав одну ноздрю пальцем...

Лето началось неожиданно. Король Валдур и Свен, встретившись как-то утром на Каменном мосту, даже сами удивились этой неожиданности.

— Ребята, лето наступило, — сказал Король как бы между прочим, но удивляясь в душе. Валдур и Свен в один голос подтвердили:

— В самом деле. — И предложили: — Пошли в Закатный лес, там праздник будет.

Король про праздник в лесу не слышал. Он часто приходил на Каменный мост, ведь дорога на эти таинственные базы, о которых все говорили, но никто толком ничего не знал, несомненно, шла через Каменный мост, это знали все, даже коровы Лонни. А в таком случае, если проедет Карп — встреча их неминуема.

— Будут прыгать с парашютами, — объясняли Валдур и Свен, — об этом в газете было написано, отец читал вслух. А скоро здесь пожарники с оркестром пройдут.

И действительно, людей на мосту все прибывало. Мужчины, женщины, ребятя пришли на мост как будто случайно, устроились поудобнее на каменных парапетах и ни с места. Скоро и сесть было некуда, а люди все прибывали. Когда уже народу стало больше, чем мог вместить мост, со стороны города показалась колонна, впереди пожарная команда, сверкали на солнце духовые инструменты. Зрелище Короля ошеломило, особенно его поразили мундиры пожарных, до сих пор таких черных с золотыми пуговицами ему видеть не доводилось.

Когда оркестранты, шедшие во главе колонны, уже подходили к мосту, раздался оглушительный треск, словно из пушки били, — это ударили барабанщики по своим большущим инструментам, которые они едва волокли на себе, тут же пронзительно вступили трубы, да с такой силой, что звук словно врезался во все поры королевской кожи, оглушил, ошарашил, и он, забыв про друзей своих, зашагал рядом с оркестром в сторону Закатного леса. За оркестром шли пожарные, за ними население города, одетое по-праздничному. Колонне, казалось, не было конца. Показались грузовики, на переднем опять-таки грохотал и скрежетал военный оркестр; впереди пожарные играли марш: «Эстонская земля, твой мужественный дух...» Военный оркестр на

машине в это время исполнял «Амурские волны»... Весело было!

В Закатном лесу под столетними дубами были сколочены большие навесы, под ними длинющие столы со скамейками. Столы покрыты белыми простынями, уставлены фруктами, печеньем, лимонадом, конфетами. И здесь же, в окружении столов, танцплощадка. Колонну встречали мужчины с красными повязками, рассаживали прибывающих. Но в это время кто-то крикнул, что начинают прыгать, и все ринулись к морю, которое серебрилось тут же, неподалеку. Побежал и Король. Он всем увиденным был настолько ошеломлен — некогда и рот закрыть.

Над бухтой кружились самолеты. Люди из Закатного леса высыпали и заполнили весь берег. Они стояли на всех удобных местах — среди валунов, на камнях, во дворе ресторана «Закатный», который был расположен также на берегу в молодом дубняке; люди стояли всюду, задирали головы и любовались ревущими самолетами с красными звездами на крыльях.

Король, естественно, тоже задирает голову вверх и глазел, напрягая зрение. И дождался — с самолетов что-то посыпалось вдруг, какие-то темные комочки, затем над ними раскрылись ослепительно белые цветы ромашки, которые стали медленно опускаться на прибрежный луг. Некоторые падали в море, но здесь сновали моторные лодки, подбиравшие упавших. Потрясающе интересно!

Самолеты улетели. Король вместе со всеми вернулся к длинным столам. Звучала мелодия «Амурские волны», ее сменяли вальсы Штрауса, хотя и не знал еще Король, что вальсы Штрауса — это вальсы Штрауса.

Люди расселись как бог на душу положил: русские — эстонцы, женщины — мужчины, пожарные — офицеры — все вперемежку, звучала эстонская и русская речь. Король мало что понимал. Все люди ели,

пили лимонад, но слова произносили странно, как Жора Калитко, когда наливался денатурата. Он тарашил глаза на танцующих — они ему казались чертовски забавными: взрослые тети и дяди, а прижимаются друг к другу и выписывают ногами вензеля, как клоуны в цирке, куда его водил однажды Алфред в Главном городе. Особенно же смешно выглядели офицеры в гимнастерках, перепоясанных ремнями: непривычно, вроде рубашку забыли в брюки заправить и еще ремнем перетянули, так что талия получалась тонкая, а гимнастерка сидела колоколом, оттопыриваясь внизу. Да еще эти брюки-галифе, да сапоги... Смешно, конечно, но раз им так нравится — это их дело, решил Король. Однако ему уже надоело, он счел, что с него хватит, пора в город, там ведь тоже уже лето.

Король бежал в город, и ему навстречу все шли и шли люди, спешившие в лес, на гулянье. Погода стояла жаркая, хотя и было-то всего лишь Первое мая.

В честь праздника, оказывается, и флаги были на домах, и Король с удивлением увидел, что и на небесно-синем доме два флага: сине-черно-белый и красный. Уже давно Алфред объяснил Королю значение каждого цвета на эстонском национальном флаге: синий — синее небо над головой, черный — земля черная под ногами, белый — чистая совесть эстонца.

В небесно-синем доме не оказалось ни Хелли, ни Алфреда, и Король хотел бежать на «производство» (ему не терпелось рассказать об увиденном), но во дворе появился Тайдеман, поздравил Его Величество с праздником и сказал, что Алфред уехал в Звенинога — помочь Юхану и Иммануэлю вывезти из леса бревна для ремонта коровника. Король вспомнил, что Алфред за завтраком действительно говорил об этом Хелли, только Король это впустил в левое ухо, а в правое выпустил, как поступал всегда, когда дело не касалось его конкретно. А Хелли как будто, в точности

Тайдеман, конечно, сказать не возьмется, но она пошла с Валве Маазик, а куда уж они пошли, то ему неизвестно.

Что касается Валве Маазик, Король, естественно, ее знал, потому что пробовал наладить контакты с ее сыном Иентсом, который учился с Королем в одном классе, где вел себя во всех отношениях паинькой, так что, когда Хелли сравнивала Его Величество с другими мальчиками, то именно Иентса ставила ему в пример. Иентс был настолько тщедушным, что Королю не хотелось с ним дружить, к тому же он без разрешения своей мамы и шагу не мог ступить. У Валве Маазик не было мужа, но Короля это не занимало. Подружиться с Иентсом он был готов только исключительно ради удовольствия Хелли Мартенс, хотя в глубине души сам не верил, что из этой выделки может выйти хорошая шкура.

Король не сомневался, если Хелли отправилась с Валве Маазик (маазик — земляника), то разве только к Земляничке домой что-нибудь шить. В шитье, собственно, и заключались их женские взаимоотношения. Король побежал к дому Землянички, который стоял на их же Закатной улице, куда выходил фасадом, в то время когда тыльная сторона дома выходила в большой яблоневоый сад, — Король в нем бывал, — сад же имел калиточку на так называемую Садовую улицу, о которой уже известно, что это никакая не улица, а проходящая там рельсовая дорога, по ней Ранд возит шлам, а за ней — камыши, за камышами — вода, дальше немецкий яхт-клуб, бухта, эстонский яхт-клуб, потом весь остальной мир.

Влетел Король во двор дома Землянички — она внешне вполне пригожая, эта Валве, хотя, по мнению Его Величества, далеко не земляника, — поднялся по лестнице на второй этаж и постучал, как его учили еще тогда, когда он был маленьким. Однажды еще в

Главном городе он ворвался в спальню Хелли и Алфреда в тот момент, когда они в кровати боролись. Он постучал еще раз, еще, но Земляничкину дверь ему никто и не думал открывать. Значит, их здесь нет, дошло до Короля, но где же они? Он снова побежал в небесно-синий дом, там по-прежнему никого не было. Постучался в дом Калитко, Мария сказала то же самое, что приходила Земляничка и они с Хелли ушли. А Бенита с Валью на праздник пошли, а Жорж неизвестно где, и если он, Король, проголодался, то пусть войдет, она его накормит, у нее есть манная каша с малиновым киселем.

Не хотел Король киселя, ему поговорить надо было, а Валдур и Свен остались в лесу, Карп же неизвестно где, к Арви идти не хотелось — к этому пропорциональному. Решил податься на пастбище за Тори-реку, к Лонни с Антоном. И Король помчался туда, там между кочками тоже можно было поискать чайкины яйца. Однажды Король наблюдал, как аист на Тори-реке ловил лягушек и проглатывал их. Там можно еще половить раков.

Лонни была Королю симпатична. Она, конечно, своеобразная, это так, ходит босая и красит ногти на ногах, но она по вечерам играла одними указательными пальчиками на рояле в ресторане «Закатный» темпераментные фокстроты и другие танцы и барабанила их лихо до закрытия или до утра, выпуская беспрерывно дым изо рта, где постоянно торчала папироса. Дымила Лонни как паровоз. Лонни знала всю мировую музыку и играла без нот. Когда играют только двумя пальчиками, указательными, то без нот можно, когда же всеми — некоторыми, Король видел, играют всеми, — то с нотами надо.

Лонни сидела на ящике в камышах и варила раков. Антона не было видно, потому что он-то этих раков и ловил. Горел небольшой костерчик, дымил, и

Лонни дымила папиросой. Она хорошо относилась к королевской особе, хотя вообще-то она была не очень приветлива, на все вокруг ее темные глаза смотрели хмуро и как будто с некоторым подозрением. Единственно когда играла на рояле, то светлела. Король, бывало, ходил ее слушать в ресторан Закатного леса, это было ему доступно именно потому, что ресторан в лесу находился и летом танцевали перед рестораном на вымощенной каменными плитками площадке, здесь же стоял и рояль. Конечно, были здесь и более профессиональные пианисты, которые играли всеми пальцами. Но публике Лонни нравилась и хозяину, наверное, тоже, потому что другие пианисты требовали плату, Лонни же играла бесплатно, если не считать пива, которое она употребляла в приличном количестве. Лонни потому и относилась хорошо к Королю: ей нравилось, что этот небольшой высокородный господин так ценит ее мастерство.

Конечно, Король не стал рассказывать Лонни о празднике, она и сама все знала и видела, парашютисты и отсюда были видны. А ресторан... Туда ей сегодня не идти, там много пьяных, а Лонни их не переваривала. Бывало, к ней пробовали подступаться с бестактными предложениями — Лонни так по морде съездит... Рука у нее была, как у боксера Раадика, чемпиона мира. Мужики ее побаивались.

— Ешь раков,— буркнула Лонни Королю. Она не любила длинных речей, не любила лясы точить. А была Лонни еще молода, ей едва исполнилось двадцать, это лишь для Короля она была старая. Говорили, что Лонни — дочь старого Ранда, который шлам возил. Король это не мог знать, а спрашивать не хотел, он до всего любил доходить своим умом, это у него с детства такая привычка.

— Спасибо! — сказал Король и начал грызть рака.

Таким образом, не увлекаясь болтовней, они сидели с Лонни, Король грыз раков, в шесть часов появился из камышей Антон, и они начали выгонять с пастбища коров. Наступил час вечернего коровьего хода.

Но как в этот вечер хохотала Лонни! Как она смеялась! И как была красива! Бенита, дочь Калитко, красивая — это все говорили, и ее подруга Илона тоже красивая — тоже говорили об этом люди. Они одевались модно, шелковые чулки и туфли на высоком каблуке. Король не мог себе представить Лонни в туфлях, да еще на высоком каблуке... Но если бы Лонни модно оделась! Э нет! Не станет она так одеваться. Король однажды ошивался около ресторана, когда там была уборка. Лонни тоже была и поначалу играла. Потом девушки-официантки и повариха сели за стол, стали вино пить и неприличные песни петь о том, как на мельнице в комнате дочки кто-то мешок оставил, как ночью этот мешок, когда все спали, в углу зашевелился и двинулся к кровати мельниковой дочки и о том, что было дальше, да с припевом: «А чиммай рууди ралла!» Лонни тут же встала и ушла, она все эти штучки не любила, хотя и ходила босая, в навозе испачканная. Король подумал, что если бы его избранницей была не Эльна, то, конечно, только Лонни! Но не Лоннины были те глаза, которые следили за ним неотступно с лица Эльны. А вот чьи? А Лонни...

Как же она в тот вечер хохотала! Казалось, от смеха лопнет.

Да, коровы пошли домой. И люди из Закатного леса, нагулявшись, тоже возвращались по домам. Многие шатались и пытались петь, и даже пели, и по-эстонски, и на русском языке, а вообще-то разобрать было невозможно, поскольку это и пением со словами и каким-нибудь правильным мотивом назвать нельзя. А оттого что коровы слились с возвращавшимися из леса людьми, они приняли людей за своих и стали

«подпевать», так что все мычали: и рогатые и безрогие. А Лонни хохотала.

— Иисус Мария! — стонала она от смеха. — Такое кино я сроду не видела, чтобы и пожарные мычали, и господа...

Коровы такого адского шума испугались, их понос пробрал, и они всю дорогу загадили, так что и гуляющим и шатающимся досталось. А поскольку все они смешались, люди шли, обнимая коров, и одинаково мычали, то горожане, которые своих коровушек обычно узнавали по мычанию, теперь были не в состоянии распознать, кто есть кто. Лонни хохотала. Хохотал и Король...

Он пришел домой, когда и солнце уже прилично устало и смотрело прямехонько на заднюю дверь небесно-синего дома. Хелли и Алфреда по-прежнему дома не было, и Король не знал, что и подумать, это было ни на что не похоже! Никогда такого еще не бывало, чтобы он искал старших, обычно наоборот — они искали его. Что они себе позволяют?! Ведь действительно, надо же кому-то побеспокоиться о том, что Его Величество и проголодался... А если бы не было доброй Марии Калитко, а если бы Король раков не наелся? Да, если бы не было раков?

Уставший немного от такого сумбурного дня, Король прилег в своей комнате на кровать не раздеваясь и вскоре заснул. Снились ему ромашки, падающие с неба в море, и коровы. Пьяные, помахивая хвостами, остервенело мыча и плача, они шли, шатаясь из стороны в сторону, поднимали тучи желтой пыли, а Лонни хохотала и расшвыривала босыми пятками коровьи лепешки. Шум и крики заполнили все вокруг. Наконец, эти крики разбудили Короля, и оказалось, что в комнате темно, потому что уже ночь. Только что ему снились мычащие коровы, сейчас же шум доносился из спальни Хелли и Алфреда.

Король лежал с открытыми глазами, прислушивался к яростным выкрикам Алфреда и к плачу Хелли. Он понял: нечто страшное происходит в доме. Дрожа он встал с кровати, подошел к полуоткрытой двери в спальню и сунул в нее голову. В этот момент Алфред ударил рыдающую Хелли по лицу, и та, не удержавшись, упала на пол.

— Не виновата я,— плакала Хелли,— я только с ней пошла, чтобы ее проводить, она меня сама просила. Этот офицер к Валве уже в парке подошел, он шел с нами, но никто его не просил, ну честное слово.

Алфред не слушал ее, продолжал осыпать бранью, произносил такие слова, которые — Король в них теперь уже отлично разбирался — никому произносить не положено. Ведь сам же Алфред его учил: «Не всякое слово сказать можно, слов много... разных, но, услышав новое слово, посмотри сперва в словарь, чтобы понять его значение, а если в словаре его нет, заткнись».

Хелли плакала, и Король, стоя в дверях, тоже заплакал. Увидев его, Алфред рявкнул:

— Ты что здесь торчишь, марш спать!

Король отправился обратно в свою комнату, но спать... Как бы не так! Да и как тут уснуть... Сердце его оцепенело, и мысли, какие-то болящие мысли овладели не только головой, они всем организмом завладели. Он вдруг как-то по-особенному остро ощутил, как дорога ему Хелли, которая ползала там, в спальне, на коленях. Она, конечно, строго к нему относилась, но всегда справедливо, уж это-то он в глубине души понимал. А как ей приходилось много работать для них — Алфреда и Короля, а теперь Алфред бьет ее за что-то, хотя она, Король не сомневался, не виновата. А сам Алфред!..

Как радовался и гордился Король всегда, когда казачики удивлялись мастерству Алфреда, как они аха-

ли да охали, гладили полированные столы, изумлялись умело подобранному рисунку, а Король был доволен: это его Алфред — такой умелый мастер!

Да, ему было очень жаль, что такой хороший мастер... А ведь только он один, вспомнил опять Король, сумел тогда на Сааре сложить деду Юхану и Ангелочку новую печь — ни Хуго, ни Манчи этого не смогли. И такой хороший, умный мастер... А ведь Алфред, не мог не вспоминать Король, и братьям своим по велосипеду подарил, хотя и не был богачом, разве можно об этом забыть! И такой заботливый человек теперь бьет Хелли! Почему такая несправедливость?

Король лежал на своей кровати, и слезинки скатывались на подушку, а тут еще и Эльна стала крутить с Виктором Трейманом. Он их видел вместе в Закатном лесу. Обидно! Этот Трейман еще больший драчун, чем он, Король, и это было ему хорошо известно, поскольку он и сам от Треймана тумачков отхватил. Единственно этого Виктора Треймана да еще его друга Валентина Транстока Король и побаивался. Валентин хотя и прихрамывал, но тоже дрался здорово — обидно все! Одно к одному.

Еще долго раздавался в спальне Хелли и Алфреда громкий разговор, но к утру все образовалось лучшим образом. Алфред был необычайно приветлив, особенно с Хелли, ласков, даже нежен, и Король сообразил: видно, было какое-то недоразумение, а теперь они все выяснили, и Алфред понял, как был несправедлив. Король не мог знать, что был свидетелем вполне распространенного явления, когда терроризирующий безвинного приобретает кажущееся право на превосходство.

Насколько подобное лжеблагородство обманчиво, Король убедился в тот же день после обеда. Его ториская команда в лице Валдура и Свена с криками «ура!» восторженно доложила ему об открытии в этом сезоне железнодорожного движения грязелечебница —

Птичий залив. Это значило, что старый Ранд и его лошадь начали возить шлам. Пассажиры стремглав побежали на «станцию» — на Садовую улицу дожидаться «поезда», а сюда на Садовую, как известно, выходила калитка из сада Землянички. Каково же было удивление Его Величества, когда сквозь деревянные прутья он увидел — хорошо еще, что этого не заметили пассажиры, — Алфреда и Земляничку. Они стояли обнявшись и целовались. Вот уж такого Королю и во сне не могло присниться! Он был до того потрясен, что чуть было не ринулся к ним. Затем повернулся и поспешил прочь, за ним бежали ничего не понимавшие друзья. Он объяснил, что ему расхотелось ехать на «поезде». Пассажирам некогда было выяснять причину резкого изменения в настроении своего предводителя, как раз подъезжал состав, и они вскочили на вагонетки. А Король присел в камышах, чтобы прийти в себя.

Такого вероломства от Алфреда он не ожидал, это не укладывалось в его понимании. Как они целовались! Такое он раньше только в кино видел, после чего ему представлялось, как он сам целуется с Эльной так же долго и крепко, он не мог только понять, зачем надо так долго, как это делали те, в кино... А теперь он увидел, как Алфред с Земляничкой так же долго целовались. Ему снова на мгновение почудилось, как он сам обнимает Эльну, но — что за наваждение? — глаза у Эльны были опять чьи-то чужие, а тут же ему представилось, как Эльну, так же как Алфред Земляничку, целует и обнимает Виктор Трейман — тьфу! У него стало горестно на душе.

Король не знал, как ему теперь быть: рассказать об увиденном Хелли или не рассказать? Он подумал, что если расскажет, то получится, что он ябедничает, а Алфред и Хелли сами ему в свое время разъясняли, что это нехорошо. Так делал в Звенинога Эдгар с ху-

тора Кооли, когда они жили в Убольшойдороги, хотя он и говорил правду, хотя и учил Алфред Короля ремнем кое-каким общественным наукам. Да, но не рассказать — стать сообщником в тайном деле и предать Хелли. Как же быть? Но Земляничка! Кто бы мог подумать! Как она любезна с Хелли, приходит к ней в гости, как лучший друг...

Но Эльна! Кто бы подумал, что она такая предательница... Предпочитает одного драчуна другому! Коварство и вероломство! Да, он уже и раньше подумывал об этом, следует жить одному, от всех отдельно. Другого выхода нет.

Королю было грустно до слез. Понутив голову, он поплелся куда глаза глядят. Ноги его тащились сами, без королевской на то воли, в направлении Каменного моста. Шел он, ничего не видя вокруг, как сонный, и даже испугался, когда неожиданно перед ним прогрохотал чей-то бас:

— Что нос повесил, солдат?

Неподалеку от тротуара стоял грузовичок, а сам Карп тряс изумленного Короля за плечо. Как же Его Величество был рад! Это был именно тот человек, который в настоящую минуту больше всего был нужен Королю. От радости у него даже глаза увлажнились, и Карп прогрохотал:

— Что это такое, а? А пошли-ка, друг, а то ведь мне ехать надо, приказ, брат,— он потянул Короля в кабину грузовичка.— Давай я тебя прокачу,— сказал он,— а ты рассказывай, как живешь.

Он завел мотор, и Король начал говорить о своих сомнениях. Слова рвались из него потоком. Он рассказывал о своих огорчениях, забыв о том, что Карп ничего не понимает по-эстонски. Но Карп, казалось, понимал:

— Ой, ой, ой! — то и дело восклицал Карп.— Ай, ай, ай!

И Король, видя, что его понимают, что с ним соглашались, все говорил и говорил: что пойдет он жить в дом, который у реки Тори, поселится там на веранде и будет читать книги, которые ему дает Морской Козел — у того хорошая библиотека, много интересных книг, не хуже, чем у Арви, а Морской Козел вообще-то не виноват, что его мама Морелоо, одним словом мурло, и ходит на высоких каблуках с разными кавалерами, отчего все мальчишки над Морским Козлом издеваются; так что все женщины — и Эльна тоже — легкомысленные, кроме Хелли Мартенс, Ангелочка и...

У Короля вдруг словно дыхание перехватило, его пронзила догадка: он узнал глаза, непрестанно за ним следившие, это же глаза Марви, той длинноволосой подружки Эльны. Да, это были ее серые, задумчивые и очень серьезные глаза... Королю стало почему-то ужасно весело. Словно поняв, что Королю уже весело, Карп заразительно, как всегда, засмеялся. Они смеялись неизвестно чему — лету, солнцу, ветру, радуясь жизни. Они заливались долго и с наслаждением, это была радость — этот смех, и снова два колокола били басом и дискантом, били-звенели долго, а женщина-рыба на руке Карпа подпрыгивала и дрожала в такт их хохоту. Карп привез Короля на то место, где подобрал, они распрощались. Король глядел вслед грузовичку вполне успокоенный и довольный, и, главное дело, он знал, что Эльна — пустяк, он ее никогда не любил вовсе, потому что любит он другую — он Марви любит, и как же можно было столько времени оставаться таким дураком?!

А в небесно-синем доме жизнь продолжалась. Алфред по-прежнему был добр ко всем, а к Хелли особенно. Одним словом, он стал таким же, каким был раньше, — отцом семьи, работал, учил, запрещал, одобрял, принимал гостей. Приходили доктор Килк и Адела Килк, Тайдеман. Слушали «Филипс», не пото-

му, что у них не было радио, а потому, что не было с кем поговорить о политике. Так что все приходили говорить и жаловаться.

— Такие времена...

— Да, сложное время...

— И чем все это кончится?

Карла, конечно, был самым знающим в политике. Он объяснял Килку и Алфреду, что эстонцу должно быть все равно, какая там политика у русских или у немцев, поскольку ни те, ни другие ему не родственники.

— Но им, видите ли, не все равно,— возражал Килк,— потому что живут эстонцы у моря и места здесь хорошие. Из-за этого-то все и происходит — здесь благодать!

— Дело вовсе не в том,— объяснил Карла.— А в том, что через Эстонию открывается для немца путь в Россию, а именно русских он и хочет сожрать, хотя и друзья на сегодняшний день вроде. Друзья, они и есть самые опасные.

Король, вспомнив Земляничку, с этим согласился.

— Потому мы и немцу нравимся,— продолжал Карла,— но и русский тоже имеет основание нас любить, раз мы в таком месте поселились. Будь ты хоть сто крат нейтрален, все равно под ногами путаешься. А что места хорошие — они и в других широтах есть неплохие. Вот Швейцария,— объяснил Карла,— не больше нашей, а шпионами отовсюду кишмя кишит, но она может быть нейтральной, потому что расположена так — никому не мешает. Нас же одни «окном» называют, другие норовят, как дверь, пользоваться.

— Да мы сами нейтральными и быть не можем,— рассуждал Килк.— Вот же наш приятель Векшель — служил «Филипсу», теперь русским, а случится, так и немцам послужит.

— Конечно,— засмеялся Карла,— так оно и было

все эти восемьсот лет. Политика и его касается постольку, поскольку прибыли приносит. Чтобы жить безбедно, не тужить, богатством обзаводиться, чтобы как люди... Тогда какая разница — немец или русский? Если ты сам... эстонец. Кто тебе ближе? Немец или русский? Кто тебе более родственен? Ни тот, ни другой. Самый твой родственник — ты сам.

— Один американский профессор создал интересную статистику войн, — рассказал Килк, — и подсчитал, что в мире за две с половиной тысячи лет было девятьсот две крупные войны и одна тысяча шестьсот пятнадцать революций или других внутренних войн. Самый воинственный народ испанский — шестьдесят семь процентов времени из своей истории Испания была в состоянии войны. За Испанией — Греция, в ее истории войны занимают пятьдесят семь процентов. Затем идут Англия, Франция, Россия, Италия, Германия, а Эстония вообще никакого места не занимает, потому что эстонцам больше других в лесах приходилось отсиживаться, прячась от набегов всяких иноземных благодетелей.

— Русские и немцы предлагают на выбор свою политику, и каждый уверяет, что защищает интересы рабочего человека, — поди разберись. Судить-то можно, только когда убедишься, а как убедишься, если... жив не будешь. Да и эстонцы — кто тут рабочий, а кто нет, они и сами не знают. Алфред — рабочий, но он же может и хозяином стать.

— А ты, Тайдеман, сам-то кто? — спросил Килк с иронией в голосе.

Тайдемана его вопрос ничуть не смутил, и он спокойно ответил:

— Я живу себе, как удастся, экономно живу, главное — экономия.

Хелли в разговорах о политике участвовать не любила. Она была уверена, что болтать про политику —

не их дело, потому что все они — люди маленькие, а маленькие люди политикой не занимаются, маленькие люди должны работать, и ничего больше. Она ежедневно отчитывала Короля за то, что тот неизвестно где пропадает, и когда Король совершенно авторитетно во всеуслышание заявил, что хочет жить в доме у реки, то Хелли была против. Алфред же, как ни странно, встретил это заявление с пониманием:

— Пусть живет... на веранде. Уже тепло. Я тоже в его возрасте мечтал о свободной жизни. За помещением заодно посмотрит, мало ли...

Хелли, конечно, запротестовала: а вдруг что-нибудь случится? А как он будет своевременно питаться? А ночью, когда темно? А вдруг...

— Пусть привыкает жить самостоятельно, — решил все сомнения Алфред, — а питаться будет приходиться, опоздает — без еды останется. Это его и к порядку приучит. Осенью, когда пойдет в школу, сюда вернется.

И Король Люксембургский поселился в доме у реки на веранде. Здесь ему постелили постель на старой деревянной и скрипевшей кушетке. В часы, когда солнце уходило на покой, лежать в этой постели было приятно. Солнечные лучи падали на разноцветные стекла, и внутри все становилось разноцветным — красным, желтым, зеленым; а за верандой протекала река Тори, по утрам и вечерам Король слушал, как мычали коровы, проходящие по Каменному мосту во владения Лонни.

ГЛАВА XII

Король и Карп обнаружили у себя одинаковое увлечение — кино. Король не часто посещал кинотеатр, тем не менее этот вид искусства он признал не скоро. В точности он не мог сказать, сколько ему было лет, когда Алфред и Хелли повели его в кино в Главном

городе. Он прекрасно помнит, что фильм был отвратительным, и едва дождался конца этого издевательства. Его утомили весь этот шум, это мелькание красок, какие-то люди на экране, которые что-то делали и кривлялись, бессмыслица и безобразие, одним словом. Он просил его отпустить, но с ним не посчитались...

Здесь же, в городе Журавлей, его однажды повел в кино Карп. Не в кинотеатр «Скала», принадлежащий богачу-миллионеру из русских Загорскому, у которого рядом с кинотеатром был роскошный двухэтажный особняк, впоследствии в нем поселился какой-то адвокат, поскольку миллионер убрался за границу. Нет, Карп повел Его Величество в большой дом во дворе лимонадного завода на Парковой улице, здесь был клуб русских военнослужащих и за кино денег не брали.

Король даже не предполагал, что кино может ему понравиться. Показывали войну. Одни солдаты стреляли в других. Одни наступали, другие отступали. Потом наоборот. Убивали и расстреливали. Он посмотрел фильмы «Мы из Кронштадта», «Чапаев» и другие. Самая большая трудность для Его Величества заключалась в том, что он никак не мог сразу решить, на чьей быть стороне: и те и другие были для него, в сущности, одинаковые, одинаково одеты, одинаково вооружены и говорили на одном языке. Карп, сидевший рядом, то и дело ему объяснял: «Это наши». И тогда Король переживал за успехи и неудачи тех, за кого был Карп. Очень скоро все опять спуталось. Когда же Карп громко смеялся вместе с другими солдатами в зале, то и Король давал волю своему колокольчику.

Однако и в «Скалу» они с Карпом, бывало, ходили, когда Карп находил время, а что у Карпа имелись деньги на кино, это Королю казалось само собой ра-

зумеющимся. Здесь они смотрели тоже малопонятные фильмы, порою на удивление дурацкие, по их мнению, вещи. Однажды, например, в киножурнале показывали соревнования по сидению на столбе. Женщины в шляпах, с зонтами, в длинных платьях, с журналами в руках, модно одетые мужчины сидели на высоких столбах, иногда их кормили друзья и родственники, подавая еду на длинных палках. Люди на столбах читали книги, играли на гитарах, пели, и так по несколько суток. Кто победил, Король и Карп так и не узнали. Ну, разве не глупое это дело?

Король теперь говорил Карпу «товарищ», и Карп к нему обращался так же. Это потому, что в газете напечатали объявление: «Господин» и «госпожа», как обращения буржуазные, заменяются обращением «товарищ» независимо от пола человека, к которому обращаются».

Газетные новости Король узнавал теперь в торжественной комнате, где по вечерам собирались Алфред, Хелли, Тайдеман, доктор Килк или кто-нибудь еще. Не все было доступно пониманию Короля. Например, когда говорили, что где-то в Нарвской волости создан первый колхоз, который назван «Навстречу счастливой жизни». Здесь Королю все было непонятно: что такое колхоз? и почему «Навстречу счастливой жизни»? Наверно, это было смешно? Потому что все над этим сильно смеялись.

Смеялись и над тем, когда читали вслух о том, что в человеческом организме уже с рождения заложено свойство — приспособляемость, от которого трудно избавиться; что в городе Журавлей уже давно распорядились завести в учреждениях и магазинах книги жалоб, что решение вступило в силу полтора месяца назад, правда, книгами жалоб не спешат обзаводиться; что из склада Э. Т. К. магазинам отпускаются товары для распродажи, но они частично в магазины не

поступают, вместо товара в магазины поступают деньги за них — с такой вот приспособляемостью, превратившейся в привычку, человеческому организму трудно бороться.

В торжественной комнате обсуждался закон по борьбе с экономическим саботажем — Королю опять непонятно, — за который виновных наказывают конфискацией имущества и заключением в тюрьму. Его воображение поразило сообщение, вычитанное взрослыми в газете «Наша Земля», которая стала называться «Голос Острова», про говорящие часы в Ленинграде: человек может позвонить по какому-то номеру по телефону и часы человеческим голосом сообщат, сколько времени. Особенно же много «Наша Земля», она же «Голос Острова», стала перепечатывать материалов из российских газет. В «Известиях» писали, что эстонский народ может теперь выпрямить спину. Международных событий, правда, уже почти не освещали, иногда лишь давали короткие, скупые сообщения. Да и где поместить просторные, если в каждой газете много места занимали портреты вождей и картинки под заголовком «Победоносная дорога социализма», изображавшие счастливую жизнь в Советах.

Людам в торжественной комнате было смешно. У Короля то, что им было смешно, вызывало грусть.

Они говорили, будто у русских все ненастоящее: спортсменки толкают ядро на рекордные расстояния, потому что оно... внутри полое. В магазинах у них нет продуктов, а богатство на витринах... деревянное. Офицеры велосипед называют... машиной; их жены ходят по городу в ночных сорочках, принимая их за бальные платья; солдаты знают только три песни: «Широка страна моя родная», «Кипучая, могучая» и «Катюша». Еще много всякого говорили: как они хвастливы, эти русские, как любят, чтобы их считали ум-

ными. Все, что бы они ни делали,— делали плохо: все у них разваливается или совсем не получается, почти как в кино «Волга-Волга», которое они с Карпом смотрели. И выходило, что русские совсем ненастоящие люди. Королю же было обидно, потому что у него был настоящий друг — Карп, но защитить друга он не мог, и от этого становилось грустно.

Когда он валялся на своей кушетке на веранде и любовался солнечными лучами на стеклах, ему приходила в голову тревожная мысль: когда я буду большим, кто меня тогда будет защищать? Сейчас он себя чувствовал в безопасности, потому что знал: Алфред его защитит. Он не мог себе представить, что жизнь может стать совсем другой, хотя инстинктивно ощущал, что когда-нибудь не будет ни Алфреда, ни Хелли, еще раньше не станет Ангелочка и Юхана. Он думал о смерти. Он видел однажды похоронную процессию, даже заходил в церковь и смотрел на покойника в гробу и на людей, стоящих вокруг со скорбными лицами. Людям, по-видимому, было жаль покойника, но Король ничего не чувствовал. Что такое смерть?

Да, трудностей в настоящей зависимости от многих и многого в жизни хоть отбавляй, но все-таки теперь она надежнее, чем когда ты один и кругом полная неизвестность.

В середине июня соседний мальчик Алберт позвал Короля поехать с ним на Абука, на свою родину. Король согласился, он еще не бывал на Абука. С Алфредом они ходили мимо на парусах брать угря, и Алфред говорил, что на Абука ореховые леса, в них ходят, совершенно никого не боясь, лани и козы, лисы и зайцы; что Абука всего километра три вширь, а длиной немногим больше, что там целая деревня.

Из этой деревни и был родом Алберт, а также его строгие отец и мать. Родители Алберта были рыжие,

Кто-то сказал, что красноголовые — очень вредные люди. Алберт и Анна не были вредными, а были очень даже скромными и доброжелательными.

Поехали на Абука с Янусом — молодым рыбаком, который ухаживал за сестрой Алберта Кларой уже седьмой год, а Клара его за нос водила, хотя Янус, по мнению Алберта, неплохой парень. Алберт помогал ему возиться с мотором — что-то прикрутил, что-то отпустил, и, скорее всего, никакой помощи Янусу не нужно было: надо же было Альберту показать свою осведомленность в «корабельных» моторах.

Король же валялся на маленькой палубке на носу моторки и смотрел в воду, на то, как менялся ее цвет в зависимости от глубины и водорослей. Море в то утро было тихое, почти без волны, утреннее солнце приятно грело голые пятки Его Величества, настроение создалось романтическое.

Издали остров казался сказочной страной восходящего солнца. Король разглядел зеленые ковры лугов и лесов, среди которых виднелись выкрашенные в яркие краски дома, красные, белые и голубые. Прибрежная полоса моря и суши была усеяна маленькими и большущими, величиной с дом, валунами. Король с лодки глазел на приближающийся остров, который на утреннем солнце выглядел как-то по-особенному свежим, и ему казалось, будто он действительно видит кроны высоких пальм, под которыми расхаживают жирафы, антилопы бегают стайками и леопарды лениво позевывают, возлежа на толстых ветках хлебного дерева; тут же бегают страусы и обезьяны свисают с пальм, зацепившись длинными хвостами.

Потом оказалось, что дома в деревне не были особенно яркими, это Королю так только показалось. Дома как дома, такие же, как везде в деревнях на Ос-

тровой земле, как и в Звенинога, то есть обыкновенные хуторские дома. Так же и отчий дом Алберта ничем особенным не отличался. Клара, конечно, не была американской кинозвездой, похожей на ту, в которую Король не так давно был влюблен,— высокая, худенькая, рыженькая, веснушчатая, быстрая в движениях, сероглазая, приветливая, она в конце концов Королю понравилась.

Конечно же их напоили молоком, накормили черным хлебом собственной выпечки. Иначе и быть не могло: абрукским жителям не с руки мотаться морем за каждой мелочью в город. На Абука магазин был, но здесь рыбакам продавали главным образом керосин, рыболовную и хозяйственную утварь.

Король и Алберт бегали в тени высоких деревьев, которые не были пальмами, и хлебные деревья здесь не росли, кипарисы тоже. Что это за деревья, Король не знал даже, они были высоки, перекидывали через дорожки длинные мощные ветви, похожие на огромных змей, сплетающихся в заколдованное, согнувшееся и застывшее тысячелетнее зелено-серебристое чудовище. Когда вдруг через все это переплетение над ними прорвалось солнце — что это была за красотища! И выяснилось, что по обе стороны дороги возвышались огромные древние дубы, а под ними густо рос папоротник и темно-зеленый, иглистый вездесущий можжевельник.

В тот день на Абука купали овец. Это только сказать легко — мыть этих шерстяных. Допустим, было весело, присутствовала вся деревня. Основными мойщицами были женщины, но где женщины, туда нетрудно и мужчин заманить. Поскольку этих блеющих белых, черных, серых и пестрых купали преимущественно молодые женщины, следовательно, и парней здесь было предостаточно, и где еще быть Янусу, если здесь же присутствовала Клара. У моря, на мы-

се, куда пригнали всех овец деревни,— столько смеха! Столько шума! И визга! Одно только было непонятно Его Величеству: как потом узнают люди своих овец? Они же тут все смешались, моющие хватали всех подряд, какая под руку попадет. Женщины стояли в воде по колена, подоткнув юбки. Мужчины и ребята, окружив со всех сторон этих орущих дураков, то есть баранов, теснили их к воде, не давая выбраться из кольца. Баран потому и баран, что ничего не смыслит в пользу гигиены,— упирались они изо всех сил, еще больше, чем сам Король по утрам. Им в воду жутко не хотелось. Возни сколько хочешь, сухими здесь остаться не удалось никому: ни людям, ни овцам.

Королю понравилось на Абука, жалко было уезжать. Но уезжать надо было, потому что должен — опять «должен»! — обязательно пожаловать к ужину, иначе могло случиться, что на его собственной веранде объявится Хелли Мартенс поинтересоваться, отчего это он не соизволит соблюдать договорные обязательства, в которых устно, но отмечено, что явка Его Величества к ужину обязательна, даже если у него отсутствует аппетит. И хорошо, если это будет Хелли, гораздо хуже, если объявится сам Алфред, нечего и думать, чтобы тот явился на королевскую веранду с ужином... Скорее всего, он придет, чтобы преподать какой-нибудь урок.

Король отвлекся наконец от горестных дум об изменчивости женской натуры, связанных с Эльной, которая ему изменила с Виктором Трейманом. Забылся и подсмотренный поцелуй Алфреда и Землянички — пример вероломства.

Все это оказалось второстепенным, ибо настал день рождения Его Величества Короля. Ему исполнилось ровно девять лет.

До этого королевские дни рождения празднова-

лись всенародно, то есть всем обществом, в данное время присутствующим, приглашенных обычно было немного. В последний раз это событие отмечали на хуторе Убольшойдороги, а посему кроме Хелли и Алфреда присутствовали еще Ида и Вилка. В городе, Король не сомневался, народа соберется больше и праздник будет на достойном уровне. Сам он, во всяком случае, о предстоящем событии оповещал всех, кого встречал.

Утром он сбежал к Лонни и Антону на пастбище:

— У меня сегодня день рождения — уже девять!

Затем его пятки замелькали на Морской улице.

Здесь он постучался к Валдуру и Свену и сообщил:

— У меня сегодня день рождения!

Валдур и Свен выразили по этому поводу свое восхищение и поинтересовались, будет ли торт со свечами.

— Может, будет, — ответил Король неопределенно. — В четыре часа, наверное, — высказал он предположение. — Я в четыре родился, тогда во мне было три кило семьсот, так Хелли сказала.

Валдур и Свен еще раз выразили свое восхищение, но на торт не стали напрашиваться, а Король не настаивал, потому что не знал, будет ли торт.

Затем он помчался к Морскому Козлу. Минуточку поколебался: идти — не идти. Решил идти, потому что Козел не Козел, Морской не Морской, но день рождения бывает все-таки нечасто. Козел не выражал восхищения, он даже смутился, спросил недоверчиво: «Да?» — и оставил Короля, ушел в другую комнату. Он принес толстую книгу и протянул Королю.

— Дарю, — сказал Эрих. — Насовсем. Читай. Эта книга для взрослых, мама купила ее себе уже давно и про нее совсем забыла. Здесь интересные картинки...

Морской Козел покраснел и захихикал от смущения.

ния. Книга называлась «Гигиена половой жизни». Королю это название ничего не объяснило — что в ней? Приключения? Путешествия?

— Да нет! — Морской Козел зачем-то перешел на шепот, как будто их кто-нибудь подслушивал. — Здесь картинки, и написано, как все это называется.

Король листал толстую книгу и опять ничего не понимал в этих цветных картинках. Тогда Морской Козел сам ему все показал и объяснял: это вот то — как у тебя и у меня, а это вот, на этом месте, видишь? Это как у моей мамы или у Большой Урве.

Эта Большая Урве была странная: любила слушать, как Арви всякие истории рассказывал про солдата, который в каком-то царстве лечил заболевшую дочь царя, а заодно умудрился «лечить» и царскую жену. Рассказывал Арви дома у Урве, и теми же хорошими словами, за которые когда-то Королю досталось от девочек у Брюкваозера, но Большая Урве дрожала от возбуждения, и, когда Арви ушел — а ее мамы дома не было, — Урве легла в постель и потребовала от Короля:

— Ну, лечи меня!

— А как?!

Король испугался. А Урве лежит и требует, чтобы Король лечил ее. Король побежал от нее прочь. Дура! От чего ее лечить?

— Здесь нарисовано, как это изнутри выглядит, понимаешь? — объяснял Морской Козел картинки.

Король мало что понял, одно лишь он уяснил: эту книгу на всякий случай домой лучше не нести. Он обещал потом ее забрать и побежал к Арви на Парковую улицу. Ему повезло: Арви Сверчок тоже оказался дома. Сидел в дровяном сарае, учился курить. Он сидел на пне с папироской во рту, всасывал полный рот дыма, глотал слюну, отчаянно кашлял, из глаз лились слезы, и Арви плевался. Затем все сначала.

— Сразу не получается,— объяснил он Королю,— сразу ничего не выходит. А ты пробовал потереть пипку? — Он принялся учить Короля заниматься какой-то глупостью.— Вот возьмешься за пипку рукой и начнешь быстро-быстро тереть — станет кошмарно хорошо, вот так...

Арви показал, как надо делать. Король смутился, но тоже стал пробовать, раз это кошмарно хорошо. Но сколько можно! Он даже устал, но ничего хорошего не испытывал. Какая-то ерунда!

— Сразу ничего не выходит...— пропыхтел Арви.

Сжав руки в кулаки, Король стал тереть их друг о друга.

— А вот если так кулаки друг о друга сильно потереть, запахнет мертвечиной,— объяснил он Арви и понюхал свои кулаки.— Во, действительно! Пахнет трупом, на, понюхай!

Арви застыл со своей пипкой в руке, разинув рот.

— Вот дурак! — только и воскликнул.

Конечно, Король не знал, как пахнет труп, так что мог и ошибаться, а этому научил его нукинский Элмар в Звенинога, сказал, что, если руки или кулаки сильно потереть, запахнет трупом. И точно, непонятный запах Король действительно почувствовал.

На Арви сообщение о дне рождения у Короля не произвело должного впечатления.

— А у меня зимой,— сказал он, доставая из пачки папиросу: он все-таки во что бы то ни стало решил научиться курить.— Я зимою родился.

Смотреть, как этот пропорциональный сопливится, Королю надоело, и он ушел прочь отсюда. Эх, вот бы Карпа повидать! Королю стало тоскливо. А ведь он давно сказал Карпу, что ему летом будет девять лет. Кажется даже, что Карп тогда его понял, он же сказал: «А-а!» — растопырил девять пальцев на руках и засмеялся. Потом Карп показал вытянутой ладош-

кой небольшую высоту от земли, около метра примерно, и, смеясь, сказал: «Вася».

Да, Карпа повидать Королю хотелось, но кто знает, где сейчас Карп.

Больше Королю никуда уже бежать не хотелось, пропало настроение, да, собственно, и не было более никого, кого стоило бы оповестить. К Большой Урве он не пойдет, вдруг ее опять потянет лечиться. У рыбного склада повстречалась Тайдеманиха, как всегда завернутая в свое бесменное бесцветное облачение, как всегда, тащила что-нибудь в сторону дома. Обычно это было то, что другие люди выбрасывают, — старые сковородки, куски фанеры, какие-нибудь стоптанные ботинки или стул на трех ножках, а теперь она тащила, мелко перебирая тонкими бесформенными ногами в калошах, большую доску, которая могла бы пригодиться разве что на топливо. И действительно, Хелли как-то заметила Алфреду:

— И чем они топят? Дрова они не покупают... Неужели только тем, что Тайдеманиха тащит?

Тайдеманиха, словно муравей, все время в труде: ищет, тащит то полено, то доску, то фанеру, то железку.

Не станет же Король докладывать Тайдеманихе, что у него день рождения... К Тайдеманихе все взрослые относились с презрительным высокомерием, которое в какой-то мере, естественно, распространялось и на Тайдемана, его тоже считали крохобором, хотя тот нечасто попадался людям на глаза со старьем, но сказать, что он совсем не таскал... Конечно, таскал, но вещи более достойные: то могли быть ржавые лопаты, грабли, найденный топор или кусок якорной цепи, или старые висячие замки — одним словом, в хозяйстве, возможно, нужные.

Встреча с Тайдеманихой испортила Королю настроение, словно крысу увидел, а крысы Королю не

нравились, не нравились ему и кошки. Единственно к собакам он испытывал особое расположение, а кошки казались ему надменными, чересчур важными и лодырями, вечно они спали и умывались, что говорило не столько о их чистоплотности, сколько о чрезмерном внимании к своей особе.

Около небесно-синего дома стоял грузовик с брезентовым фургоном, похожий на тот, который водил Карп, и Король сильно обрадовался. И удивился: Карп обычно приезжал в тот дом, где находилась мастерская, в небесно-синем доме он еще не бывал. Король решил, что непременно покажет ему свою собственную веранду.

Во дворе у всегда закрытой кузницы стояла Мария Калитко.

— У меня сегодня день рождения,— сказал ей Король и поздоровался. Мария стояла как будто без дела и озабоченно смотрела на Короля. Словно очнувшись, она ответила:

— День рождения?.. Сегодня же война началась... Но поздравляю тебя. А у вас солдаты.

Значит, Карп с кем-то, не один пришел, решил Король, и влетел в дом. Но здесь были два солдата, Карпа не было. Здесь еще был господин Векшель. Они были заняты упаковкой их «Филипса» в ящик. На Короля никто и внимания не обратил. Хелли дома не оказалось, стирала в производственном доме. Алфред выглядел хмуро, солдаты сидели тихо на стульях и говорили между собой на языке Карпа, которого Король не понимал. Карпа он понимал, но сам его язык для Короля непонятен.

— Вы зря беспокоитесь,— объяснял господин Векшель Алфреду,— к тому же вы не единственный, у меня полный грузовик — во всех домах радиоаппаратуру собираем, таков приказ из Главного города. А то, что у вас за него еще до конца не выплачено,

пусть вас не волнует, потом, когда вернем, доплатите.

Алфред закончил паковать, он забивал ящик тоненькими гвоздиками и молчал. Векшель, покашливая, почесывал лысинку, завел разговор о другом.

— А, скажите, эти ваши соседи... Я имею в виду не Калитко, с ними понятно, это наши, с Украины... Кстати, не знаете, отчего и когда они здесь поселились? Любопытно вообще-то. Наверное, в восемнадцатом, да? Ну, неважно. Но я думаю об этих здесь наверху, Тайдеманы, они — немцы?

Векшель уставился на Алфреда.

— Наверное, потомки какие-нибудь, фон-бароны?

— Какие бароны?! — махнул Алфред рукой. — И немцы они, так сказать, можжевеловые, просто старые скряги, крохоборы...

— Однако три дома... — промолвил Векшель задумчиво. — Крохи немалые, и сдают ведь. Да, сколько еще несправедливости в мире! — вздохнул он, перебирая бумаги в портфеле. Затем достал листок и подал Алфреду.

— Подпишите, вот... Когда эта возня кончится, получите обратно, не сомневайтесь. А кончится это быстро, здесь вам не Париж, здесь не Австрия какая-нибудь. Но кто бы мог подумать! Такая наглость! При таких-то взаимоотношениях да нападать... Однако берите, ребята, нам пора.

Произносил он русские слова деревянно, но солдаты его поняли. Они взяли ящик с «Филипсом» и вышли. Распрощался и господин Векшель.

Только они ушли, пришла Хелли.

— Так... увезли?

Алфред сидел молча, смотрел в окно, и Король смотрел в окно, а за окном был красивый день, было солнечно и тепло, потому что лето в этом году выдалось исключительно теплое. Хорошо было за окном,

Королю хотелось туда. Он никак не мог понять взрослых, способных целые дни сидеть в помещении, читать или чем-нибудь пустяковым заниматься, например вязать, когда на улице движение, звуки, запахи, краски — жизнь. Но Алфред не видел солнца и не почувствовал тепла: война коснулась теперь и их.

— Надо спрятать твои фотографии, — сказала Хелли и принялась доставать альбомы и вынимать из них фотографии Алфреда, те, на которых Алфред был заснят в военной форме. Хелли завернула эти фотографии в бумагу и вышла из дома.

— Повесу к Калитко, Мария их спрячет, они русские, к ним-то не придут обыскивать.

— Почему, собственно, должны обыскивать? — пытался возражать Алфред, но опять махнул рукой и повернулся к окну.

— Уж лучше так, такое время, — Хелли пошла к Калитко.

А Король думал, что хорошо, когда соседи русские, можно отдать что-нибудь спрятать. Но как же его день рождения? Он смутно догадался, что торта со свечками не будет, война отменила.

ГЛАВА XIII

Война отменила не только день рождения Короля, но он мало что знал об этом. В торжественную комнату его не пускали, разговоры в ней велись при закрытых дверях, так что и подслушать не всегда удавалось. Собирались люди к Алфреду так же, как в те дни, когда был «Филипс». Говорили про речь Молотова — кто таков? В газете, естественно, напечатали приказ о мобилизации, и стало ясно, что если родившиеся от 1906 до 1918 года подлежат ей, то и Хуго мобилизуют, а Алфред пока что «сорвался с ост-

рия ножа» в лучшую сторону, поскольку ему повезло родиться на год раньше. Везде по городу был расклеен приказ нового городского головы. В нем запрещалось собираться в парках, на улицах и площадях. В случае неожиданного воздушного нападения сигналом тревоги считался долгий гудок паровой мельницы, конец тревоги означали короткие гудки.

Потом военный комиссариат обязывал к двадцать шестому июля всем владельцам мотоциклов сдать их в отделение милиции к десяти часам независимо от того, исправны они или нет, а за недоставку — к ответственности. За этим последовало другое распоряжение: в течение сорока восьми часов населению сдать все огнестрельное оружие, мечи, сабли, шпаги, ножи, кроме хлебных. Вскоре опубликовали очень неприятный для Его Величества указ, который звучал так: «запрещается выезжать из города на велосипедах, нарушители указа отвечают по законам военного времени». Сам этот указ Королю неприятностей не причинял, но его последствием стали нарушения, потому что, когда закона нет — нечего и нарушать, когда же его создали, появилось что нарушить. Когда же этот указ нарушили, появились основания для нового указа, а его исполнение приводил в действие все тот же господин-товарищ Векшель, который опять разъезжал с солдатами на грузовике по городу и собирал велосипеды, как до этого радиоаппаратуру. Алфреду взамен он дал еще одну бумажку, а Король... Он уже почти прилично научился кататься на велосипеде и планировал дальние экспедиции.

Это было не последнее огорчение, вызванное войной.

Через замковый парк прохода не стало, входы в него охраняли часовые, которые говорили «нельзя». Люди стали вести себя странно, разговаривали ше-

потом, всегда спешили, на ночь глядя из дома выходить остерегались. Королю было непонятно, почему пропали президент и Лайдонер. Говорили, что их арестовали за то, что они финнам, когда Советы урок давали, подарили подводную лодку, а Король отдал бы полжизни, чтобы хоть однажды увидеть подводную лодку.

Что там подводную! Если раньше в бухте можно было хоть на ялике погрести, теперь везде лодки оказались на замке, а рыбачью пристань обтянули колючей проволокой. Такого в городе Журавлей раньше никогда не бывало.

Все равно лодки исчезали и тут и там. Из некоторых домов за ночь неизвестно куда пропадали люди, а вещи оставались на месте, заходи и бери что хочешь — никто не обидится. К Алфреду уже не ходили в гости слушать, как он играет на аккордеоне, не заходил даже доктор Килк. Единственно главный советник Карла Тайдеман нет-нет да и заглядывал ненадолго. А Король продолжал бегать по своим делам, но ему не пришлось больше наслаждаться независимостью на веранде: на этом настояла Хелли, и Алфред с ней согласился. Королю пришлось снова довольствоваться комнатой и постелью в небесно-синем доме. Не только Короля огорчало такое решение сильных в мире окружавшем, но и Сесси. Когда же Его Величество проживал на веранде, к нему однажды заявились неожиданные гости — Сесси и Антс с хутора Ару. Еще на Сааре Манчи как-то намекал на их привязанность друг к другу, по поводу чего этот борец сеновальный позволял себе даже непонятные Королю шутки. Сесси всегда нравилась Королю своей душевной теплотой и детскостью в характере, она была близка и понятна ему. Антс тоже держался с Королем по-деловому и дружелюбно, к тому же он внешне немного даже был похож на Сесси — овалом

лица, нежным ртом, круглым подбородком и роста небольшого, не выше Сесси.

— Мы к тебе в гости! — воскликнула Сесси, приветствуя Короля.— А позже и к нам придут гости. Ты не возражаешь?

Король был гостеприимен, но угощать гостей ему было нечем. Его удивила просьба Сесси не говорить о их посещении в небесно-синем доме. Подумав же, он решил, что это, вероятно, из-за этих шуток в их адрес, отпущенных тогда Манчи на Сааре. Он сообразил, что ему тоже бы не понравилось, если бы о его чувствах к Эльне... Марви все узнали. А вот на счет угощения... Решил побегать по садам, нарвать яблок. Сады, правда, не входили в состав королевства Люксембург, но яблоки от этого не перестают быть яблоками. Когда он наконец примчался — пришлось наведаться не в один сад, даже собаки попадались, а не все собаки относились к нему, как Вилка, — его ждала уже целая компания, добавились еще две девушки и паренек одного возраста с Антсом.

Все принялись весело грызть яблоки, которые были еще не совсем спелые, в этом краю они поспевают поздно, к концу августа — сентября. А потом новый паренек продолжал читать из тоненькой брошюрки.

— Мирный договор с Эстонией сильно повредил осадной политике Антанты...

— Ты перепутал страничку, — закричал Антс.

— Да, — поправился парень и перевернул страничку.— Мирный договор был подписан в Тарту второго февраля тысяча девятьсот двадцатого года в два часа ночи. Рано утром зазвонил телефон и в квартире Ленина в Кремле, и по прямому проводу ему сообщили о благополучном исходе переговоров.

Мирный договор и Ленин... Непонятно, конечно, но по тому, с каким интересом слушали Антс и Сесси и остальные, Король догадался, что присутствует на

собрании исключительной важности. Он был горд к нему такие взрослые люди относятся с доверием.

Худенькому, веснушчатому, востроносому пареньку надоело читать брошюру, ему, вероятно, показалось, что хотя и слушают все внимательно, но словно заставляют себя и дается это всем трудно, да и утомительно читать, слова сложные, терминология. Он, глядя в брошюру, стал рассказывать содержание своими словами, зная его, по-видимому, наизусть.

— Ленин-то считал, что этот договор с Эстонией — самая большая победа с огромным историческим значением. Ведь на эстонцев кто только не давил... И Колчак и Антанта. Чтобы не пошли мы на мир с большевиками. Но никто нас как самостоятельных, то есть страну... не признавал. А Ленин один и признавал. В том-то и дело.

Все, кто давил, хотели, чтоб опять в России был царь, а Эстония опять стала частью России... Троцкисты и Ленина уговаривали оккупировать Эстонию, наябедничали, что мы якобы хотим с Юденичем идти на Петроград. Но Ленин не поверил. Он сказал: это необходимо десять раз проверить. Ну а мы увидели, что такое дело, и велели Юденичу оружие сдать. Так Красная Армия без потерь избавилась от опасности под боком Петрограда: в одной только эстонской армии было тогда восемьдесят пять тысяч человек, а еще если и армия Юденича...

Антанта осталась с носом, уже не стало возможным торговать нашим «пушечным мясом». Какая-то невидимая невооруженным глазом величина — Эстония перечеркнула планы европейских политиков. Ленин-то сообразил, что интересы эстонцев не совпадут с интересами международного империализма, эстонцы уже почувствовали на своей шкуре лапу Антанты и успели сообразить, что в сравнении с Антантой большевики если и не союзники, то более достой-

ны доверия как соседи, чем империалисты. Заставляя эстонцев плечом к плечу с белогвардейцами сражаться, они только усилили их желание выпутаться из войны с целой шкурой.

Буржуазные эстонские политики, правда, объяснялись с империалистами в таком духе: мир мы подписали, чтобы не перестреливаться, но здороваться то мы с большевиками все равно не будем. Так или иначе, а благодаря стараниям ленинских делегатов в Тарту второго февраля тысяча девятьсот двадцатого года был подписан мирный договор между нашими странами...

Сесси и ее друзьям нравилось ходить в гости к Королю, и он догадался, что главным образом из-за возможности пообщаться изолированно от всех и именно в своем кругу. Он не сумел вникнуть в смысл однажды сказанного Антсом о ком-то: «...они конечно же смеяться станут, не верят они в это, не поймут...» Нет, не сумел Король эту обмолвку расшифровать, но с этим согласились другие, а Король заключил: у них, Сесси и Антса с их друзьями, особая дружба, и им приятно собираться, чтобы не было посторонних, кто их не понимает, это все равно как Ангелочек с Юханом, которые ходят в молельный дом читать Библию, к ним тоже ходят только те, кто любит читать Библию, но те, кто над Библией смеется,— а Король сам слышал, как насмеялся Прийду над богом,— те в молельный дом не ходят. Так он догадался, что ходят ребята к Королю в гости потому, что здесь изолированно и уютно.

А теперь, когда Его Величество принудили возвратиться в небесно-синий дом, на веранду и Сесси больше нельзя было. Король предложил свою комнату в небесно-синем доме, но Антс лишь посмеялся:

— Алфред нас живо выдворит, он не из нашей компании.

Сесси же опять предупредила:

— Ты про нас им не говори, а то тебя будут ругать.

Король был не из болтливых. Он помнил, как Алфред говорил Хелли про Сесси после ее ухода от них в Звенинога: «Бесхарактерная девчонка, легкомысленная, из нее хорошей шкуры не будет, работать она не хочет». Хелли не возражала, значит, и она так думала. А разве сама Ангелочек не ругала всегда Сесси за какие-нибудь легкомысленные поступки, не говорила, что у нее ветер в голове? Но именно Сесси взбиралась на чердак и рассказывала Королю сказки, сидя в его свином корыте, а не Ангелочек. О да, Ангелочек никогда сказки не рассказывала. У Сесси все сказки были о злых ведьмах, которые пленили кого-нибудь беззащитного, и как над злыми чарами одерживалась победа, и беззащитные освобождались. И как же можно сказать, что Сесси легкомысленна, когда ее не интересовали красивые наряды, как, например, Хромоножку. Сесси занимали вещи практически полезные. Это от нее Король услышал сказку, как заблудившийся в лесу мальчик очутился в шоколадном доме, здесь все вещи были шоколадные, сам дом из шоколада, и мебель внутри, и утварь — все из шоколада, а это практично, жаль, что теперь уже не делают вещей из шоколада. Король вспомнил заказчиков и заказчиц Алфреда, как они восхищались блестящей мебелью, и она действительно была красива — что и говорить! — но если бы она была из шоколада, то приобрела бы настоящую ценность. Да, жаль, что уже нет в мире вещей из шоколада! И жаль, что уже не может Сесси с друзьями приходить к нему в гости на веранду в доме у реки. Но он не болтун. Он не скажет о них. Главным образом

стал он теперь посещать Лонни. Здесь, на пастбище, он и узнал страшную новость: утонула Эльна.

Мать Эльны была учительницей в старших классах, ее отца он не знал. Лонни рассказывала Антону, что мать Эльны, ее отец и еще шесть человек, о которых Лонни ничего не знает (а Лонни знает многое, потому что на ее попечении коровы, по меньшей мере, четверти города), ушли ночью на моторной лодке в море где-то у мыса Черная Нога. Они, должно быть, хотели податься в Швецию, а тут и гадать нечего, потому что настало такое время, если кто-нибудь захотел куда-то податься, то только в Швецию и оставалось, ближе некуда, а туда только одна дорога — морем. Ну вот... А погода была сильно ветреная или... Кто знает, что там у них могло случиться, но лодка перевернулась, и все утонули, тела некоторых море вынесло на берег куда попало, в том числе и матери Эльны. Эльны не стало.

Итак, Эльна, мечта юного Короля, та, из-за которой его душа немало мучилась, из-за которой он заработал столько фингалей и заслужил в школе плохую известность, она погибла, и, хотя она и уделяла преступное внимание драчуну Виктору Трейману, Королю было невообразимо грустно представлять себе Эльну, одиноко опускающуюся в холодную, темную морскую пучину Балтийского моря, где она теперь одна-одинешенька лежит на дне — на песке ли, на камнях ли, и ползает по ней, такой, в сущности, милой, морские раки. Хорошо все-таки, что он перевлюбился в Марви. О да, он заблаговременно перевлюбился, хотя мама Марви и была простая домохозяйка, а отец всего лишь шофер, как и Карп. Но теперь он любит одну только Марви, и это уже навсегда. Что делала сама Марви в это сложное время, Король не знал.

Он знал в лицо ее мать — высокую, грузную жен-

щину. Он знал улицу Липовую, где их дом, он часто с независимым видом мимо этого дома прогуливался, просто так. Но было лето, а те, кто так или иначе встречался зимою в школе, летом на время расставались и могли встретиться разве что случайно...

В основном жизнь продолжалась по-старому: Хелли стирала, Алфред делал мебель и ловил каждое слово, когда у него бывали русские,— он боялся, что могут призвать в армию, а он, хотя и не был пацифистом, воевать совсем не хотел, тем более в такое время, когда неясно, за кого и за что заставят умирать. Правда, в газете писали, что некоторые знают: «На Замковую улицу, дом № 2, придут такие, как тот шестидесятилетний доброволец, солдат, который знал, за что идет умирать».

Тем не менее Алфред не был склонен идти умирать, он не знал еще — надо ли.

Он не был богат, но и не считал себя бедным. Он относился к президенту, как и полагается, но понимал, что тот за его личное благополучие не очень переживает в Кадриорге, во дворце в Главном городе. Ну и плевать! Он столяр-краснодеревщик и может занимать три квартиры, он сам в состоянии строить свое благополучие, и он не станет выжидать наследство, он со временем себе и собственный дом в городе построит, и в деревне где-нибудь хутор приобретет, чтобы было где дышать чистым, не городским воздухом, ведь он понимает, как это важно — чистый воздух деревни. Хотя город Журавлей — не Главный город, здесь все-таки у моря, можжевельник кругом, леса, парки, но город — это город. А воевать?

Если, скажем, за русских, которые, как стало очевидным из различных наблюдений и разговоров не самих офицеров-заказчиков, а их весьма претенциозных жен — и вправду не блистательного ума женщин,—

то русские считают, что освободили эстонцев. Но Алфреду подумалось, что освободили-то пока от... эстонцев, то есть капиталистических, буржуазных эстонцев, но... освободив, освободители вовсе не спешат домой, заказывают мебель, и он, Алфред, эту мебель с удовольствием делает. Однако, если будет коммунизм, кто скажет, что станет с его планами насчет собственного дома и хутора в деревне? Что же ему, вечно изготовлять для других красоту, довольствуясь скромной квартирой без особых перспектив на будущее?

А какие у него могут быть перспективы — дом, хутор? Нет, конечно, это само по себе не перспектива. Но он же человек с умной головой и умелыми руками, он добьется расширения производства, со временем у него будет фабрика, а тут предлагают — будь любезен, хватай винтовку и беги на фронт умереть за Сталина! Они что — за дурака его считают?! Пусть идут другие, которые работать не умеют, а только и смотрят, как бы что-нибудь у кого-нибудь отнять, конфисковать, как этот Векшель, который везде сует свой нос. Так что его, Алфреда, дело ясное — надо работать.

Карла позицию Алфреда одобрил. Он говорил Алфреду: если бы эсты из поколения в поколение относились к историческим изменениям так, как люди, похожие на Векшеля, то давно бы уже не было эстонцев.

— Потому что,— сказал Карла,— эстонцев уже лет семьсот — восемьсот кто только не освобождал! Немцы, датчане, шведы, русские и даже латыши под каким-то соусом носы свои совали и пытались освободить эстонцев от одних повинностей, чтобы тут же навязать им другие; единственно китайцы эстонцев еще не освобождали.

Хелли Мартенс, присутствовавшая при разговоре,

высказала, как всегда, свою генеральную жизненную позицию:

— Мы политикой не занимаемся, мы хотим спокойно жить и делать свое дело.

Она считала, что тот, кто не занимается политикой, никому не мешает, а если не мешает, значит, и никто его не тронет. Она считала, что политика — это удел государственных людей, каких-то специалистов, так что пусть уж эти специалисты политической деятельности сами между собой и выясняют отношения, а людей пусть не задевают.

— Но самое скверное при всеобщем процессе освобождения, — продолжал Карла, — когда те, кого так усердно освобождают, не могут решить, как жить, с кем дружбу водить и во имя чего, теряют уважение к самим себе, начинают грабить друг друга, как было уже не раз за небольшую историю эстов. Так что, если человек в такое сложное время, несмотря на все, делает полированную мебель... По поведению такого человека он, Карла, может предсказать: эстонцы еще будут, не сгинут с лица земли.

Если бы Королю в этот час, когда он слушал сей разговор, было не девять лет, а, скажем, пятьдесят, он мог бы спросить у Карлы: «Эстонцы будут, но какие?»

Итак, оказывается, еще утром, когда Король спал, началась новая война, и Его Величеству невозможно было понять, что, собственно, от этого изменилось и почему все забыли о самом главном — о его дне рождения? Ведь была же война России с Финляндией, еще была война Германии с Францией и с другими странами, взрослые слушали «Филипса» и об этом судачили, ликвидировались государства, но в городе Журавлей все оставалось, как всегда. Что же изменилось теперь, когда еще одна объявилась — Германии с Россией?

И действительно, Король идет, вернее, бежит по Закатной улице, по тротуару, заросшему терпко пахнущим бурьяном, навстречу парят бабочки, везде спуют воркующие голуби, уже у Каменного моста встречаются первые коровы, жующие на ходу жвачку, и речка Тори течет, как всегда, сияющая, отражающая в своей водной глади ослепляющие солнечные лучи, и все выглядит привычно, хотя и увезли «Филипса» и велосипеды — что же тут такого? Мир все равно теплый и прекрасный.

Король взобрался на парапет Каменного моста и уселся лицом в сторону Абрука. Здесь на правом берегу сушились рыбацкие сети, сюда коровам хода не было, они могли купаться только по северной стороне моста, отсюда же был виден остров Абрука.

Королю нравилось сидеть здесь, и не только ему — сюда часто приходили проживающие рядом рыбаки поговорить о жизни, а старшие ребята, в том числе и Валя Калитко, с гитарами, показывать друг другу свое умение. Король же, когда удавалось побыть здесь одному, думал. Он не очень четко представлял себе, что значит этот процесс в конечном итоге, но каждое утро, когда он открывал глаза в своей постели, было как будто уже не такое, как предыдущее, и Король начинал осознавать, что и дни один на другой никогда не похожи, что в любом деле могут случиться какие-нибудь неожиданные вещи, о которых, когда ложишься спать, и не подозреваешь. Ведь только недавно была жива Эльна... А если что-нибудь завтра случится с Марви?..

А Хелли Мартенс? И Алфред? И Вальве Земляника? Все живут, словно в их жизни ничего особенного не произошло и не происходит, но Король-то уже осознал, что это так только кажется, что это кажущееся — поверхностное. Они делают сегодня то, что делали вчера, — ходят в город в магазины, работают,

едят и спят, а все-таки Алфред с Земляничкой целовались... и Хелли об этом не знает, а все-таки Алфред Хелли избил ни за что, а все-таки он, Король, все знает и... все еще не понимает, как он должен ко всему относиться, и к той взрослой книге о половой гигиене — что бы это означало? — которую ему подарил Эрих Морской Козел, и к Арви, и к Урве с ее «лечением» — что бы все это в жизни значило? К тому же, почему он краснеет, когда думает о Марви? А тут еще кругом война и ничего нельзя!

Тем не менее каких-то особенных перемен в жизни не было, все текло, по крайней мере у него, столь же привычно, как река Тори. Приезжал Манчи, привез полную телегу дров, так — на всякий случай. Дрова горожане обычно закупают уже летом, но доставляют их зимою по снегу, когда можно возить на розвальнях, они почему-то для этой цели более пригодны. Но Манчи сказал:

— Старик велел отвезти, а то время такое, что неизвестно, можно ли будет зимою вообще выбраться в город, а мне что — я привез. Хуго повестка пришла, — сообщил Манчи. — Мобилизуют.

— Как Ангелочек? — спросил Алфред. — Плачет?

— Когда это она плакала? Что у нее один Хуго? При такой-то ораве плакать ни к чему. Картошку теперь мне одному, что ли, собирать?

И правда, вскоре приехал Хуго, поужинал в небесно-синем доме с королевской семьей. Говорили о войне, о солдатской жизни, и Король имел возможность рассказать о своем друге — солдате Карпе, но им было неинтересно. Хуго ушел в город, и Алфред сказал, что он теперь будет жить в той самой школе, где учился Король, что в ней разместили мобилизованных, что спят они в классах. Король обрадовался: значит, и школу война отменила?! Раз в школе мобилизованные. Он побежал к школе, чтобы самому

убедиться. Точно. У подъезда стоял часовой, сказал Королю: «Эй тохи!» — нельзя. Пожалуйста! Королю и не нужно. Он с удовольствием уступает им школу, живите на здоровье, он не возражает. Над подъездом висел транспарант: «Среди нас нет трусов».

Пробегая мимо тюрьмы, Король остановился, чтобы прочитать висевший здесь на стене огромный плакат: «Они хотят поработить нас, как уже поработили Францию, Польшу, Грецию, Чехословакию, Норвегию и другие страны. Островитяне не дадут себя поработить — конец фашизму! Да здравствует наш великий вождь и учитель — товарищ Сталин!» Рядом была карикатура на буржуев: толстый человек, пожиривший пряник в виде Европы. Королю подумалось: почему это буржуй всегда толстый, а пролетарий всегда тощий? Рядом с буржуем, который ел Европу, призыв к добровольцам в истребительный батальон: «Беремся за оружие! Нужно разделаться с саботажниками и дезертирами...»

Королю было непонятно: кого и как они будут истреблять, он не мог себе представить, как выглядят саботажники и дезертиры. Что батальон — воинская часть, это Король знал, и он понимал, что солдаты на войне только тем и заняты, что истребляют врагов, а здесь еще добровольный истребительный батальон.

В сущности, Король жил своей жизнью, как будто отдельно от всех, не забывая одного: присматриваться и прислушиваться. Особенно его интересовали разговоры, касающиеся зимы и, естественно, школы.

Прибавилось еще одно зрелищное развлечение: стоя на Каменном мосту, можно было смотреть, как летали над бухтой юркие тупоносые самолеты с красными звездами на крыльях. Они жутко ревели, то взмывали вверх, то резко падали вниз почти до само-

го моря, так что Королю порою казалось, что самолет вот-вот бухнется в воду,— не бухнулся, обратно взлетел вверх. Так порою длилось целый день, и было занимательно. А в садах уже начинали созревать яблоки.

То была жизнь Короля. У взрослых — Король об этом лишь смутно догадывался — жизнь продолжалась в тревожном ожидании, чем все это кончится. В домах почему-то спрятали национальные флаги трех цветов, означающие, как известно, синее небо над головой, черную землю под ногами и белый цвет чистой души эстонца. А в то время, когда люди, не занимающиеся политикой, жили в тревоге, другие эстонцы, с «чистой душой», шныряли по домам, расспрашивали, выскивали, как господин Векшель, — тоже эстонец с «чистой душой». Объявили декреты военного времени: соблюдать комендантский час от двадцати двух до шести часов. Выходить из домов в это время только с разрешения коменданта. Клубы, кафе, театры заканчивают работу в двадцать один час. Торговля алкоголем закрыта. Собираться на улице больше трех человек запрещается.

В город стали ходить редко, только в случае крайней необходимости. Так что улицы были почти пустые даже среди бела дня. Город Журавлей жил в каком-то напряженном ожидании, со стороны замка слышались винтовочные выстрелы, и Карла высказал предположение, что там, на стадионе, видать, устроили стрельбище. Место для этого и вправду весьма подходящее, учитывая высоту окружающих замковых валов со старыми, пустыми, огромными и глубокими пороховыми хранилищами в них.

Но яблоки созревали; Король охотился за вишнями, которые из всех ягод любил больше всего. Он, конечно, с удовольствием полакомился бы черникой, ее в островных лесах вдоволь. Он, конечно, никогда не

отказывался и от земляники, ее в здешних лесах в изобилии. Но вишня была для него милее, вероятно, в его организме чего-то не хватало такого, что содержалось в вишне. Да кто это сможет объяснить, отчего да почему? Как и то, откуда в такое прекрасное время, когда над речкой Тори только что кружились белокрылые чайки, вдруг налетели огромные тучи ворон. Откуда они взялись и куда летели? Никто этого не знал, а Жорж Калитко этим и не интересовался. Он сидел в камышах и рисовал стаю черных ворон на фоне золотистого солнца.

ГЛАВА XIV

Король проснулся в превосходном настроении. Он всегда просыпался в хорошем настроении и не знал, не задумывался, почему так. Ему не могло прийти в голову, что люди иногда просыпаются в плохом настроении без причины. У него было хорошее настроение потому, что настал новый день, а новый день... Он же новый!

Солнце взошло. Как всегда, оно начинало свой путь со стороны улицы Большой Гавани, но Король обычно просыпался, когда оно уже находилось приблизительно над портом Ползучий Остров, расположенным в самом деле на мысе, названном преувеличенно полуостровом: мыс это был, всего-навсего... мыс. Но почему это место так странно все-таки называлось? Аэродром здесь был в действительности, отсюда-то и взлетали тупоносые самолетики, которые кружили целые дни над бухточкой перед городом Журавлей.

Когда же солнце добиралось до аэродрома и пристани, Его Величество открывал глаза, бодро выскикивал из кровати, чтобы не мешкая одеться, живо про-

глотить завтрак и поскорее выбежать из дома, пока его не перехватила Хелли и не заставила помогать по дому, например выгребать золу из-под плиты.

В доме стояла тишина. Но где-то дальше что-то глухо грохнуло, до того сильно, аж стекла на окнах зазвенели. Интересно, где это? Надо как можно скорее установить.

Первым делом, соображал Король, надо побежать на мост, оттуда вся панорама города как на ладони.

Хелли в кухне чистила картошку, незаметно мимо не выскользнуть. Алфреда не было видно, зато слышно, значит, в столярке, где же еще? Королю чистка картошки не показалась занятием неуместным, собственно, чистка картошки и Хелли в его сознании слились в явление нераздельное. Когда же грохнуло, у Хелли от испуга нож упал на пол. Она застыла, глядя со страхом в окно.

— Боже! Это что еще такое? — воскликнула она. А что мог сказать Король, хотя не его она вопрошала. Он сказал все же:

— В городе грохочет, там что-то происходит.

Что бы в городе ни происходило, Король знал, на обед будет толченый картофель со свиными шкварками. Такой обед Хелли называла «быстрым», а картошку надо есть все равно, что бы в городе ни происходило, потому что картошку едят даже во время войны.

— Хочешь есть? — спросила Хелли и уже хотела подняться со стула, чтобы обслужить своего августейшего сорванца. Но ему было не до еды... когда где-то что-то грохочет.

— Я пойду, — сказал он, словно спросил, — побегаю немного... — Скорее бы за дверь! — Мне же подышать надо! — услышала Хелли ответ Короля, которым в данную минуту владело безотчетное стремле-

ние быть на улице, питающей его сознание чем-то необъяснимо волнующим. А если сказать по правде, балтийский воздух действительно насыщен особенными жизненными флюидами, тем более на острове. Так что Люксембургскому Королю феноменально повезло с рождением в городе Журавлей. Сделав свой первый вдох в жизни, он тут же констатировал — воздух превосходной свежести!

Увы! Не успел-таки Король выскочить за дверь, она отворилась, и вошел Алфред. Он с трудом стал втаскивать большой фанерный ящик. Удивленной Хелли он сообщил:

— Солдаты там склад открыли, все тащат кто хочет. Здесь ботинки мужские, разные размеры, есть и для этого...

«Этот» был, разумеется, Королевское Величество. Алфред открыл ящик и начал доставать из него коробки с ботинками. Одну коробку кинул Королю:

— Примерь.

Ботинки были черные, красивые, с кожаными подметками, от них шел запах... новых ботинок! Приятнейший запах. Королю ботинки подошли, и Хелли обрадовалась.

— Слава богу! — воскликнула она. — Пусть рвет их теперь.

Нет, Король вовсе не хотел рвать такие красивые ботинки. Что за глупости! Да и снимать ему их не хотелось. Однако лето...

— Пойду-ка схожу еще раз, — собрался Алфред, — там, кажется, подошвенную кожу нашли, посмотрю.

Хелли было интересно узнать, как случилось, что солдаты открыли склад, и можно ли там брать, и не опасно ли, или приказали этим солдатам открыть склад, а может, все-таки нельзя там ничего брать?

— Солдатам приказали, по-видимому, не открыть склад, а взорвать,— объяснил Алфред перепуганной женщине,— но солдаты не пожелали, видеть, там же не военное снаряжение, а промышленные и продовольственные товары— что его взрывать? Чего ради добро уничтожать? Они и открыли двери настежь и крикнули: «Берите, тащите, нам не жалко, а то сгорит все — война же».

Алфред говорил правду: война приближалась. Если бы можно было Хелли подняться на большую башню замка, она бы увидела, как разрываются снаряды, увидела пожарища, фронт приближался к городу. Многие горожане забили на всякий случай окна, выходящие на улицу, досками. Над городом пролетали немецкие самолеты, стреляли из пулеметов. В городской бойне из винтовок перебили весь находящийся здесь скот, туши нагрузили на грузовик и увезли на полуостров Сырве.

Алфред ушел. Король знал, что это склад на улице Малой гавани. На его стене высоко над маленькими окнами нарисованы три большие черные буквы: Э. Т. К. От дома до него не больше десяти минут королевского ходу. И кто мог ему запретить направить туда свои высокородные босые ноги?

Алфреда он уже не догнал. Прибежал на улицу Толли. Все время встречались нагруженные чем-нибудь люди, тащили в мешках, в коробках, на тачках ящики, мешки, свертки. Уже давно не видел Король столько людей на улицах, а у самого склада — столпотворение, как описано в бабушкином Писании, а также рассказывали в школе на уроке богословия; мужчины, женщины, дети, собаки — все сновали по складским помещениям, словно муравьи, проникшие в коробку с печеньем. И тащили и тащили. Какие тяжести! Король никогда бы не поверил, что человек способен до такой степени нагрузиться, такие грузы на

себе нести. На русском языке это явление объясняется в пословице: «Своя ноша не тянет». Но Король этого, естественно, не знал. А теперь все в этом складе стало «свое»...

Наконец, он увидел Алфреда, который возился у большой тачки на велосипедных колесах, нагружая на нее два больших ящика, тюки с кожей и мешки. Не заметив Короля, Алфред тронулся в путь: ведь нельзя было мешкать, надо было успеть сделать еще несколько заходов, склады раздают не каждый день.

Король влился в толпу и стал ходить из помещения в помещение, везде люди открывали ящики, коробки, проверяли содержимое, хватали, уносили; стояли галдеж, шум, пыль, от всего этого голова у Его Величества пошла кругом, как-то странно представить себе, что все тут, во всех помещениях, все можно взять. Раньше, бывало, он заходил в магазин, особенно в тот, что напротив памятника павшим солдатам в Освободительной войне,— магазин игрушек, но бывал он и в других, хотя у него и не было денег, просто так смотрел и завидовал тем, кто покупал то, что купил бы и он, если бы у него были деньги. А здесь столько всего, и, пожалуйста, бери — все твое. Ощущение от этого образовалось непонятное, двойное: это была радость от обладания, словно он ужасно богатый, и в то же время какое-то равнодушие: раз все можно брать, а всего очень много, то не знаешь, что именно надо брать, а тогда и не надо ничего. Конечно, смотреть — вот это да! Смотреть: что, в чем, какое, сколько. Это интересно. А брать? Куда девать все это?!

И Король радовался — все это и мое, я могу взять и унести сколько хочу. Жаль, что все не унести, было бы здорово, если бы можно было прийти в этот склад, когда что-нибудь надо: пришел, взял сколько надо и

ушел. В любое время. Еще было жаль, что все это не из шоколада. Он увидел какие-то беленькие симпатичные дощечки со сверкавшей стальной проволокой и узнал их: крысоловки. Король стал с ними играть, он с удовольствием щелкал крысоловкой, представляя, каково крысе, схваченной стальной проволочной челюстью. О да! Вернее, нет, ему не хотелось бы оказаться на месте крысы. Как глупо все-таки устроена крысиная жизнь, подумалось Королю, раз существует такая ее специфическая крысиная смерть!.. Ведь в одном только этом помещении сколько этих крысоловок в ящиках — на всех городских крыс хватит. Какое везение, что его родители — не крысы. Алфред, правда, тащит, но и все другие тоже!

А где игрушки? Должны же где-то быть оловянные солдатики — его мечта, так уже надоели шурупы, которые заменяли оловянных солдатиков, хотя, конечно, при наличии воображения шурупам можно придумать такие внешние данные, какие оловянным солдатикам не придашь, поскольку у них у всех одинаковые лица и мундиры. Игрушек он нигде не находил. Одна нервная женщина попросила его залезть наверх штабеля картонных коробок и сбросить вниз несколько.

— А что в них?

— Не знаю, но ты лезь, что тебе стоит при твоём весе.

Король исполнил ее просьбу. Женщина торопливо раскрыла-разорвала продолговатую узкую коробку — в ней оказались мухобойки. Женщина разочарованно посмотрела на них, но, подумав, взяла парочку. Что ж, мухи всем досаждают. Протащились два мужика, с трудом волокли длинный ящик — что в нем? А-а, неважно. Здесь везде можно было сунуть нос, все можно было трогать. Но Королю уже надое-

ло, захотелось на солнышко, которое приближалось к острову Абука, и Король ушел из склада.

Здесь он увидел двух солдат, стоявших поодаль. Они курили, смотрели на людей, о чем-то между собой переговаривались. К солдатам подошел ленивый черный кот, стал тереться о их сапоги. В это время подъехала длинная черная автомашина, блестящая на солнце, похожая на такси, в котором Король когда-то очень давно катался с Алфредом и Хелли в Главном городе, когда шел дождь и Хелли была вся мокрая. Черная машина ехала не быстро. Поравнявшись с солдатами, она чуть приостановилась. Сидевший рядом с водителем человек в кожаной куртке что-то сказал солдатам, и — Король даже не понял, что произошло, — раздался хлопок, словно лопнул воздушный шар, последовали еще хлопки, кот сиганул в подворотню. Один солдат упал, другой побежал, прихрамывая, и юркнул во двор кинотеатра «Скала», машина проехала и исчезла за поворотом.

Люди по-разному повели себя: одни поспешно удалились, другие с опаской озирались, не уходили. Некоторые посмелее подошли к солдату, который открыл им склад и смотрел с товарищем на их старания, когда они со склада все тащили. Солдат лежал на животе, из-под него выскочила тоненькая красная любопытная змейка-струйка; пробиваясь в уличной пыли, она шустро заскользила в сторону водостока. Солдат был неподвижен. Кто-то перевернул его и закрыл глаза.

Король стоял потрясенный.

Ему не приходилось в жизни видеть убийство, сам этот факт был ему непонятен — так и приходит смерть? Хлоп — и человек лежит на земле, а красная змейка бежит... Человек больше не встанет, ничего не слышит, не видит, лежит безучастный ко всему.

Над ним пролетела ворона, каркнула — ему все равно. Около стоят безмолвные люди — ему все равно. Значит, и Эльна там где-то в темноте на дне морском лежит, и по ней раки ползают, над ней рыбы плавают, а ей все равно. Король даже не понимал, страшно это или не страшно.

Он вопрошающе глядел на людей, на лежащего солдата, из-под которого выползала уже растолстевшая, сытая, бесконечно длинная красная змея; у солдата, еще недавно курившего, между пальцами откинутой руки дымилась зажатая папироса, она не успела погаснуть. Люди встрепенулись и стали как-то все сразу разбежаться; к Королю подошел незнакомый мужчина, крикнул зло:

— Ты что тут торчишь? Тоже зритель! Дуй отсюда, домой беги!

Король побежал. Он вообще-то терпеть не мог такого хамского обращения, но не это его погнало прочь — он просто должен был что-то делать, как-то поступить. Настолько необычной, ошеломляющей была ситуация. Но как он должен поступить? Естественно, он должен был двигаться, это ему диктовалось откуда-то изнутри, потому он и пошел послушно, потом побежал. Бежать намного легче, чем просто идти: когда бежишь — не думаешь, когда ходишь — думаешь.

В этот момент опять раздался сильный взрыв, загрохотало, и Король застыл — где это? Он вспомнил о своем намерении идти на Каменный мост, чтобы оттуда смотреть, не горит ли где-нибудь. Его беспрерывно обгоняли грузовички с солдатами, солдаты шли и группами, и пешие, и на лошадях, некоторые лежали на больших телегах, по-видимому раненые. Король вспомнил о Карпе — где он сейчас? Солдаты, лошадиные повозки, грузовики двигались в одном направлении — по Закатной улице, чтобы по ней выйти из

города и следовать дальше мимо Закатного леса, мимо леса Сосновая Нога, через реку Насва, все дальше до конца острова. Было жарко. Король бежал дальше. Горожане закрылись в домах. На заборах Короля приветствовали карикатуры на Гитлера — крысopodobные изображения с поднятыми лапками, к хвостам были привязаны свастики, Король бежал в сторону Закатной улицы, он спешил на Каменный мост, чтобы все увидеть. Вдруг ему захотелось есть, и он вспомнил, что Хелли утром чистила картошку, он побежал домой, в небесно-синий дом.

Здесь его появлению некому было как следует радоваться. Хелли была озабочена всем, что происходило, Алфред прятал в подвале привезенное со склада. Хелли стала кормить Короля, и он не ошибся насчет «быстрого» обеда — так оно и было, то есть в духовке была запеченная картошка. Хелли даже не спросила Короля, где он был, какие его дела, что повидал. Когда же Алфред зашел на кухню (иногда Короля кормили в кухне), чтобы унести очередной ящик, она спросила с тревогой в голосе:

— А если вдруг придут обыскивать?

— Им не до этого, — ответил Алфред, махнув рукой, — немец, видать, уже недалеко. В конце концов, чьи это товары? Они наши — эстонские.

Королю не терпелось рассказать о самом главном: человека убили. Но Алфред уже ушел с ящиком. Король все же сказал Хелли:

— Там одного солдата убили.

Реакция Хелли для Короля была совсем невыгодная.

— Сиди дома, — сказала она строго, — чтобы на улицу ни ногой! В такое время...

Он, может, и сидел бы, но когда в городе так грохочет, когда что-то необычайно интересное происхо-

дит, когда война рядом, а не в кино, или — как в фильме про матросов, которых утопили в море, повесив им тяжелые камни на шею. Русских. В кино — это в кино, здесь же грохочет не на экране — в самой жизни громыкает. Как же можно усидеть дома! Когда Хелли стала мыть посуду, Король через торжественную комнату вышел в коридор парадной двери и был таков. Через семь минут — можно было и быстрее, если бы не задержался у кем-то оставленной на тротуаре странной железной коробки, ломая голову касательно ее предназначения, — он оказался на Каменном мосту. Здесь уже стояли люди, в том числе и Карла Тайдемман, что напомнило Королю Тайдеманиху, встреченную недавно с доской. «Вот бы ей на тот склад... — подумалось Королю. — Неужели она такое прозвала?» Нет, не прозвала. Если бы Король был в городе, то мог бы наблюдать, как одна грязная старуха в калошах на разбитой витрине стягивала платье с манекена...

Войско продолжало идти в сторону Закатного леса, а дело приближалось к вечеру, и Король вспомнил про Лонни и коров: там ли они, на пастбище? Когда по Каменному мосту проезжали бронемшины и танкетки, мост дрожал так сильно, что, казалось, он развалится.

— Война, Карла? Да? — спросил Король, подойдя к старшему советнику королевского двора. Сказал просто так, чтобы известить о своем прибытии. — Война началась?

Карла обернулся, взял его за плечи, и они стояли, смотрели на столбы дыма, поднимающиеся то тут, то там в городе и за городом.

— Война на земле идет, не прекращаясь, — объяснил Карла. — Это все равно что приливы и отливы на море или как землетрясение: где-то сегодня, где-то завтра, где-то через год, где-то меньше, где-то больше,

но всегда существующее. Бедствие это, стихийное бедствие!.. Это в природе человека,— сказал Карла задумчиво.

Помолчав немного, он спросил Короля:

— Ты любишь драться?

— Приходится,— признался Король.— Без этого как? В классе... Да вот на улице Моря находятся всякие, кто о себе воображает... Со всеми, конечно, не справиться, но...

Но если уж он, Король, знает, что справится, то никакой сопляк пусть не надеется.

— Можно ведь не иметь дело с тем, кто не нравится,— предложил идею главный королевский советник.— И если кто-нибудь не нравится, можно же мирно урегулировать?

Король махнул рукой. Карла столько знает, а не может понять пустяка: когда сопляки задирают нос, они должны быть за это наказаны. А если они не задирают нос, значит, они трусы и за это должны понести наказание, а если кто-то окажется к тому же морально нечистоплотен, пытаясь откупиться от Короля взяткой в виде книги о половой гигиене, того следует бить регулярно в порядке обучения общественным наукам.

— Вот видишь,— сказал Карла,— война и в твоей природе существует. То же самое происходит и в мировой политике: одни не уважают других, людьми не считают и тоже о себе воображают, а потому вечно друг друга убивают.

Раздался грохот, и все увидели столб дыма совсем близко.

— Это в Большой гавани,— сказал кто-то,— или это склад на Вильденбергской. Там, наверное, боеприпасы. Слышите, как трещит...

Действительно, с той стороны, где только что под-

нялся столб дыма и огня, теперь доносился треск, словно шел бой и стреляли из винтовок.

— Это патроны...— определил тот же человек,— горят.

В это время над их головами с ревом пронеслись самолеты. Все на мосту хором загалдели:

— Немецкие!

— Три немецких истребителя.

— Один русский, тот тупоносый, маленький.

Самолеты кружились на сравнительно небольшой высоте, словно устроили представление для находящихся на мосту. Они с ревом носились друг за другом, и с неба слышалась такая же трескотня, как со стороны горевшего склада боеприпасов. Король догадался, что треск — это пулеметные очереди. Шел воздушный бой. Но почему тупоносый один против трех врагов? Король был в недоумении: что же, у него товарищей нет? Когда не было войны, их много кружилось над бухтой, а теперь один...

Королю нетрудно было решать, за кого он. Конечно, за того, кто один против троих. Он — за справедливость. Из разговоров остальных на мосту он заключил, что они ни за кого не переживают.

— «Мессершмитты»,— определил понимающе все тот же, по-видимому рыбак.

— А этот шустряк! — воскликнула одобрительно какая-то женщина.

А Король думал о том, видят ли Валдур и Свен воздушный бой. Он был горд, что видел своими глазами. Будет что рассказать.

Шустрый действительно был малый не промах: он то нырял вниз так же, как они это делали в мирное время, то вверх, то кувыркался, как Вилка зимою на снегу, и кто-то на мосту сказал:

— Хочешь жить — не так закрутишься.

Треск раздавался бесперывно.

Однако сколько ни крути, ни верти, а одному против троих трудно, и немцы его подбили. Самолетик врезался в море неподалеку от маленького островка Лайамадала. Там, куда он упал, море неглубокое, и самолет, ушедший в воду носом, был виден, вернее из воды торчал его хвост с красной звездой. А летчик? Король все надеялся, что он вынырнет из воды и поплывет к берегу, но никто не появился, значит, утонул, а скоро и хвост самолета дернулся и исчез.

На мосту стало тихо. Женщина, сказавшая, что «этот шустряк», охнула.

— О господи! — прошептала она.

— Да-а...— произнес рыбац.

«Мессершмитты» все кружили, словно высматривая, кого бы еще утопить, но в небе больше никого не было, и они устремились в высоту в направлении Абурука. Раздался оглушающий взрыв там, где стояло Раннакохвик (кафе), и тоже столб дыма да огня метнулся ввысь, сразу же следом поднялось огромное черное облако у Ползучего острова, и секунду спустя от мощного взрыва даже в ушах треснуло, где-то с другой стороны тоже гроыхнуло, кто-то определил:

— Это у Медвежьего озера.

Затем поднялся дым, и раздался грохот там, где дом Раджиевского. Грохот стоял превосходный.

— Это, конечно, интересно,— сказал Карла,— но если тебе не повезет, то не такие еще увидишь взрывы... Не дай бог!

И он потянул Его Величество за собой.

— Наверное, дома волнуются за тебя.

И правда, Король сам это предчувствовал, то есть предчувствовал, что приближается час очередной порки — урока общественных наук.

Урока общественных наук, к счастью, удалось избежать благодаря неожиданному появлению Сесси. Когда Король робко открывал дверь кухни в небесно-синем доме, он ждал гневных расспросов и всего последующего, но в кухне возились Хелли и Сесси, тут же и Алфред, раздался приветственный возглас Сесси, адресованный появлению Его Величества. Он успел сообщить, что... «мы с Тайдеманом смотрели, как самолет подбили», и Алфред вполне заинтересованно выслушал историю о том, как они «с Тайдеманом» были на мосту. Потому что шляться без Тайдемана неизвестно где, хотя бы на Каменном мосту,— это одно дело, а смотреть на происходящее в жизни «с Тайдеманом» — это другое дело. Во всяком случае, с Тайдеманом можно больше, чем без Тайдемана. Хотя они с Тайдеманихой и являются крохоборами, над которыми в их отсутствие насмеваются, но тем не менее Тайдеману принадлежат три дома, в том числе и тот, в котором живут они. Главная причина спасения Короля была все же Сесси. Одно к одному.

Состоялся ужин.

На ужин Хелли сварила гороховый суп с копченой свиной из ученого саарского кабана, который умел сказать спасибо после кормежки: подойдя к тому, кто ему подлил в корыто еду, он благодарно хрюкал. Кабана этого всегда ставили в пример Королю, когда тот, вылетая из-за стола, забывал говорить спасибо. Оказалось, кабан приказал «долго жить», так что Сесси привезла с собой его последний привет в виде ляжки. Отрезая от нее, Хелли сказала:

— Надо тянуть с этой свиной, поди знай, когда теперь до деревни доберешься.

За ужином Алфред расспрашивал Сесси про ее жизнь — где была все это время, хотя времени, в сущности, с тех пор, как она предпочла деревенский воз-

дух их дому, прошло не так много. Но дело в том, что и в деревне, на хуторе Сааре, она не была.

Где же она была, эта неугомонная, своенравная Сесси?

Сесси не считала нужным подробно об этом рассказывать.

— Искала, где лучше,— сказала она. А из ее дальнейшего рассказа все узнали, что устраивалась она на хуторах в разных местах. А зачем?

— Что же все время на одном месте сидеть? Ничего и не увидишь в жизни,— так она объяснила свое поведение, которое Король находил вполне заслуживающим внимания, если не больше.

— Тебе придется взять Сесси в квартирантки,— объявила Королю Хелли после ужина,— так что будь ей внимательным кавалером.

Сесси постелили на легком топчане в комнате Его Величества, и это было ему по душе. Короля больше всего занимал вопрос: зачем пришла Сесси в город Журавлей, в небесно-синий дом теперь, в такое время? Надолго ли она здесь останется? Его бы устроило, если бы она осталась: такая перспектива сулила определенное расширение свободы действий: Сесси была бы в некотором роде громоотводом, отвлекающим от него внимание взрослых. Он без хитрости спросил у Сесси, когда они остались в его королевской спальне:

— Почему ты к нам пришла, Сесси?

Сесси не ответила. Она повела себя почти как Хромоножка — легкомысленно рассмеялась. Тогда Король решил немедленно конкретизировать ситуацию:

— Ты теперь остаешься?

Сесси задумалась и молчала, она как будто не слышала заданного вопроса. Что же это такое?! Король немного даже обиделся. Ни с того ни с сего Сесси вдруг проговорила:

— Тебе уже девять? Как ты вырос...

Она стала гладить волосы Его Величества, который не был расположен к разного рода телячьим нежностям, он даже Хелли не позволял лишней раз себя облизывать, хотя нельзя сказать, что у Хелли таких поползновений не было, но Сесси... так и быть.

— А что такое любовь, как ты думаешь? — спросила Сесси.

Король не ответил, не мог, он молчал и думал — вопрос не из легких, но ему показалось, он уже начал догадываться, что любовь это...

— Это, наверное, когда тайно целуются — да?

Нет, Сесси совсем какая-то ненормальная: что он такого смешного сказал?

— Наверное, ты и прав насчет тайны, — согласилась она, наконец вдоволь посмеявшись.

На ее смех заглянул Алфред.

— Вы что так развеселились? — спросил строго. — Кругом черт знает что происходит, а они хохочут тут... Спать, спать!

Закрыв дверь, Алфред сказал Хелли, что пойдет в столярку, посмотрит, как там, и сразу же вернется, чтобы все в доме было тихо и не зажигали света, в особенности эти два весельчака; и Король с Сесси сообразили: весельчаки — это они. А свет и не нужен был, в это время года на острове долго светло.

На улице же происходила непрерывная военная жизнь, единственным ее проявлением в этот час было движение. Урчали моторы, цокали копыта, клацали глухо каблучки солдатских ботинок. К полуночи все наконец стихло. Уснули и в небесно-синем доме. Но спали недолго. Уже издали стало слышно громкое, разноголосое пение; дикое, пьяное, которое, сливаясь с шумом автомобильного двигателя, быстро прибли-

жалось. Когда же оно поравнялось с небесно-синим домом или, может быть, чуть раньше, раздалась очередь из пулемета, со стен в небесно-синем доме посыпались щепки, разбилась ваза Хелли на комод. К счастью, комната Его Величества располагалась в задней стороне дома, так что это происшествие не потревожило сон уже почивавших Короля и Сесси. Утром Алфред обнаружил в стене над окнами целый ряд дыр, были сорваны кусочками обои.

Несмотря на отвлекающее присутствие Сесси, Королю в наступивший день не удавалось выскользнуть из дома прямо с утра. Можно было только у окна торчать и довольствоваться этим.

За окном же продолжалось движение войска в сторону Закатного леса, уходили солдаты — друзья Короля. Ему стало печально от мысли, что, наверное, не скоро он теперь сможет встретиться с Карпом.

В городе уже не грохотало, где-то далеко что-то беспрестанно гулко бухало. Иногда с ревом пролетали над домами самолеты, но чьи — Королю не было видно. Он был в плену, а в плену не многое увидишь.

Наконец к полудню все стихло. Солдаты уже шли поодиночке, спешно. Вот еще идут трое. Два солдата почти несут третьего, который, обнимая их, висит между ними, одной ногой подпрыгивает, другая волочится безжизненно. Они шли медленно, оглядываясь.

Затем с полчаса улица была пуста, никто больше не проходил, только воронье раскаркалось на заборе противоположного участка.

Но вот опять показались солдаты... в форме другого цвета. Уходящие были в зеленой форме, эти же — в серой. Они шли с автоматами в руках, у многих засучены рукава, как у Иммануэля, когда тот месил тесто по субботам на Сааре, если Ангелочку удава-

лось заставить «этого лентяя». Потом проехали незнакомые танкетки с черными крестами на броне. На них сидели также серые солдаты, многие без касок. И тут Король увидел, как им навстречу выбежали женщины и бросили солдатам на танкетках цветы. Еще прибежали люди и что-то кричали! Танкетки остановились. Серые солдаты смеялись, посылали женщинам воздушные поцелуи.

Алфред сказал:

— Ну вот... Еще освободители пожаловали. Сколько их было за семьсот лет! Теперь можно выйти на улицу. Схожу в мастерскую, мое место там.

ГЛАВА XV

«Теперь можно выйти на улицу...»

Вряд ли это было адресовано Королевскому Величеству, кому невыносимо стало торчать у окна. Сказанное означало всего лишь, что уже не опасно, поскольку линия фронта продвинулась дальше и находится где-то, может быть, в районе Сосновой Ноги, или Насва, или уже в Сальме, или даже на конце самой пятки Сырвесской голени. Король же воспринял это как команду: всем на улицу! И, прежде чем ему успели что-то запретить или остановить, его сдуло как ветром. Любопытство — это желание увидеть, чтобы узнать, а узнать, чтобы понять. Разве не ясно?

Взрослые могут быть любопытны, могут и не быть — это их дело. Но если такие, как Король, нелюбопытны, их следует поместить в дом сумасшедших.

Куда в первую очередь? — спросил себя вырвавшийся из плена Король.

Везде хотелось побывать одновременно. Может, сразу бежать смотреть на пастбище? В этой стороне тоже здорово долбануло. Лонни, он понимал, там нет: коровы-то утром не шли, вся дорога была занята, да и кто отпустит корову в такое время? Надо было подскокить к дому Раджиевского, если... он еще есть. А вообще-то нужно пуститься галопом на улицу Моря, узнать, как Валдур и Свен, а мимоходом заскочить к Морскому Козлу. Э-э, да их же никуда не пустят, ясное дело.

И Его Величество ни бегом, ни галопом, а отправился нормальным ходом к центру города, глаза на все.

Вот он — парк. Часового у входа нет, значит, можно идти? Он не спеша направился к курзалу. Здесь только что стояли русские автомашины и разные повозки в кустах, они были видны даже с Парковой улицы. Теперь здесь разворачивались другие грузовики, длинные, разукрашенные в зелено-серый цвет. Около них возились солдаты, говорили опять на космическом языке, но уже не на марсианском. У концертной раковины устанавливали полевую кухню, оказывается, эти тоже едят. У выхода из парка на Главную улицу встретилась колонна мотоциклеток и небольших, пестро раскрашенных автомобилей с пулеметами, везде солдаты в зелено-серых мундирах. На Короля ни одна собака не обратила внимания. Солдаты в касках, солдаты в пилотках, солдаты без головных уборов. Воздух не воздух, а гарь какая-то. То ли дымом воняет, то ли мылом, то ли тем, что пьет Калитко. Непонятная вонь. А вот что-то валяется и блестит — гильза. Король поднял ее, понюхал, от нее тоже шла непонятная вонь, и Король догадался — это запах пороха.

Город Журавлей так мал! До центра города Королю не понадобилось долго идти, от небесно-синего до-

ма до центра можно дойти за двадцать минут. Но Король не спешил, он шел медленно. Его занимали люди — женщины и мужчины, даже дети, словно и они освободились только что, как и Король, от домашнего плена.

Но Король не верил, что и взрослые могут быть освобождены от домашнего плена — их не загонишь, а тогда от чего они освободились? Король догадался, с какой иронией было сказано Алфредом: «Еще освободители пожаловали...» Король понимал, что Алфред не очень радовался этим освободителям, а многие, кого он видел на улице, радовались, были веселы. А гулкое буханье теперь доносилось уже с другой стороны города — оттуда, где лес Сосновая Нога.

Напротив магазина игрушек группа людей трудилась у памятника павшим в Освободительной войне — они его восстанавливали, так что теперь, подумалось Королю, он снова будет стоять с саблей в руке — человек, бронзовый солдат. Ему было интересно — где же он был, когда его место занимала цветочная клумба?

Король пошел дальше, направляясь к выходу из города, — на шоссе, по которому можно ехать до деревни Звениного и дальше до Сухого Места.

Солнце, скорее всего, добралось уже до полуострова Сырве. Каким-то роковым светом светило оно, так показалось Королю, — ржавым. Ему часто казалось — он был уверен, что солнце очень странно светит: всегда по-разному. Вчера, например, оно было теплое, мирное, а сегодня ни с того ни с сего покраснело, словно разгневалось, и свет его стал злобным, неприятным; завтра же, глядишь, оно опять золотистое и дружелюбное. Да, с солнцем, по мнению Люксембургского Короля, так обстояло дело. А на полуострове Сырве — там неизвестно, какие отвратительные события могли в это время произойти, которые освеща-

ло солнце, поскольку не оказалось туч, чтобы ими от них загородиться, ведь со стороны Сырве доносилось такое частое буханье, что, надо думать, было отчего стать ржавым солнцу и бурой земле.

Да, Король Люксембургский мог сейчас поклясться: шоссе было освещено ржавым светом. И камни на обочине, и трава, и гильзы, что валялись везде на дорогах, и патроны, и песчинки — все блестело ржаво-золотисто. А сам воздух содержал необъяснимо будоражащие волны, настраивающие его на непривычный лад. Увиденное он воспринимал так, словно он не шел, а проникал через все, что ему встречалось, что видели глаза. Он проникал сквозь действительность, через видение, ощущения, запахи, словно свет, или тепло, или электричество и жизнь — весь мир вокруг были как бы нереальны, как и рука человека, валяющаяся в дорожной пыли в совершенном одиночестве, и рука тоже была ржавая, но бледно-ржавая.

Это была кисть человеческой руки с растопыренными пальцами. Она была оторвана от человека так, что сохранился рваный краешек кровавого рукава гимнастерки, из него торчал белый конец кости.

Король уставился на руку в пыли — видел и не видел ее, до его сознания не доходило, что это... человеческая рука. Но тут ему вдруг трудно стало дышать, и сердце сильно заколотилось в груди: он увидел на руке знакомый рисунок, женщину-рыбу с большими сиськами. Он почти явственно услышал веселый голос: «Это ру-сал-ка, понимаешь? Ру-сал-ка!»

Какой нереальной была действительность! Он смотрел недоуменно на собственные руки. Они были с ним, они были его частями, а рука на дороге была не бледная, а серая. Вдруг солнечный луч высветил маленькую золотистую пуговичку на манжете окровав-

ленного рукава, пуговица, словно маленькое солнце, засверкала, и Король отпрянул. Он не сознавал, как очутился на обочине, за ней в глубоком кювете в крапиве лежало тело солдата. В крапиве он был плохо виден, лежал то ли на животе, то ли на боку и... без головы. Королю вдруг стало страшно холодно, он почувствовал озноб, в страхе осмотрелся — на дороге никого, она была пуста, но где-то вдалеке пыльная туча говорила о приближающейся колонне машин. Король сорвался и побежал. Бежать лучше. Когда бежишь, бездумно отдаешься власти ног. Они несут тебя, и ты подчиняешься их ритму, и нужно дышать — не задохнуться, бежать — не споткнуться, нужно видеть, что впереди.

Он бежал и видел, что все вокруг ржаво, а солнце уже опускалось за пастбище Лонни, в это время оно светит на заднее крыльцо небесно-синего дома на Закатной улице, и солнце стало уже совершенно красное, как бывает только зимою, когда сильный мороз.

Он бежал не останавливаясь. Добежал до центральной площади. Площадь не площадь — квадрат. Квадрат не квадрат — пространство побольше, с небольшим круглым газоном посередине. Вот и магазин игрушек, а памятник уже успели поднять, и стоит солдат с саблей наготове. Король же Люкс — он себя иногда так называл, поскольку слово Люксембург уж очень длинное, — бежал, но перед глазами стояла рука не с саблей, а с татуировкой — женщина с рыбьим хвостом.

Король добежал до парка, уже было повернул вправо, чтобы проскочить улицу Толли с кинотеатром, миновать грязелечебницу, но увидел женщин, которые плача выходили с Замковой улицы. Улица эта и есть подход к замку. Вымощенная булыжником, она проходит между двух домов — единственных на той

улице, проходит через заросший камышом древний ров и входит в темный зев длинной арки-туннеля в средневековом крепостном вале.

Людской поток вливался и выливался из туннеля, который также недавно охранялся часовыми, и, подчиняясь инстинкту, Король влился в людскую вереницу, которая шла навстречу выходящим из замка людям с мрачными лицами, их глаза выражали ужас и отчаяние...

...Тишина.

Могильная тишина.

Темно.

Наверное, так темно бывает ночью в Африке. Однажды мужчины, пришедшие к Алфреду подстригаться на хуторе Убольшойдороги, рассказывали друг другу, где побывали, что повидали в жизни, и один рассказывал, что бывал в Африке, что если там темно, то это намного темнее, чем на острове даже осенью, что ночь в Африке даже чернее, чем негр. Он говорил, что ночью в джунглях страшно очень: темно, не видно, но слышно. Когда рычат хищники, кричат невидимые ночные птицы, шипят змеи, скрипят деревья от ураганного ветра.

Здесь тоже страшно. Темно. Не видно. Слышны вздохи. Тяжелые, скорбные вздохи, полные страха и страдания. Слышны стоны и непонятный скрежет, словно царапает кто-то гвоздем по камню. Сыро и холодно. Все как в могиле. Но это только подвал.

Огромное помещение с малюсенькими оконцами в толстых каменных стенах, оконца разделены на четыре крошечных квадрата толстыми ржавыми крестовидными решетками. Оконца высоко у потолка, до них не добраться.

Он стоит не шевелясь, словно парализованный, по лицу бегут струйки холодного пота, по спине тоже, ру-

башка прилипает. Что-то пролетело близко, чуть задев голову, волосы обдало дуновением и вонью, что-то зашелестело рядом, затем пискнуло где-то наверху. Повернул голову, ему показалось, что он видит летучих мышей, цепляющихся за выступы в кирпичной кладке потолка, причем эти летучие мыши чернее темноты и висели, похожие на черные призраки.

С отвратительным писком пробежали крысы. Наконец, луч бледного света проник через маленький квадрат у сводчатого перекрытия наверху — луна осветила бледно это царство страха и беззвучия. Освоившись, он увидел людей, сидевших у стены, прижавшихся к ней, недвижимых мужчин и женщин. Лица людей во мраке едва были видны, и все же он понял, что они скованы страхом и ужасом. Стал слышен скрежет слабый, царапание по камню, какая-то тень что-то царапала то ли булавкой, то ли гвоздем о стену. Прочтет ли кто-нибудь в жизни это послание? Раздался стон, кто-то всхлипнул, никто не говорил — здесь все приговорены проклятием, породившим предательство и жадность.

Король стоял и знал, что однажды он все это уже видел, и было тогда лето и жарко на улице, но тоже были подвалы, летучие мыши, кровь и страх. Он знал, что еще будет галерея, а потом большое поле и покойники, лежащие рядами, он знал...

На небосводе передвигалась луна, и ее луч тоже двигался в страшном подвале от стены на пол, затем осветил очень слабо приоткрытую дверь. Увидев дверь, Король хотел приблизиться к ней, но был не в силах оторваться от стены, которая его держала, будто он к ней был приклеен. Его ноги застыли в судороге, он с трудом сумел поднять наконец одну, с усилием выдвинул и, едва передвигая пятки, ощущая спиной стену, стал крадучись, медленно-медленно добираться

ся к цели. Наконец, затаив дыхание, проскользнул в нее. И тут же встал, коснувшись лбом чего-то холодного. То были ступни человека, но Король не видел, на чем висел человек, не видел и его самого. Лунный луч осветил полосатый матрац на полу, на нем лежал голый человек, живот его был распорот. Пальцы вытянутых вверх застывших рук трупа были сломаны, словно веточки дерева, с них были содраны ногти. Его рот, раскрытый в безумном оскале, нагонял жуть, труп словно смеялся.

Здесь Король и увидел выход. Стремглав помчался вон, очутился на лестнице, ведущей наверх. Преодолев ее, выбежал на длинную, ярко освещенную лунным светом галерею с белыми колоннами и знал, что видел уже ее... Узкие высокие окна галереи смотрели во внутренний двор старого феодального замка, здесь прямо под окнами находился старинный колодец с колесом. У колодца на каменных плитах, прислонясь к срубу, сидела наполовину раздетая молодая женщина, в застывшей луже крови и с отрезанными грудями, длинные черные пряди ее волос при лунном свете искрились — то была седина.

Он выбежал вниз по лестнице во двор и оказался под сводом ворот замка. Не сознавая — куда, он побежал вправо, оказался на площади перед серой высокой стеной и увидел ряды мертвых мужчин и женщин вперемежку. Он испытывал ужас, но прошел между ними, глядя в раскрытые глаза покойников. Воняло дерьмом, гниющим мясом, карбидом, порохом, — одним словом, уничтожением и разложением.

Забыв, что существует подъем со ступеньками, Король стал карабкаться на вал, цепляясь за кусты и корни деревьев, за камни, и они, срываясь, покатились вниз, с треском ломая ветки. Проснулись вороны и галки, закаркали, загалдели хором.

Наверху тоже было темно, сюда сквозь листву де-

ревьев не проникал лунный свет. Устав от страха, Король, мокрый с ног до головы, упал на землю и заснул.

Король спал, а в мире шла война.

На полуострове Сырве шли бои. Отступившие русские войска укрепились и удерживали полуостров, им уже некуда было отступить. Они могли только сдать-ся или умереть сражаясь. Они не сдавались. И даже тогда, много времени спустя, когда во всей стране властвовали немцы, на полуострове Сырве шли бои, была слышна канонада. В городе Журавлей уже не было ворон, они все слетелись на Сырве: там грохот боя, выстрелы, крики раненых, стоны умирающих и взрывы, взрывы, взрывы...

Король уснул, но уже ничего не видел во сне. Его тело горело в огне, он спал. Когда же проснулся, не мог открыть рта, чтобы проглотить лекарство, которое ему дал Алфред. Рот свела судорога. Он едва узнавал окружающих. И стало ему страшно от вида лекарства в бутылке, на этикетке которой была изображена змея, обвивающая какой-то неизвестный предмет. Ему мерещилось, что это рисунок женщины с рыбьим хвостом и большими грудями... нет — без грудей, они же были отрезаны. Он снова и снова уходил в другой мир, который, наверное, тоже существует, как существуют черные дыры в космическом пространстве.

А на остров пришла оккупация.

Об этом говорили взрослые вокруг Короля. Обрывки фраз доходили до его сознания, когда он ненадолго возвращался из какой-нибудь черной дыры. Слово «оккупация» врезалось в его воспаленную память. И однажды он прошептал:

— Что такое оккупация?

— Это немцы,— ответила удивленная и обрадованная Хелли почему-то тоже шепотом.

— А русские были кто? — прошептал Король
опять.— Тоже оккупация?

— Это не совсем так,— ответил подошедший Ал-
фред.— Это,— пытался он закончить свое объяснение
и замялся.

В конце концов, сейчас ведь главное было то, что
Король Люкс заговорил.

Конец первой книги

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции	3
Глава I	5
Глава II	19
Глава III	34
Глава IV	54
Глава V	71
Глава VI	84
Глава VII	98
Глава VIII	115
Глава IX	131
Глава X	146
Глава XI	161
Глава XII	180
Глава XIII	194
Глава XIV	209
Глава XV	226

Ахто Леви

ТАКОЙ СМЕШНОЙ КОРОЛЫ

Повесть первая

«КОРОЛЬ»

Заведующий редакцией

А. Бармасов

Редактор

В. Пестерев

Художник

Ф. Барбышев

Художественный редактор

В. Гусейнов

Технические редакторы

Л. Беседина,

Г. Шитова

Корректоры

Н. Кузнецова,

Т. Нарва

Сдано в набор 01.07.88. Подписано к печати 19.01.89. Л21510. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 10,5. Усл. кр.-отт. 11,03. Уч.-изд. л. 10,41. Тираж 100 000 экз. Заказ 3938.
Цена 70 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий», 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Ахто Леви

Л36 Такой смешной Король!: Повесть первая: «Король». — М.: Моск. рабочий, 1989. — 236 с.

Эта первая из трех повестей известного писателя Ахто Леви рассказывает о мальчике-эстонце, который пылливо вглядывается в сложный и такой непонятный мир взрослых. Он живет по законам детства: безграничной любви, дружбы и добра, но в его светлый мир врываются такие понятия, как Сталин, репрессии и война... Вторая повесть о фашистской оккупации Эстонии, третья — о послевоенном становлении.

Л 4702010201—107 Без объявл.
М172(03)—89

ББК 84Р7—4

В издательстве «МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»
в 1989 году
выйдет роман Д. БАЛАШОВА
«Младший сын»

Он открывает серию книг
под общим названием
«Государи московские»,
охватывает сорокалетний период
нашей отечественной истории
второй половины XIII века (1263—1304),
когда с необычайной остротой
встали вопросы:
быть или не быть России,
по какому пути ей идти?
Продолжат серию
романы **«Великий стол»**
и **«Бремя власти»**.
Они выйдут в 1990 году.

АХТО ЛЕВИ

**ТАКОУ
СМЕШНОУ
КОРОЛЬ!**

Повесть
первая

KURESSAARE

70 к.